

ПРИМИРЕНИЕ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ?

**Возможности и условия
христианских усилий по примирению**

**Пособие
проектной группы Примирение
Германской Комиссии *Justitia et Pax***

Серия исследований о примирении и мире

Издатель: Германская комиссия *Justitia et Pax*

Редактор: Гарри Найер

Примирение между Востоком и Западом. Возможности и условия христианских усилий по примирению. Пособие проектной группы Примирение Германской Комиссии *Justitia et Pax*.

Серия исследований о справедливости и мире

Рабочий документ 86

ISBN 3-932535-07-3

1997

Адрес: *Justitia et Pax*, Аллея им. Аденауэра 134, 53113 Бонн
Телефон 0228 - 103217, Факс 0228 - 103318

Содержание

Оглавление	3
Предисловие	5
Часть А Примирение - дар Божий и источник новой жизни	
I. Повседневная реальность конфликтов	11
II. Виновный - жертва - наблюдатель: К вопросу о разделении моральной ответственности за конфликты	13
III. Как можно достичь примирения?	18
IV. Справедливый мир как цель примирения	23
V. Задачи конкретных действий по примирению при созидании европейского мирного порядка	25
VI. Работа по примирению - задача и обязанность христиан	29
VII. Рекомендации Европейской Экуменической Ассамблее	31
Часть Б Примирение между Востоком и Западом?	
Сближение с обществами Средней и Восточной Европы	
Б 1 Общая постановка проблемы	
Введение в социо-культурные крупные регионы Средней и Восточной Европы <i>Михаэль Г. Мюллер</i>	37
Сложные отношения между Православием и Католицизмом <i>Герхард Альберт</i>	52
Б 2 Примеры из отдельных стран	
Польское самосознание между "Grande Nation de L'Est" и "Polski Kompleks" <i>Адам Кшеминьский</i>	67
Чехия и её мощный сосед на Западе <i>Мирослав Кунштат</i>	81
Россия и Запад <i>Марина Павлова-Сильванская</i>	89

Б 3 Опыт при осуществлении проекта

Размышления об опыте работы Международного центра встреч молодёжи в Освенциме <i>Марек Фриштацкий</i>	99
Право на надежду. Помощь беженцам в Сербии. Сообщение о собственном опыте <i>Манда Присинг</i>	107
”Мемориал” в политической истории России <i>Вениамин В. Иофе</i>	112

Б 4 Отчёт о процессе разработки темы

Отчёт о процессе разработки темы. Опыт и результаты конференции <i>Йорг Люер</i>	123
--	-----

Приложение

Программа конференции	131
Список авторов	133

Предисловие

Настоящая публикация является результатом почти двухгодичной деятельности проектной группы "Примирение" Германской Комиссии *Justitia et Pax*. Перед проектной группой была поставлена задача, накануне Германской Экуменической Ассамблеи в Эрфурте 1995-го года, исследовать возможности и границы усилий по примирению и позднее зафиксировать всё, достигнутое на ней, для II-й Европейской Экуменической Ассамблеи в Граце в 1997 году, посвящённой тематике примирения. Следовательно, необходимо было найти пути, каким образом, говоря о примирении, можно отразить возникающие в настоящее время конфликты. В ходе работы проектная группа посвятила свою работу интенсивному рассмотрению вопроса, удастся ли и если да, то каким образом, с помощью понятия примирение создать такое понятие, которое смогло бы открыть новые горизонты для плодотворных действий.

На первом этапе группа занималась политико-богословским осмыслением понятия примирение с целью как можно более точного его определения.

После завершения этого процесса, наглядным результатом которого служит первая часть этой публикации, группа решила провести дискурсивный эксперимент, в ходе которого полученные знания были применены к конкретным конфликтным ситуациям, т.е. должны были быть подвергнуты опытной проверке.

Такой подход казался нам необходимым с учётом того наблюдения, что обращение с комплексом тем, касающихся примирения в церковной сфере, несмотря на все разногласия и глубокие расхождения между отдельными Церквями и обществами, всё же позволяет относительно легко - относительно, в сравнении с самими проблемами - достичь понимания на уровне богословского метаязыка, но это понимание часто остаётся лишь формальным и обычно не имеет продуктивного обратного воздействия на реально существующие конфликтные ситуации. Ввиду приближающейся II-ой Европейской Экуменической Ассамблеи в Граце, проходившей целиком под знаком встречи Востока и Запада, и с целью подготовки к ней, проектная группа провела с 17-го по 20 марта 1997 года конференцию "Примирение между Востоком и Западом. Сближение с обществами Средней и Восточной Европы". При выборе тем нашёл отражение тот факт, что встречи с Церквями из Средней и Восточной Европы сопряжены с большими сложностями, а порой почти невозможны. Объединённые в КЕЦ и ССЕС, Церкви могут убедиться на опыте, что разделение Европы пустило глубокие корни в умах и сердцах людей. Преодоление этого разделения остаётся задачей, от выполнения которой не в последнюю очередь будет зависеть способность Европы к сохранению мира.

Эйфория 1989 г. уже прошла и уступила место удивлению, дезинтузионированию, а относительно бывшей Югославии, даже страху перед ситуацией, сложившейся в Европе. Разделение в Европе значительно глубже, чем мы предполагали, и выглядит оно совсем по-иному, чем нам казалось под впечатлением холодной войны. Мы видим, что вместо устранения разделения, для интерпретации новых ситуаций начинают использоваться старые стереотипы. Мы имеем возможность наблюдать, как после распада Советского Союза и устранения конфронтации между блоками, значительно чётче стал проявляться новый конфликтный потенциал, выдвигающий новые требования к нашему политическому мышлению. Имеется ввиду национальная и этническая идентификация, проблемы меньшинств и другие проблемы, которые, на протяжении многих лет, под впечатлением от конфронтации между блоками не только недооценивались, но, более того, даже считались уже преодоленными. За период, прошедший с 1989 года, мы многому научились. Мы вынуждены были учиться, и, прежде всего, нам пришлось осознать, что произошла деформация нашего собственного восприятия и что мы неотделимы от исторического процесса.

Один из первых шагов по пути к преодолению этой ментальной и интеллектуальной деформации заключается в ознакомлении со взглядами и самопониманием "другого". При этом большое значение имеет осознание опасности, исходящей от поверхностных встреч, которые казалось бы служат подтверждением уже давно известного, а в действительности, вместо того, чтобы вносить свой вклад в преодоление разделения, лишь ещё больше углубляют его. Многие на Востоке нам кажутся "анахронизмом". Однако создаётся впечатление, что это восприятие нередко скорее отражает наше самосознание и наше незнание, чем комплексную реальную действительность в обществах Средней и Восточной Европы.

По мере развития дифференцированного видения восточной части Европы, нам открываются новые перспективы также и в видении всей Европы в целом. В этом смысле конференция должна была послужить вкладом в европейское сближение.

На основе опроса избранных крупных национальных групп, которые являются важнейшими актёрами данного региона, удалось раскрыть различные перспективы. В качестве докладчиков мы пригласили ведущих представителей интеллигенции соответствующих стран, которые, кроме всего прочего, отличались способностью передавать комплексные проблемы своих обществ также и западноевропейской публике. Для внесения наглядного контрапункта в общие выводы видных докладчиков, мы попросили представителей различных проектов и организаций из соответствующих стран, занимавшихся проблематикой "примирения" на уровне практической работы, выступить с рассказом об их опыте.

Исходя из различных перспектив, главным образом с позиции Средней и Восточной Европы, надлежало выяснить вопрос об отношениях между Востоком и Западом, об их конфликтном потенциале и о возможностях их примирения. Не случаен и знак вопроса, поставленный в названии конференции "Примирение между Востоком и Западом?". Этим мы хотим обратить внимание на наши сомнения относительно того, не является ли сама постановка вопроса свидетельством всё ещё слишком сильного влияния бывшей конфронтации между блоками. Эта проблема интенсивно обсуждалась в ходе конференции.

Уже во время самой конференции нам пришлось пойти на использование лишь примеров общественных контекстов, при публикации же мы вынуждены были предпринять ещё большие сокращения из-за редакторских соображений. Предложенные здесь тексты представляют собой слегка переработанные записи зачитанных на конференции докладов. Тем самым подчёркивается дискурсивный характер сообщений. К ним не следует подходить как к научной публикации. И всё же, рисуя современные отношения между Востоком и Западом и отражая положение в средне- и восточно-европейских обществах, они представляют собой инспирирующий материал, заслуживающий ознакомления с ним. Мы надеемся, что эта публикация послужит вкладом в диалог между Востоком и Западом, который сталкивался с такими препятствиями на протяжении долгих десятилетий.

Прелат Дитер Гранде

Председатель проектной группы "Примирение"

Часть А Примирение - дар Божий и источник новой жизни

1. Повседневная реальность конфликтов

Разговор о примирении имеет смысл лишь там, где существует сознание, что непреодоленные конфликты радикально изменяют чувства, мысли и действия людей. Этому процессу изменения не сможет в конечном итоге избежать и тот, кто не желает признавать факта этой непреодоленности перед самим собой или перед другими, и стремится вытеснить его из своего сознания или же преуменьшить его значимость. Под внешним покровом психологии, оставляющей впечатление, будто страдание от конфликтов касается лишь тех, кто склонен слишком чувствительно воспринимать реальность, непримиренность чреватой конфликтами ситуации начинает оказывать своё разрушительное действие, вопреки даже тем чрезвычайно хрупким препонам, которые могут поддерживаться посредством сохранения в памяти воспоминаний о перенесённых страданиях.

Правда, факт возникновения повседневных конфликтов оказывается, в определённой степени, неизбежным. Даже там, где люди стремятся обойтись без конфликтов, предпочитая им гармоничные формы совместной жизни, они могут обнаружить конфликт в виде структурного момента своей социальной ситуации, преодолеть которую они не в состоянии. Примером подразумеваемой здесь ситуации могут служить "объективные" конфликты интересов, нередко вызываемые различными позициями, занимаемыми в обществе или в институтах в результате уже сложившихся функциональных ролей: они могут ограничить возможность к кооперации и там, где участники испытывают единодушное желание избежать коллизии таких интересов.

Такого рода конфликты можно сгладить, по крайней мере до определённой степени, ибо в принципе, они поддаются согласованию. Кроме того, их вредное воздействие на характер личных взаимоотношений между конфликтующими сторонами можно ограничить благодаря тому, что объективная сторона сталкивающихся друг с другом различных интересов не совпадает с субъективной стороной, а именно с оценкой характера и мотивировкой соответствующего визави. Даже если конфликт не может быть разрешён положительно, противники не обязательно становятся врагами, а разногласия не оставляют неизгладимых обид и тем более ненависти.

Не все, пожалуй даже далеко не большинство возникающих в реальной жизни конфликтных ситуаций принадлежат к этому типу конфликтов интересов, которые можно освободить от субъективных моментов и, следовательно, рационально преодолеть их, сохранив состояние мирных отношений и настроенности между вовлечёнными в этот

конфликт лицами. Ибо, с одной стороны, опыт показывает, что, наоборот, довольно редко удаётся сознательно и эмоционально тщательно отделить друг от друга разногласия по сути дела от возможной антипатии к лицу, представляющему противоположную позицию. С другой стороны, не каждый конфликт содержит в себе противоположные интересы, поддающиеся урегулированию. Именно конфликты, оказывающиеся особенно разрушительными в личном и социальном отношении, нередко уходят своими корнями в значительно более далёкое прошлое, чем конкретный повод, приведший к актуальной вспышке разногласий. Если в этих конфликтах находит отражение общая история, чреватая возникновением конфликтов, продолжающаяся уже давно и сопровождающаяся глубокой враждебностью, потому что её участники по-разному пережили и ощутили её на себе, тогда вопросы, поддающиеся урегулированию путём переговоров отступают на задний план в сравнении с теми элементами и характерными особенностями конфликтной ситуации, которые в одинаковой степени затрагивают такие, недискутабельные вопросы, как личная мораль и существующий общественный и политический обычай.

Примирение необходимо прежде всего там, где такого рода морально и эмоционально окрашенные конфликты продолжают и впредь характеризовать ситуацию, оставляющую страдание без утешения, а возможно даже вызывающую и углубляющую его. О том, как следует подходить к таким ситуациям и пойдёт речь в наших нижеследующих размышлениях. Сознание того, что примирение и прощение, как единственная альтернатива к непреодолимым, ужасным, разрушительным конфликтам являются необходимыми не только для жизни, но и для выживания, продиктовано не только христианской перспективой и христианскими убеждениями, оно близко всем "людям доброй воли". И таких людей есть много во всём мире, включая Европу: внутри отдельных Церквей, но также и повсюду там, где люди сохранили восприимчивость к страданию и способность к потрясению, где они не поддаются логике мышления и действия, немилосердно разделяющей людей и их ситуации на победителей и побеждённых, на выигравших и проигравших.

II. Виновный - жертва - наблюдатель: К вопросу о разделении моральной ответственности за конфликты

Конфликты имеют не одну лишь "объективную" сторону, позволяющую по-разному описывать их и распределять по категориям. В поисках возможностей надлежащего обращения с ними, придётся учесть и субъективную сторону конфликтных событий, а именно, как воспринимают столкновение их отдельные участники, оказывающиеся в разных ролях и по-разному затрагиваемые происходящим.

Моральное измерение глубины конфликтов

Сказанное о конфликтной ситуации в целом, касается особенно тех конфликтов, в которых затрагиваются этические вопросы, где моральная оценка становится неизбежной. Там, где личный конфликт во взаимоотношениях между двумя отдельными людьми возникает из-за того, что один из них, являясь жертвой, испытывает на себе несправедливые, к тому же может быть и незаконные действия со стороны другого, это формирует иное, более глубокое внутреннее отношение к ситуации, чем в тех случаях, когда столкновение ограничивается всего лишь противоречивыми, но поддающимися сбалансированию интересами. Но и для тех деятелей, которые оказываются в роли виновных или наблюдателей, конфликт усложняется по мере того, как в нём начинают затрагиваться главные моральные стандарты.

К этому следует добавить, что распределение различных ролей между конфликтующими сторонами вовсе не является статичной и неизменной величиной. Наоборот, особенно в ходе долгосрочных конфликтных процессов можно нередко наблюдать, как меняются ролями отдельные действующие лица: иногда жертвы становятся преступниками, а преступники жертвами; а, на первый взгляд, непричастный наблюдатель может стать ответственным за ход столкновения, если он упустит время и не воспользуется шансом для возможного вмешательства - для посредничества между сторонами или для защиты стороны, находящейся под угрозой стать жертвой. Большая доля многоплановости, которая нередко характерна для усилий, направленных на урегулирование и примирение между продолжительно враждующими сторонами, и объясняется тем, что невозможно отдать справедливость одной стороне, обвинив другую сторону в несправедливости. Вступление в фазу конструктивного преодоления конфликта становится возможным лишь там, где эта неоднозначность берётся в расчёт и где вопрос об ответственности за принесённые конфликтом несчастья не возлагается без нужды на одну из сторон, или же тем более не сваливается по принципу механизма

”козла отпущения” на того, кто вряд ли в состоянии эффективно защитить себя от последствий такого рода обвинений.

Индивидуальная ответственность и вовлечённость в круговорот несправедливости

Задаваясь вопросом об ответственности или даже о вине за тяжкие страдания, причинённые жертвам какого-либо конфликта, следует иметь в виду, что нередко виновники этих несчастий действуют при таких обстоятельствах, которые могут затруднить или устранить чувствительность к чужому страданию. Основные психосоциальные механизмы незаметного привыкания к систематически совершаемой несправедливости, связанный с этим эффект подражания, а также, не в последнюю очередь, идеологическое оправдание даже самых грубых нарушений прав человека и его отражение в индивидуальном сознании, можно всесторонне воспроизвести на примере истории и феноменологии всех современных диктатур.

Но и жизненный опыт полного разорения (например, в результате войны, изгнания, радикальных изменений социальных и политических условий) также легко может привести к опасному идеологизированию мышления. Такой опыт вызывает не только индивидуальную реакцию. В ходе широкого общественного обсуждения он приобретает идеальные модели толкования - будь то в национальном, этническом, культурном или религиозном плане. Такие модели толкования тесно связаны с идентичностью каждого в отдельности; особенно в конфликтных ситуациях они могут развивать невероятную интегрирующую и нормативную силу в смысле политического действия. Ибо коллективное преломление индивидуального опыта рисует горизонт, указывающий на возможности преодоления перенесённого несчастья. Оно открывает возможность не быть раздавленным под тяжестью казалось бы непреодолимых событий, а наоборот, частично восстанавливает способность действовать перед лицом сложившихся обстоятельств.

Опасность такого рода процессов по созданию моделей толкования состоит в том, что они позволяют, как бы замыкаясь в себе, оставаться глухим к аналогичному опыту и страданиям иных групп и индивидуумов, реальность которых больше не находит себе места в моделях толкования таких коллективно сформулированных идентичностей. Вместе с тем, это ведёт к явному нежеланию критического переосмысления действий собственной группы; более того, появляется склонность воспринимать попытки такого переосмысления как покушение на собственную идентичность и давать им соответствующий отпор. Тем самым углубляется, чреватая конфликтами, основная структура взаимоконкурирующих моделей толкования; её политическими последствиями может стать вовлечённость в (новую) вину.

В данном случае происходит то же, что в принципе приходится констатировать и по отношению к менее насильственным, "более склонным к соблюдению прав человека" условиям действия: в политических, экономических и общественных структурах и учреждениях, в которых оказываются люди, нередко отражаются последствия виновности или даже греховности. Такие структуры в состоянии почти исключить возможность воплощения в действительность положительных намерений, ибо действующие лица оказываются вовлечёнными в уже заранее заданную им взаимосвязь виновности. Это может, и далеко не в последнюю очередь, помешать процессам примирения, ослабить их настойчивость и глубину воздействия. Стремясь к успешному примирению, необходимо, наряду с личным обращением, добиться ломки и изменения этих структур и учреждений, с тем чтобы разрушить несправедливость и добиться большей справедливости.

Там, где в подобных конstellляциях речь идёт о феномене "социального греха", запечатлевающегося на соответствующих структурах и учреждениях и оказывающего обратное воздействие на состояние индивидуального сознания¹, можно воспользоваться языковым выражением, употребляемым для аналогичных понятий. В этой формулировке находит выражение то, что помимо поддающегося описанию дефицита справедливости, взаимоотношения между отдельными людьми, а также, и в особенности, внутри общества, а также и между народами и государствами, могут испортиться до такой степени, что это может быть квалифицировано как вина.

Настоятельная необходимость преодоления несправедливости, возникшей на уровне политических структур и учреждений, а также в результате деформированного восприятия действительности крупными группами, явствует также из того факта, что лишь в редких, исключительных случаях удаётся задним числом возместить причинённый в результате этого индивидуальный ущерб, начиная от нанесения телесного повреждения и вплоть до разрушения жизни. Германский опыт преодоления последствий вреда двух современных диктатур показывает, что и правовое государство наталкивается здесь на границы своих возможностей, которые не позволяют ни соответствующего наказания совершённых преступлений, ни возмещения ущерба, адекватного перенесённому жертвами страданию. Чрезмерная концентрация усилий на преследовании тех, кто в формальном и неформальном отношении соучаствовал в системе государственного подавления, может даже привести к искажению исторической действительности, ибо невозможно в таком же объёме раскрыть виновность и наказать также и тех, кто отдавал приказания и

¹ Сравн. Катехизис католической Церкви (1993 г.) цифра 1869: "Греховные структуры" являются выражением и результатом личных грехов. Они вводят в соблазн свои жертвы, побуждая их также совершать зло."

”вводил в искушение”. Однако такая искажённая перспектива становится обузой для сохранения мира внутри общества и государства.

Поэтому нельзя обращаться со стремлением к преодолению и выяснению системы функционирования механизма тоталитарных структур как с нежелательным нарушителем спокойствия. Наоборот, такого рода просветительная работа лишь открывает шанс для воспрепятствования приукрашиванию таких структур задним числом, и тем самым для предотвращения повторения подобной, санкционированной государством, несправедливости.

Экскурс: ”Примирение с находящимся под угрозой творением” – об этическом смысле употребления по аналогии слова ”примирение”

Виновность становится очевидной не только в многообразных социальных взаимоотношениях между отдельными людьми и целыми народами, но и там, где людей лишают основ существования, где подвергают мучениям животных и разрушают их жизненное пространство. В современном экологическом кризисе всё больше осознаются последствия такой перспективы, при которой отношение людей к одушевлённой и неодушевлённой окружающей среде рассматривается всего лишь как отношение повелителя к повелеваемому, и не находит себе места вопрос о критерии ответственного обращения с природой. Одновременно выясняется, как сложно найти подходящий язык для соответствующего определения этих отношений, который был бы пригоден для описания взаимоотношений человека и природы не как отношений персонального существа к вещи, но вместе с тем проводил бы различие между этими отношениями и взаимоотношениями между людьми.

В программной формулировке ”Сохранение творения” мы сталкиваемся с понятийной аналогией, похожей на ту, с которой мы встречаемся, когда речь идёт о ”социальном грехе”. Отсюда напрашивается мысль, что всё более настоятельная обязанность по сохранению ”жизненных основ”², имеет не только нормативно-этическое значение, но одновременно и религиозную плоскость: обращаясь с основами человеческого и нечеловеческого существования, человек прикасается к благам, не являющимся плодом его собственных усилий. Эти блага были предоставлены человеку Творцом для ответственного пользования и попечения. Однако действительное обращение с этими благами, весьма редко свидетельствует о том, что человек осознаёт высокую меру ответственности этого поручения: наоборот, часто он серьёзным и непоправимым образом пренебрегает им. Нередко это влечёт за собой

² Сравн. рабочий документ Германской Комиссии Justitia et Pax ”Сохранение жизненных основ - Задача для Церквей, Бонн 1994 г. (= ARB 69 серии Справедливость и мир).

страдания людей и иных творений. Эта, оборотная сторона любой хищнической эксплуатации, заключающаяся в том, что последствия её не нейтральны и платить за неё приходится другим, нередко упускается из виду и сегодня. Вместо этого, по-прежнему приходится сталкиваться со стратегиями самоуспокоения и самооправдания, пытающимися чисто механически относиться к последствиям варварской эксплуатации и к вытекающим отсюда несчастьям, как к неизбежной цене, которую приходится платить за развитие и прогресс. И тем не менее, даже исходя из узкого, ориентирующегося на краткосрочный период, понятия о прогрессе, обнаруживается всё большая непродуктивность негативных последствий постоянной хищнической эксплуатации естественных жизненных ресурсов.

”Примирение с находящимся под угрозой творением” - это целеопределение включает в себя также заострение внимания на том, что речь идёт не только о технически оптимальном приспособлении современного хозяйствования к целям его совместимости с окружающей средой и не только о сохранении жизненных ресурсов для будущих поколений. Учитывая ту вину, которая ложится на людей за их обращение с доверенными им благами, потребуются, скорее всего, их принципиальная переориентация. Правда, собственную ценность нечеловеческого творения можно с трудом и лишь косвенно раскрыть, оперируя привычным пониманием человеческого достоинства. Но именно поэтому необходимо найти такое определение этой самооценки и так отразить её, чтобы не низводить, особенно животных и растения, до уровня просто предметов, не способных испытывать страдание.

III. Как можно достичь примирения?

Примирение - больше чем временное перемирие. Примирение знаменует конечный пункт порой продолжительного и тяжёлого процесса, оно означает благоприятное завершение конфликта. Удачное примирение содействует установлению мира, а мир и есть плод тех настойчивых усилий, которые были приложены к примирению.

Примирение - не единственный путь к окончанию конфликта, оно не подразумевается само собой.³ При стремлении к примирению чрезвычайно важно сохранение идентичности и независимости для всех участвующих сторон⁴. Примирение между людьми нуждается во многих малых шагах навстречу друг другу, оно нуждается в участии и содействии всех, кого оно затрагивает. Этого не сможет заменить даже самый лучший посредник в процессе примирения. Примирение вряд ли возможно без терпеливых усилий, направленных на постепенное "преодоление враждебности", оно немыслимо без извинения и прощения. Процесс примирения нередко занимает длительный период времени, ему нельзя мешать попытками насильного навязывания, ибо это может привести к его окончательному срыву⁵.

Для того, чтобы увенчаться успехом, примирение, не в последнюю очередь, нуждается в своём, подходящем языке. Для примирения не нужны громкие слова и торжественные прокламации, оно требует прежде всего интуиции, осторожности и убедительности. Для этого следует подобрать такие слова, которые бы избегали нанесения новых ударов, и стремились бы к смягчению, а может быть даже к залечиванию всё ещё открытых ран.

И, тем не менее, иногда совершенно не известно, удастся ли в конечном итоге добиться примирения, ибо его успех зависит от определённых условий и обстоятельств, не подвластных человеческому влиянию. Поэтому в поисках "стратегий примирения" следует вначале искать элементы, способствующие примирению и облегчающие его, и

³ Альтернатива мщения, соответствует в противовес примирению "окончанию конфликта модусом победы" (Элизабет Зайдлер).

⁴ "Примирение становится необходимым там, где один человек в такой степени провинился перед другим, что дальнейшее непредвзятое общение друг с другом кажется невозможным" (Кlaus Якоби).

⁵ "Примирение - это то, что уходит в глубины человеческой души. К нему можно призывать, но его нельзя ни преподнести, ни запланировать, ни приписать, ни предписать... Ведь речь идёт о взаимоотношениях между людьми. И их нельзя свести к одному дню, одному часу или же к одной, специально объявленной неделе" (Лев Копелев). Это касается также и примирения между целыми народами: "Не существует виновных или невиновных народов. Виновность, как и невиновность - величина не коллективная, а личная" (Рихард фон Вейцеккер).

лишь затем намечать отдельные шаги, которые, опираясь на опыт прошлого, оказались бы существенными в этом процессе. К их числу принадлежат:

- *Анализ конфликта: выяснение действительности и распознавание причин.* При анализе конфликта речь идёт о максимально возможном освобождении конфликта от всего субъективного, о выявлении различных факторов, послуживших его причиной и открытии доступа для подхода к конфликту соответственно его особенностям.
- *Готовность к посредничеству: содействие шагам на пути к миру.* Они нацелены на то, чтобы открыть путь процессу понимания и примирения, ограничить конфликт и уменьшить его разрушительную силу, найти возможные шаги для ограничения конфликта. При этом, наряду с высоким уровнем знаний о сути конфликта, необходимо приложить самоотверженные усилия к тому, чтобы одновременно идти навстречу обеим конфликтующим сторонам (не следует смешивать это с индифферентностью, т.е. с безразличным отношением к тому, кто из участников и в каком объеме несёт ответственность за возникновение конфликта) и предложить собственную помощь. При осуществлении такого посредничества, следует ставить перед собой скромные цели, чтобы сделать их приемлемыми для обеих сторон: например, обеспечение возможности оказания гуманитарной помощи, отказ от насилия или определенных иных агрессивных средств, используемых при столкновении (например, отказ от пропаганды), согласование условий заключения перемирия, начало переговоров о возможности заключения мирного договора. Такого рода посредническое служение должно пробудить надежду на то, что существуют пути выхода из устоявшегося противостояния, и, несмотря на всю закоснелость мобилизовать силы на преодоление конфликта. Нагорная проповедь в Новом Завете превозносит блаженство миротворцев!
- *Эмпатия: необходимость учиться видеть глазами другого.* Такая позиция, призывает, прежде всего, преодолеть незнание, отсутствие интереса, пренебрежительное отношение к другому, высокомерие, взаимное отталкивание и безразличие, она предполагает отказ от претензий на господство над (действительным или мнимым) побеждённым; отказ от заносчивости и проявление большей чувствительности; умение отличать безразличное отношение к ценностям, нередко смешиваемое с терпимостью, от надлежащего понимания такой терпимости. Необходимо анализировать ситуацию и действия каждой из сторон, с тем чтобы добиться большей объективности при собственной оценке личности другого, а также собственных эмоций по отношению к нему.
- *Серьёзность: отказ от преуменьшения страданий другой стороны.* Страдание не должно подвергаться мелочному разбору и тем самым искажаться, его нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать.

Необходима искренность как в самом деле, так и в намерениях тех, кто ищет примирения. Речь идёт о том, чтобы "смотреть правде в глаза по мере наших способностей - без приукрашивания и односторонности" (Рихард фон Вейцзеккер). Необходимо помнить о страданиях жертв (в особенности в результате крушения многих их жизненных надежд, из-за испытанной человеческой низости и позорного предательства со стороны иногда самого близкого окружения) и преступников (например из-за осознания того, что тебя использовали, а также из-за утраты их иллюзорных надежд, за воплощение которых они так боролись). Как жертвы, так и преступники должны задать себе вопрос о доле собственной ответственности.

- *Память: отказ от вытеснения из памяти и предания забвению.* Память служит существенной предпосылкой искренности: отказ от ответа на вопрос, из-за чего возникла ситуация, приведшая к несчастью, и как можно избежать её повторения, означал бы разделение ответственности пополам. Важнейшим элементом каждого воспоминания является не только стремление к сохранению чего-либо в памяти, но и попытка использовать знания, приобретённые в прошлом, для построения более человеческого будущего⁶. Так можно воспользоваться собственной исторической памятью о прошлом в качестве руководства как вести себя в настоящем. Особенно хорошо это удаётся в тех случаях, когда примирение или взаимопонимание становятся возможными лишь между детьми жертв, не испытавших на себе страданий, причинённых их родителям. Правда, они больше не смогут с первоначальной интенсивностью прочувствовать горечь оскорблений и ранений и сочувствовать им. Но всё же там, где в рамках социальной педагогики, а также в процессе политической просветительной работы удастся максимально приблизиться к страданию жертв и добиться их наглядности, сохраняется и шанс для извлечения коллективного и индивидуального урока, которые могут послужить важными предпосылками для предотвращения повторения исторических катастроф.

- *Терпение: дать время себе и другим.* Готовность признать, что потребуются много времени, а иногда и защищённое пространство, для того чтобы постепенно разрушить ту защитную оболочку, благодаря которой только и удалось справиться с горечью от причинённого несчастья; готовность признать, что примирение - это процесс, в ходе

⁶ "Помнить о прошлом означает, так честно и правдиво хранить в памяти какие-либо события, что они становятся частью своего собственного нутра... Все мы, виновные и невиновные, старые и молодые, должны акцептировать прошлое. Все мы затронуты его последствиями и несём ответственность за него. Молодые и пожилые должны и могут помочь друг другу понять, почему так жизненно важно сохранять воспоминание. Речь идёт не о том, чтобы преодолеть прошлое. Это просто невозможно. Ведь задним числом невозможно изменить или же обратить его вспять. Но тот, кто закрывает глаза на прошлое, будет слеп и к настоящему. Тот, кто не желает вспоминать о бесчеловечности, тот останется восприимчивым и к опасности заразиться" (Рихард фон Вейцзеккер).

которого можно осуществить лишь немного в духе намеченных шагов, и что в этом процессе (взаимное) напряжение сил, чтобы не капитулировать, иногда важнее, чем почти всё остальное.

- *Знание и трагизм: нужно уметь различать степени моральной вменяемости в вину* - как в случае отсутствия вины, так и при значительно уменьшенной субъективной вине. Трагедии могут быть следствием *отсутствия свободы*, что не даёт возможности поступать по-иному; они могут проистекать *из-за нехватки мужества* вследствие социализации в структурах, предполагающих слепое повиновение и приводящих к усыплению совести; *из-за обескураживания* в результате угрозы наказанием, перед которым могут устоять лишь мученики (отсюда вытекает моральная ответственность тех, кто даёт указание о назначении такого рода санкций, ибо они причиняют особенно глубокий вред индивидуальной морали). Сюда же относится и *умение переносить состояние противоречивости* и неопределённости: некоторые люди оказываются в различных жизненных ситуациях, то в положении жертвы, то в положении преступника.

- *Допущение скорби: умение переносить боль и слёзы жертв.* "Скорбь необходима для того, чтобы не впасть в отчаяние и равнодушие" (Обращение христианских Церквей в связи с окончанием войны). *Человеческая близость и утешение* тех, кто впал в отчаяние, являются подходящей формой реакции на ситуации непреодоленной скорби. При этом нельзя допускать преуменьшения серьёзности пережитого страдания, ибо именно этим можно затронуть достоинство тех, кто страдает. Надлежащее богословие примирения немислимо без квалифицированного богословия страдания; а это богословие соответствует своему назначению лишь в том случае, если оно чувствует, с какого момента уместнее обойти что-либо молчанием. Обращение со скорбью может привести к неизбежному заключению, что некоторые различия придётся акцептировать и что *внутренняя близость может быть достигнута лишь в различной степени и градации*; а также, что вначале следует обратить внимание на то, в чём состоит чуждость и отличие другого, а также на то, какой разный след оставила разная история в тех людях, которые пережили и выстрадали её.

- *Правдивость: Отказ от заключения "великого мира с преступниками"* (Ральф Джордано), ибо существует опасность, что такой мир слишком легко может быть заключён за счёт справедливости, на которой настаивают жертвы. Вместо этого следует направить все усилия на сохранение уверенности в том, что *примирение невозможно без раскаяния и без признаков готовности к искуплению вины*.

Несмотря на все усилия, направленные на дальнейшее продвижение процесса примирения, могут возникнуть ситуации, в которых не срабатывают никакие человеческие средства. Всё же, доверяя Богу, можно попытаться предпринять дальнейшие шаги по пути к

примирению. Тот, кто молится за своего "врага", шаг за шагом, внутренне, приближается к нему. Вместе с тем, у такого человека появляются силы воздавать добром за зло. Тоже происходит и там, где кто-либо добровольно приносит искупительную жертву за дела "преступника" (без его ведома), и заместительно за него отказывается от чего либо, приносит собственную жертву, несёт перед Богом своё собственное страдание, для того, чтобы Бог даровал другому Свою особую помощь, дабы он обратился.

IV. Справедливый мир как цель примирения

”Будущее”, которое ”в память о страдании” (Иоанн Б.Метц), могло бы стать лучше многострадального прошлого, возможно лишь там, где также и в процессе растущего примирения не обходится стороной и не предаётся забвению вопрос о справедливости. Примирение станет продолжительным лишь там, где было достигнуто больше справедливости в процессе примирения. Эта большая справедливость и есть собственно цель каждого искреннего примирения, даже если учесть, что невозможно достичь полной справедливости, а можно лишь максимально приблизиться к ней.

Эта, искомая здесь справедливость подразумевает нечто иное, чем чистую законность или просто справедливость закона, которые порой могут служить утончённым прикрытием глубокой несправедливости. Она включает в себя *поиски будущих решений, не содержащих в себе ростки новой несправедливости*. А это предполагает готовность к отказу от мести и расплаты, согласие ”поставить заповедь примирения выше противоречащих друг другу правовых притязаний” (Рихард вон Вейцеккер), а также готовность пойти на первый шаг. В таком смысле окажется значительно легче ответить на великодушный жест примирения аналогичным жестом, вместо того, чтобы, повинувшись искушению, реагировать на этот жест встречными требованиями. Особенно это касается тех случаев, когда первый шаг предпринимает та сторона, которая несёт меньшую ответственность за произошедшее, или же вообще не несёт никакой ответственности за, требующую примирения, несправедливость.

Особую проблему справедливости представляет собой также и вопрос о том, как следует поступать с теми, кто совершил уголовно наказуемую несправедливость. Дискуссия об амнистии злодеяний потерпевших крушение режимов, не должна сводиться к тому, что бывшие носители несправедливости злоупотребляют тем, что их жертвы готовы, во благо общего будущего, заключить примирение, и медленно но верно восстанавливают свои старые иерархии и положения и при этом становится невозможным публично говорить о том, что тяжкая несправедливость заслуживает наказания.

Справедливости следует добиваться не только в обращении с преступниками, но также и по отношению к жертвам. Ведь можно воздать долг справедливости не только путём раскрытия возможных условий и структур совершённых несправедливостей и открытия пути для их уголовного преследования. Конечно, никакое возмещение не способно компенсировать жертве понесённые страдания. И, тем не менее, великодушное и небюрократическое возмещение, которое не затрагивает достоинства жертвы, является одной из существенных предпосылок для возможности интеграции пострадавших в новой,

формирующейся общественной действительности. Ведь возмещение понесённого ущерба диктуется не только необходимостью хоть какого-то облегчения ситуации жертвы, но в той же степени, и потребностью преодолеть недостаточное умение общества войти в положение жертвы по отношению к таким ситуациям. Возмещение ущерба, кроме того, служит актом ощутимого публичного признания понесённой несправедливости; оно предоставляет возможность для публичного переосмысления судеб пострадавших и, не в последнюю очередь, содействует процессу критического самоанализа в обществе относительно той исторической "цены", которую пришлось заплатить за те жизненные возможности, которыми оно располагает в настоящее время.

На международной арене нередко особенно тяжело совместить друг с другом мир и справедливость. Состояние отсутствия войны или же прекращение применения физического насилия, правда, представляют собой неотъемлемый шаг на пути к миру, но, всё же, они ни в коем мере не тождественны с этой целью. Правда, перемирие, достигнутое и гарантируемое с помощью политической силы, может первоначально строить свою моральную легитимность на заслуге, заключающейся в том, что оно смогло приостановить оргии насилия и убийств, которые без него продолжались бы дальше. Но эта легитимность очень быстро оказывается под угрозой там, где шанс достигнутого перемирия не используется для построения структур, гарантирующих людям и политическим объединениям в регионе конфликта, возможности к сохранению продолжительного мира.

Не располагая возможностью к более широкому рассмотрению, мы ограничимся здесь лишь указанием на необходимость создания условий для возможности построения справедливого мира. Вопросы, встречающиеся в этом комплексе тем, будут, в обозримый период времени, служить ориентирами при попытке наметить мирную этику, с учётом тех вызовов, которые появятся в будущем тысячелетии⁷.

---

⁷ Сравни на эту тему рабочий документ Германской Комиссии *Justitia et Pax* "От справедливых войн, к справедливому миру", Бонн 3 1994 (АРВ 63 серия статей о справедливости и мире).

V. Задачи конкретных действий по примирению при созидании европейского мирного порядка

Учитывая усилия, направленные на постепенное построение европейского мирного порядка, необходимо наметить следующий, специальный круг задач, в рамках которого следовало бы конкретизировать высказанные выше соображения. Руководством к действию при этом должна служить основная перспектива надпартийной политической и социальной справедливости - как в собственной стране, так и в масштабах внешней политики. Эту перспективу следует укреплять и защищать от появляющихся во многих местах Европы тенденций, вместо того, чтобы осуществлять идеи солидарности, покровительствовать социал-дарвинистским политическим программам внутри страны и содействовать политике чисто национальных интересов во вне. Перед лицом тенденций на ренационализацию политического мышления, наблюдаемых не только в центральной и восточной Европе, остаётся лишь констатировать: Примирения, несмотря на существующие границы, сможет достичь не Европа, разделённая стеной, а лишь континент, устраняющий со своих границ всё разделяющее.

Процесс созидания всеевропейского мирного порядка следует понимать как совместную задачу, которую и надлежит решать всем вместе. Для того, чтобы предотвратить возникновение новых стен, все стороны должны научиться вести практический диалог. Ведь даже в самой Германии каждодневный опыт общения людей из старых и новых земель с "другими немцами" обнаруживает сохранение давней и, прежде всего, появление новой отчуждённости. Поэтому многие считают, что можно говорить об общественном крахе проекта "немецкого воссоединения". Более сорока лет существовали различные государственные и общественные системы и есть опасность, что произойдёт не только закрепление прежнего деления между бывшим Востоком и Западом, но и появление нового отчуждения.

Этот опыт служит подтверждением необходимости срочного пересмотра собственных и чужих стереотипов во всей Европе, а в особенности между соседними государствами. Совместное отражение должна получить и воспринимаемая в отдельности, а, следовательно, и по-разному история. Необходимо отбросить ложное превосходство и самоуверенность, особенно это касается взаимоотношений между западными и восточными европейцами. И, не в последнюю очередь, следует признать, что даже при насильственных режимах человеческая жизнь не была совершенно лишена смысла.

Ввиду обширных политических, социальных и экономических перемен не должны упускаться из поля зрения основные вопросы, например,

является ли "человек центром" деловой деятельности в собственном доме или же он оценивается главным образом по своим экономическим достижениям или доходам. Люди во всех странах Центральной и Восточной Европы должны в кратчайшие сроки справиться с возложенными на них новыми политическими и экономическими структурами и предписаниями. Необходимость быстрого принятия решений создаёт у людей впечатление, будто перестройка этих структур организуется главным образом "сверху". А конкретный опыт людей с такими концепциями политического устройства как "демократия" и "рыночная экономика", нередко затрудняет им распознавание положительного содержания этих моделей. Прежде всего это происходит там, где концепции рыночной экономики воплощаются в жизнь путём, демонстрирующим отсутствие какого-либо сознания социальной опасности необузданного экономического либерализма, или там, где хрупкие демократические структуры не в состоянии предотвратить ухода политических правителей из под контроля управляемых. При таких обстоятельствах у многих создаётся впечатление, что на фоне реальной действительности нелегко убедить людей в оправданности их ожиданий, что такие модели способны принести общественную пользу и они воспринимаются скорее как насильственно навязанная идеология.

Во многих странах Центральной и Восточной Европы наряду с предписанной государством солидарностью, существовала и спонтанная солидарность в связи с существовавшими ранее тяжелыми условиями жизни. Значительно труднее сохранить эту солидарность и при новых условиях. До нас постоянно доходят слухи о наблюдаемых, далеко не одиночных, явлениях бесцеремонного самоутверждения и пробивания своих интересов не только со стороны индивидуальных, но и коллективных деятелей. Нередко при этом игнорируются фундаментальные права и элементарные заповеди морали. Вместо имевших место ранее государственных репрессий появилась разнузданная, почти ничем не сдерживаемая, организованная преступность, социальные последствия которой (коррупция, глубокий ущерб, наносимый регулярной экономике) разрушительны в особенности для правительственных, административных и общественных систем, находящихся лишь в процессе зарождения и становления.

Поэтому необходимо поддерживать в общественном сознании убеждение в важности политической задачи, заключающейся в недопущении отрыва стран Центральной и Восточной Европы от динамики развития стран членов Европейского Союза. Это касается как дальнейшего оформления максимально прочных правовых и конституционных систем, так и задачи по созданию общих экономических условий, пронизывающих и гарантирующих как социальные, так и экологические стандарты. С целью успешной консолидации как экономического, так и всего общественного

развития, необходимо предоставить достаточный и достойный шанс для участия в Европейском Союзе также и тем странам, для которых скорейшая ассоциация или членство в ЕС представляются не возможными.

Радикальные изменения породили у многих людей неуверенность, лишили их ориентиров не только в экономическом и социальном отношении. Средства массовой информации не только отражают это в неблагозвучном многоголосии, но нередко испытывают сомнения, а справляются ли они со своей социальной и политической ответственностью. Путём передачи информации можно распространять необходимые сведения, но можно также и блокировать их. Именно учитывая эту возможность действовать по своему усмотрению, вытекающую из необходимой свободы и независимости журналистов, особенно важно, чтобы журналисты ставили эту обязанность передавать правдивую информацию выше и настоятельней тех интересов, которые выдвигаются на передний план конкурентной борьбой, ведущейся за часы вещания, квоты включения и размер тиражей.

Это включает в себя также и выступление против враждебного отношения к иностранцам и борьбу против радикализма, который проявляется в самых различных формах. Достаточно ли учитывается неотложность этой задачи, зависит однако, опять-таки от того, как обращаются с нарушением прав человека при старой системе. Такие нарушения должны подвергаться преследованию, необходимо заботиться о жертвах и расследовать дела преступников. Вместе с тем, необходимо противостоять слишком грубым претензиям на восстановление старых прав (домов, состояний), и одновременно бороться со спекулятивными сделками.

Необходимо с осторожностью подходить к проблематике обращения с нарушениями действующего права и преступлениями против человечности, совершёнными в условиях политического притеснения при старых режимах. Лишь тогда, когда виновные проявят готовность ответить за свои дела, станет возможной работа по преодолению скорби вместе с жертвами. А такой путь предпочтительней готовности смириться с травмой непреодоленного (а это значит, что вскоре и непреодолимого) прошлого, он предотвращает формирование искажённых воспоминаний о прошлом: "Существует фатальная склонность людей сохранять наилучшие воспоминания о тяжёлых временах. И на этом можно делать политику, и есть люди, которые её и делают" (Иоахим Гаук). Готовность воздержаться от приукрашивания прошлого задним числом, поможет уйти от опасности якобы морального оправдания даже самых ужасных проявлений угнетения и несвободы. Тот, кто способен смотреть в лицо проявлениям любой идеологии, ломающей ценности и разрушающей человеческие жизни, будет скорее в состоянии предотвратить повторение прошлого. При

этом, не в последнюю очередь, ставится чрезвычайно важная социально-этическая задача, заключающаяся в том, чтобы, по мере преодоления селективных восприятий, помочь выработать основную установку, которая помогла бы выработать "сопротивляемость" по отношению к любой ре-идеологизации.

Эти задачи обращены ко всем, как общественным, так и политическим деятелям, в особенности же к Церквам. Если они хотят осуществлять миссионерское служение в обществе, которое могло бы быть понято как ценное предложение, они должны быть открыты обществу и вносить свой вклад в формирование общественного сознания. Особенно христианские общины и группы в Центральной и Восточной Европе должны стараться, также и в новых условиях, плодотворно использовать тот положительный опыт, который был накоплен ими в общественной жизни в прошлом. Опыт верующих в прошлом и в настоящем имеет большое значение для содействия справедливости и миру и для сохранения жизненных основ в собственной стране, в Европе, во всём нашем Едином Мире.

VI. Работа по примирению - задача и обязанность христиан

Для христиан слово "примирение" приобретает дополнительную, особую глубину из убеждений их веры, оно дарует надежду, пробуждает ответственность и обязывает проявлять настойчивость.

Дарованная надежда

Всякая человеческая несостоятельность, всякий грех и вина, включая и грех, укоренившийся в структурах, всё это утратило свою власть благодаря добровольной умиловительной жертве Иисуса Христа, благодаря Его послушанию вплоть до Креста, всё это может быть обращено во благо посредством человеческих действий, направленных на примирение. Поскольку Бог уже примирён, мы можем искать примирения и друг с другом.

Пробуждённая ответственность

Подвиг Иисуса Христа вызывает в нас, носящих Его имя, особую готовность служить делу примирения. Бог поставил Свои примирительные действия в зависимость от нашей, человеческой готовности к примирению по отношению к тем, кто виноват перед нами. И вместе с тем, не может быть примирения с Богом, которое бы позволило отвернуться от жертв непримирённой истории. Наоборот: поскольку практика примирения между людьми непосредственно затрагивает и отношение человека к Богу, человеческая сфера приобретает особую серьёзность и свою собственную глубину.

Обязанность проявлять настойчивость

Проявляя готовность к примирению, мы не должны ждать первого шага с другой стороны, а наоборот, сами, сознательно предпринимать предварительные уступки. Раскаяние виновного станет скорее возможным там, где заметна готовность жертв к прощению. Просить прощения легче, стоя перед открытой дверью.

Готовность к примирению не означает с самого начала отказа от возмещения понесённого ущерба или отказа от назначения справедливого наказания. Но наказание имеет целительную силу лишь тогда, когда получается прощение (моральной) вины. Старания по примирению должны быть безграничными. Разочарования, неудачи, новая вина, не должны парализовать наши усилия по предпринятию дальнейших шагов в процессе примирения. Все мы бесконечно зависим от прощения Божия и поэтому, учитывая Его неисчерпаемое милосердие, мы должны с большой настойчивостью идти по пути примирения.

Слово примирение содержит в себе одновременно искупительно-историческое и эсхатологическое значение. Благодаря смерти и воскресению Иисуса Христа всё творение получило примирение с Богом. Но явным и окончательным это станет лишь в конце времён, когда наступит Новое Небо и Новая Земля. С каждым шагом примирения мы оказываемся ещё на шаг ближе к этой действительности последних времён.

VII. Рекомендации Европейской Экуменической Ассамблее

Германская Комиссия *Justitia et Pax* представила нижеследующие предложения Германской Экуменической Ассамблее уже в 1996 году в Эрфурте. Из них пункты 1 и 5 были учтены в Эрфуртском обращении.

Поскольку в данный момент мы должны лучше, чем ранее, исчерпывать имеющиеся возможности экуменического сотрудничества, нам хотелось бы вновь представить эти пожелания также и в Граце. Мы просим Европейскую Экуменическую Ассамблею проверить и воплотить их в жизнь как символ новой надежды.

1. Желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея учредила молитвенное общение, участники которого ежедневно произносили бы определённую совместную молитву за примирение и мир, завершая её актуальными ходатайствами за особые очаги конфликтов. Вместе с тем, было бы желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея обратилась к христианским общинам с призывом, включить в свои просительные молитвы конкретные сугубые прошения о примирении.
2. Желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея, в знак солидарности с голодающими и жертвами несправедливого насилия во всём мире, организовала объединение для соблюдения поста, участники которого проявили бы готовность каждую неделю, по пятницам отказаться от одной еды и сэкономленные деньги предоставить в распоряжение акции по оказанию помощи.
3. Желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея выступила бы с призывом к своим членам, к членам низовых групп, к членам своих Церквей и ко всем людям, выступающим за справедливость, мир и сохранение творения, о предоставлении на продолжительное время в распоряжение какой-либо вспомогательной организации, организации по защите прав человека или какой-либо инициативы по сохранению жизненных основ, определённый, ими самими устанавливаемый процент от своей чистой зарплаты.
4. Желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея выступила с призывом к своим делегатам и членам низовых групп, склонить на свою сторону как можно больше соратников по борьбе за ценный для жизни мир, которые были бы готовы взять на себя обязательство по выполнению одной или нескольких вышеуказанных задач.
5. Желательно, чтобы Экуменическая Ассамблея обратилась с призывом к Церквам, расширить и взаимосогласовать свои различные служения во имя мира и примирения, с тем, чтобы таким образом создать действенные возможности для начала и поддержания процессов примирения в конфликтных ситуациях.

**Часть Б Примирение между Востоком и Западом?
Сближение с обществами Средней и Восточной Европы**

Б 1   Общая постановка проблемы

Михаэль Г. Мюллер

Введение в социо-культурные крупные регионы Средней и Восточной Европы

Уже задолго до появления в печати чрезвычайно разумной книги Джереми Вольфа "The Invention of Eastern Europe", "выдуманная Восточная Европа" всем, кто задумывался над этим вопросом, было и так ясно, что понятие "Восточная Европа", вне сомнения, представляет собой идеологически детерминированную категорию или, выражаясь более современным языком, является продуктом культурной, т.е. исторически обусловленной общественной конструкции. Почему мы, т.е. "западные" общества, вообще употребляем понятие Восточная Европа. Что оправдывает понятийную иерархизацию, постоянно внушаемую нам привычным в словоупотреблении различием между Европой вообще и Восточной Европой, в частности? Всё это каверзные и, вместе с тем, весьма сложные вопросы.

Тот, кто серьёзно относится к ставшей привычной на Западе профессии исследователя Восточной Европы, по-видимому смог бы дать на эти вопросы два ответа. Во-первых: По сути нет никаких разумных, т.е. диктуемых деловыми соображениями оснований для рассмотрения Восточной Европы как чего то, существенно отличного от Западной, Северной или Южной Европы. Ведь и другие периферии континента имели своё, особое развитие, отклонившееся от развития европейских регионов, будущих - если угодно - пионеров нового. И, тем не менее, мы не видим оснований для того, чтобы считать Ирландию, Иберийский полуостров или Южную Италию своего рода субрегионами Европы. К тому же и само понятие Восточная Европа - это, в конечном итоге, искусственное понятие, да к тому же ещё и изобретённое вне самого региона. Ведь никогда не существовало ничего подобного коллективному самосознанию восточных европейцев - т.е. идентичности, которую русские, болгары, поляки и венгры считали бы своей общей идентичностью. Кроме того, географическое различие Восток-Запад пока что ещё не стало чем-то исторически устойчивым. Ведь лишь в XVIII веке, под впечатлением русского империализма периода до наступления Новой истории, европейский Север стал называться, на политическом понятийном языке Запада, Восточной Европой.

Поэтому восточноевропейские исследования не имеют в наше время никакого иного оправдания к своему существованию кроме того, что научное изучение России, Польши, Венгрии, Сербии и так далее связано с определёнными требованиями к языковому и краеведческому знаниям, которые предполагают наличие специальных познаний, преподаваемых в Западной Европе лишь в специальных учреждениях,

занимающихся изучением Восточной Европы. Занимающийся историей России тюбингенский историк Дитрих Гайер недавно весьма убедительно продемонстрировал в своей небольшой публикации, что Восточная Европа вовсе не представляет собой единого целого в историко-культурном отношении и тот, кто говорит об истории и современности Восточной Европы в целом, всегда вынужден будет точно доказать эту взаимосвязь как в реальном, так и во временном отношении.

Второй ответ на вопрос, сформулированный мною в начале, звучал бы так: Насколько обоснован и необходим такой скептицизм по отношению к общепринятому разделению на Восток и Запад, и в особенности по отношению к представлениям о наличии восточноевропейской сущности, настолько же трудно оспорим и тот факт, что такой же исторической реальностью является соответствующее восприятие Востока Западом, а также представление о разделённости Европы на Восток и Запад. И это касается не только западных обществ. Самое позднее начиная с XIX века восточные общества, касаясь собственного культурного положения, также находили общий язык, пользуясь между прочим, этими категориями. Тем самым, анализ собственных мыслей и переживаний о Западе, или о Востоке, и до наших дней сохранил центральную функцию в различных общественных дискуссиях. Наш же интерес должен быть направлен на процессы культурного построения определённых представлений о Восточной Европе и на скрывающиеся за этим области отношений и конфликтов.

Я хочу попытаться определённым образом сопоставить обе эти перспективы друг с другом. С одной стороны, мне хотелось бы критически рассмотреть и разрушить определённые представления о восточноевропейской сущности, то есть указать как на европейскую нормальность, так и на внутреннее многообразие Восточной Европы. С другой стороны, мне хотелось бы представить несколько пояснительных элементов для понимания того, на чём основывалось наше дихотомичное восприятие Запада и Востока, которое не в последнюю очередь повинно в том, что в настоящий момент мы вынуждены говорить об отношениях между Западной и Восточной Европой, пользуясь категорией примирения. Причём мне хотелось бы сделать это в виде кратких комментариев к отдельным эпохам - впрочем, от историка и не ожидают ничего иного - причём, я буду комментировать, пытаюсь каждый раз указывать на, по моему мнению, структурообразующие процессы отдельных периодов.

Правда, мой первый комментарий на этот счёт вовсе не похож на такой типичный аргумент, который ожидается от историка. В частности, я утверждаю, что обстоятельства, при которых началась восточноевропейская история, то есть

обстоятельства при которых Восточная Европа восприняла европейскую культуру в период раннего Средневековья и в период его расцвета - а это произошло посредством христианизации и средневекового формирования городов - имеют лишь очень мало общего, а может быть и вообще не имеют ничего общего с последовавшим затем особым развитием, которым мы с Вами занимаемся здесь в категории примирения. Осуществлялось ли средневековое миссионирование из Византии или из Рима, вначале не имело никакого существенного влияния на последующие результаты. Христианизация повсюду представляла собой часть процесса замены родового общества ранними княжескими государствами. Повсюду, а это значит, и в средневековой России, и в Болгарии, и в Сербии речь шла об одинаковых механизмах образования государства, которые, почти без сдвига во времени, стали действовать также и в сфере влияния западного миссионирования за пределами античной Европы, например, в Бранденбурге, в Мекленбурге, в Польше и в Венгрии, но вместе с тем и в Дании, и в Швеции. Я думаю, что это важное наблюдение. Как заметил, занимающийся изучением Восточной Европы, берлинский историк Клаус Цернак, именно эпоха христианизации, т.е. период с X по XII/XIII вв., собственно и была самой европейской эпохой в истории России. Впоследствии Россия, в структурном отношении, больше никогда с такой полнотой и непосредственностью не представляла европейскую модель и не принимала в этой европейской модели столь непосредственного участия как в период Киевской Руси. Или, выражаясь по-иному: Не ход процесса христианизации сам по себе явился причиной позднейшего возникновения структурных границ, над которыми мы с Вами здесь размышляем.

Совсем по-иному обстоит дело с развитием в период расцвета, а также в период позднего Средневековья, то есть с развитием в XIII, XIV и XV вв. По крайней мере три процесса действительно послужили в этот период причиной возникновения структурных границ, причём структурных границ, появившихся вначале внутри крупного региона Восточной Европы, характеризовавшегося до этого относительно единой динамикой развития. Этими процессами были, с одной стороны, характерное для Средней и Восточной Европы так называемое средневековое освоение земель, социально-экономические структурные изменения, можно назвать это модернизацией, которая путём аграрной колонизации и образования городов к концу XV в. изменила структуру большей части земель, расположенных к западу от России и к северу от Балканских гор и превратила их в часть европейской мировой системы. Средняя и Восточная Европа, - то есть восточноэльбская Германия, Польша, Литва, Словакия, Венгрия и Хорватия - ориентировалась в последующие столетия на Запад, она и была частью Запада как по своим общественно-политическим организационным формам, так и с точки зрения своих внешних отношений, своих прямых привязанностей к тому, что в эту эпоху принято было называть Европой. Тому, кто

должен был бы в XV веке дать описание культурной географии Европы, явно не пришла бы в голову идея поместить Прагу, Краков, Данциг или Ригу, Буду, Загреб или Дубровник/Рагузу, вне главного, в смысле цивилизации, региона Европы. Мы всегда должны помнить об этом, когда мы оперируем нашими сегодняшними категориями Восток и Запад. Всё было и периферией и центральным регионом одновременно.

Вторым значительным процессом изменения позднего Средневековья было татаро-монгольское завоевание Древней Руси. Глядя из перспективы XII и XIII вв., это, сам по себе, вовсе не был варварский акт или цивилизаторская реакция, в некотором отношении это было может быть даже нечто обратное. Тот факт, что также и московские князья, от которых затем и исходили решающие импульсы по вытеснению татарской власти, вначале стремились, в стратегическом и идеологическом отношении, не к преемству Киева, а к преемству Золотой Орды, в определённой степени свидетельствует о цивилизаторской притягательности также и вневропейской ориентации, которая возникла в связи с татарским завоеванием. Это кое что говорит о том, что оптация за Запад в этот период очевидно не была неизбежной, самой рациональной и наиболее убедительной в цивилизаторском отношении оптацией. И всё же, все эти возражения ничего не меняют в констатации того факта, что татарское господство первоначально оторвало Россию в её историческом развитии от центра Восточной Европы. Right or wrong - в любом случае, тем самым были заложены иные вехи для перспективы развития России. Слово "иные" не содержит в себе ни положительного, ни отрицательного смысла. Московская империя, унаследовавшая политическую власть Киева, непосредственно не испытывала на себе ни импульсов освоения земель периода расцвета Средневековья, с его экономическим и социальным эффектом модернизации, ни культурных интеграционных процессов гуманизма и раннего Просвещения. Если это вообще имело место, то разве что через посредничество Польши-Литвы. Таким образом, вплоть до, по меньшей мере XVIII века, русский путь, в весьма конкретном смысле, оставался всё-таки особым путём в европейской истории.

И, наконец, пожалуй ещё сложнее представляется диалектика между изменением и "отдалением от Европы", в рамках третьего комплекса формирования структур позднего Средневековья, а именно, структурного отделения Юго-Восточной Европы в результате османской экспансии на Балканах в ходе XV столетия. То, что эта часть Восточной Европы тем самым присоединилась к превосходившей её по меньшей мере на два или три столетия государственно-административной и общественной культуре, является сегодня уже бесспорным фактом. Само собой разумеется, что в результате включения в состав управления Османской империи, Юго-Восточная

Европа значительно раньше столкнулась со структурами ранних форм современной государственности, значительно более развитыми, чем те, которые имелись в других частях крупного региона Восточной Европы. Нет сомнения, что именно развитая османская государственная и правовая культура, в ходе продолжительного времени позволила, именно на Балканах, развитие необычайно малоконфликтного сосуществования и смешения групп, весьма различных в религиозном и языковом отношении. Воспринимаемая нами, исходя из нашей сегодняшней перспективы, как исключительно дилеммная ситуация, ввиду казалось бы не поддающегося распутыванию этническо-культурного смешения на больших участках Юго-Восточной Европы, объясняется в историческом разрезе прежде всего тем, что Османская империя именно не оказывала на граждан своей империи того культурного религиозного интеграционного давления, которое, начиная приблизительно с периода Реформации было нормой развития в европейских территориальных государствах, включая Московскую Русь.

Но и здесь есть своя диалектика, ибо ввиду отдаления Юго-Восточной Европы от Европы, произошедшего из-за османского господства, проблемы должны были когда-нибудь неизбежно возникнуть. Правда, временами, речь шла всего лишь об ослаблении непосредственных отношений между соседями в Восточной Европе. Речь шла о том, что Юго-Восточная Европа больше не участвовала в освоении земель в период расцвета Средневековья. Речь шла о экономической и исторической интеграции региона в неевропейскую мировую систему, в понимании Эммануэля Валлерштейна, и об отказе от продолжения определённых государственных и общественных организационных традиций, которые до этого тесно связывали Юго-Восточную Европу со Средней Восточной Европой, а также с Киевским и Московским окружением. В общем и целом, также и по отношению к позднему Средневековью уместно было бы говорить об относительных процессах отслоения, об относительных расхождениях. Мы говорим об относительных потому, что при формировании структур этой эпохи еще не был высказан окончательный приговор относительно шансов развития отдельных регионов, относительными они были также и в том смысле, что исходя из перспективы того времени ещё не было никаких рациональных оснований для оценочного противопоставления друг другу Запада и Востока. По крайней мере, не было никаких других оснований, кроме религиозного раскола. В этой фазе развития никто не смог бы убедительно предсказать, где на длительный период будут расположены центры экономического и цивилизаторского развития, в западном Средиземноморье или на Северо-Востоке Европы, у Чёрного моря, или у Балтийского моря. Совершенно ошибочно было бы взаимосвязывать друг с другом в каком бы то ни было особом культурном или политическом отношении Рагузу с Киевом, Новгород

со Смоленском, не говоря уже о Праге, Кракове или Познани. В той степени, в какой исламская, как и православная Европа этого периода были чем-то типично иным, столь же естественной, с западной точки зрения, была принадлежность к центру Европы так называемого Севера.

Конец XVI и XVII вв. стал эпохой, изменившей это положение. Это была эпоха глобальных перемен, кроме всего прочего, она, собственно, и привела к разделению Европы на Восток и Запад. Для того, чтобы хотя бы в общих чертах пояснить этот процесс, потребуется немного терпения и немного концентрации. Сложность проблемы заключается в том, что здесь совпало действие различных факторов, произошедших более или менее одновременно, но вовсе не находившихся в причинно-следственной связи или в зависимости друг с другом. Кроме того, проблема состоит в том, что у историков отсутствует какая-либо окончательно убедительная, приемлемая модель для объяснения драматических структурных изменений этой эпохи XVI/XVII вв. Главным был тот факт, что внезапно произошло драматическое расхождение в развитии экономического потенциала, и тем самым, соответствующей социальной и политической динамики отдельных крупных регионов Восточной Европы. Уже и до этого, конечно же, были регионы с интенсивной и экстенсивной экономикой, регионы богатые и бедные. Но разница была ещё сравнительно невелика, и, прежде всего, у всех ещё был шанс справиться с конкуренцией и, в крайнем случае, нагнать временное отставание. Удастся ли Рагузе, Генуе, Данцигу, Праге или Амстердаму накопить в определённые десятилетия больше богатства, чем другие, зависело от легко менявшейся конъюнктуры. Обстоятельства могли постоянно изменяться. Начиная с XVII века это прекратилось. Открытие и колониальная эксплуатация Нового Света, перемены в транспортных технологиях и финансовых механизмах, развитие производительности в аграрном и в промышленном секторах, всеобщий охват и покорение континента в условиях быстрого расширения рыночных отношений, все эти факторы вместе взятые создали особые привилегии для исторического развития совершенно определённых регионов европейского Северо-Запада, а большинство других регионов деградировали до уровня второстепенных, если даже не до третьестепенных мест размещения передовой экономики и цивилизации. Женевский экономист и исследователь истории экономики Пауль Бэрк однажды попытался каким-либо образом установить количественное соотношение этого комплексного процесса трансформации. Результат этой попытки чрезвычайно впечатляющий. Между тем как разница в производительности между Востоком и Западом Европы в период позднего Средневековья предположительно соответствовала приблизительному соотношению 1:3, в XVII веке нужно исходить из соотношения 1:8, в эпоху же индустриализации это соотношение составляло уже 1:12 до 1:14. Иными словами,

развитие и застой впредь получили чёткое географическое распределение, и европейский Восток недвусмысленно оказался в невыгодном положении. При всём при том следует заметить, что в конечном итоге это не была проблема, присущая исключительно Восточной Европе. В числе проигравших оказались в долгосрочном отношении также и крайний Запад и Юг. Более того, экономические и социальные отношения по типу тех, которые имелись в большей части Восточной Европы, были собственно до поры до времени не исключением, а скорее правилом на континенте. Наоборот, уместнее было бы говорить об особом пути тех стран, которые были пионерами преиндустриализационного периода и стран, бывших пионерами торгового капитализма. И всё же, рубеж XVII в. видимо наложил значительно больший отпечаток на судьбу Восточной Европы, чем на другие части европейской периферии. Ибо пожалуй нигде отрыв от ведущих процессов европейской протоиндустриализации и ранней модернизации не произошёл более резко, чем здесь. Большая часть Восточной Европы с тех пор не только не смогла наверстать эти ведущие процессы, а наоборот, развила даже явно противоположную динамику. Введение так называемого второго крепостного права, замораживание развития городов, вытеснение буржуазии, относительное сужение культурного горизонта под знаком формирования дворянско-общественной протонациональной идентичности - всё это, и многое другое, действительно было характерно для Польши, Литвы, Венгрии, Хорватии и России в начале их особого пути, причём особого пути, заключавшегося в закреплении и структурном воспроизведении отсталости.

Особый экономический и общественный путь подкреплялся начиная с XVII века также чем-то вроде особого политического, т.е. государственно-политического пути. Я имею ввиду постепенное разрушение старых национальных государственных образований и возникновение политической надстройки в Восточной Европе в виде поздне- и нефеодалных империй. Генезис образования крупных империй, этого имперского государственного образования, которому суждено было определять государственную структуру региона вплоть до Первой мировой войны, был весьма различен. Различными были и обстоятельства, при которых отдельные средневековые нации Восточной Европы вошли в состав этих империй или погибли в них. Как в начале, так и в конце этого процесса стояли военные экспансионистские события. Это были османские завоевания на Балканах начиная с XV века, и раздел Польши в конце XVIII века. В промежутках произошло, с одной стороны, превращение государства Московского княжества в региональную гегемониальную державу, с другой стороны, осуществлялся длительный имперский процесс формирования Габсбургской монархии. Это был процесс, в ходе которого как бы переплетались друг с другом династическая экспансия и образование централизованного государства за счёт и

частично вопреки сопротивлению коронных земель - см. Богемию в XVII в., Венгрию в XVIII в. Имел ли этот процесс вообще какую-либо единую логику, на этот вопрос без затруднений не сможет ответить никто, даже историк. Ясно лишь одно, что успех имперских великих держав по отношению к мелким властным образованиям предшествующих эпох, в определённой степени был связан с условиями отсталости. Ясно, что по-иному, чем на Западе и Юге, государства, занимавшие крупные территории, несмотря на свою относительную тяжеловесность имели превосходство при мобилизации военных ресурсов и политических средств власти. Ясно, далее, и то, что для государств с крупной территорией и с характерным для них преобладанием аграрного производства и относительно малоразвитыми структурами, жизненный принцип приумножения ресурсов путём экспансии был ведущим принципом политики. В качестве примера приведём здесь Россию. Империя, созданная в результате ряда крупных экспансионистских бросков, начиная от Ивана IV и Петра I, и кончая Екатериной II, имела, по западным критериям государственности, впечатляюще хрупкую конструкцию: учреждения центральной власти не охватывали нижний уровень имперского общества и географическую периферию империи, наряду с этим практически отсутствовали современные функциональные элиты, империя располагала относительно небольшими ресурсами экономической производительности, а главное, малыми фискальными поступлениями. И всё же, ввиду абсолютных размеров территории империи и ввиду сравнительно небольшой силы сопротивления, которую соседние государства были в состоянии продолжать долгое время противопоставить этому построению империи, это имперское образование, концентрировавшееся на военной экспансии Москвы и России, оказалось превосходящим в долгосрочном отношении. Следует признать и наоборот, что экспансионистские захваты у Балтийского и Чёрного морей, в Средней Азии, на Волге, на Украине и в Польше, на какой-то немаловажный период времени компенсировали недостающие внутригосударственные структуры. Аннексия таких торговых и экономических ключевых позиций как Казань, Ингерманландия или устье Днестра, а также таких аграрных центральных массивов как южная Украина или польско-литовские восточные области, хотя бы частично компенсировала не произошедшее в центральных областях образование экономических структур. Следует учесть и ещё один аспект. Именно отсталость российского общественного устройства обернулась преимуществом по меньшей мере под одним аспектом имперской политики XVII/XVIII вв. Сравнительно архаичный порядок правления российского самодержавия был в значительно большей степени, чем какой-либо иной развитый конституционный порядок, пригоден для концентрации государственных ресурсов на военные цели. Подобная бесцеремонная концентрация и постоянное перенапряжение собственных сил, к которым вынудили русское общество Пётр и Екатерина,

были бы, по крайней мере в политическом отношении, не осуществими в таких сословных государствах как Польша или Литва.

Какие же структурные перемены произошли в результате имперского реформирования Восточной Европы к концу XVIII века? Утверждения, будто имперские государства якобы послужили агентами догоняющей модернизации крупного региона, агентами самого Просвещения и прозападного развития, вряд ли были чем-то большим, чем всего лишь защитными утверждениями того времени с целью легитимации правления, причём это касается не только России, но также и империи Габсбургов, как и Гогенцоллернов. Иные масштабы могут быть приложены разве что по отношению к Османской империи. В общем же формирование имперских государств означало скорее консолидацию отсталости, ибо империи, обладавшие преимущественно аграрно-феодальными и абсолютистскими структурами, экспортировали свой порядок туда, где раньше были заложены иные, более западные структуры. Россия проделала это в Лифляндии, Пруссия - в Помереллах, Австрия - в Богемии. К тому же, все имперские государства были склонны к тому, чтобы ориентировать хозяйственное и законодательное развитие земель на свои центры и тормозить особое региональное развитие. Одним из таких примеров была Великая Польша, которая, оказавшись после раздела под прусским правлением, впервые стала играть роль провинции, поставляющей аграрную продукцию монархии Гогенцоллернов. И наконец - и это совершенно очевидно - *ratio* сохранения политической власти побуждало все имперские режимы к пресечению общественной партиципации, даже сословного образца периода Новой истории, не говоря уже о современных процессах модернизации в духе Просвещения. Попытка российской императрицы Екатерины II оправдать интервенцию даже против польской сословной Конституции 1791 года, как акт борьбы против французской чумы, может быть и звучит на первый взгляд парадоксально, но, руководствуясь логикой отношений власти в Восточной Европе, это вполне оправданно. Тем самым, наряду с ситуацией хозяйственно-социальной отсталости в Восточной Европе наступила также и ситуация политической отсталости. И ещё кое-что иное: По мере закрепления в XVIII в. этой двойной изоляции Востока от Запада, произошло формирование современного образа, современного восприятия отношений между Востоком и Западом, о котором я говорил вначале, а именно как ощущение разрыва в развитии между Западом и Востоком. Самое позднее начиная с периода Просвещения в западном восприятии этого крупного региона сложилась перспектива, в которой решающую, центральную и организующую роль всё в большей степени, несомненно, стало играть положительное или отрицательное восприятие России, как новой гегемониальной державы. Но это распространялось также и на внутреннюю перспективу. Это срабатывало

также и в самих восточноевропейских обществах, которые начиная с XVIII в. всё в большей степени и всё с большей исключительностью стали определять свое соответствующее отношение к европейскому Западу, к Европе. Иногда это происходило в духе самоуверенного подчёркивания восточного инобытия, как, к примеру, в рамках русского имперского патриотизма, а иногда в контексте анализа размышлений о дилемме между собственной отсталостью и о путях возможного её преодоления.

На вопрос о том, как выглядела ситуация в XIX в., видимо можно дать довольно точный ответ, описав две крупнейшие линии конфликтов, вытекающих из вышесказанного. Я имею ввиду, с одной стороны, напряжённость, вытекавшую из противоречивой динамики развития неоабсолютистских имперских государств. Быстро растущие вызовы модернизации, экономическое, а впоследствии и общеполитическое давление, под которое попала Россия в связи с необходимостью приспособливаться к индустриализировавшемуся Западу, вступали в коллизию с непреодолимой политической потребностью постоянно воспроизводить, сохранять свой консервативный порядок. Эта дилемма, бывшая одновременно дилеммой компромисса с соответствующими дворянскими слоями, носителями империй, собственно не смогла быть разрешена нигде. Габсбурги и Гогенцоллерны, но также и Османы, в какой-то момент в XIX в. идут на частичные уступки в ходе селективных усилий по модернизации, но им так и не удаётся справиться с проблемой в целом. Русское же имперское правление ещё в конце столетия, в эру Витте, всё ещё сохраняло иллюзию, будто ему удастся осуществить запоздалое приспособление, действительно не отказываясь от старых структур самодержавия и дворянских привилегий.

Другая линия конфликта вытекала из реакции тех обществ, в которых это происходило. По мере роста очевидного разрыва между необходимостью приспособления и реальными результатами такого приспособления существовавших государств и обществ, уменьшалась также и общественная поддержка имперского государственного строя. Существовавшие структуры не только не предоставляли достаточно шансов для интеграции значительных слоёв новой буржуазии и ныне свободного крестьянства, эти структуры оказались в конечном итоге неспособными даже к удовлетворению и интегрированию в имперские общества старых элит, за исключением тех, которые принадлежали к господствующим нациям. Впечатляющим подтверждением этого служит тот факт, что ни Пруссии, ни России не удалось побудить к продолжительной лояльности по отношению к государству в целом ни один значительный сегмент польского общества в тех провинциях, которые возникли после её раздела.

Рамки для современного формирования наций и национальных процессов мобилизации в Восточной Европе таким образом уже были приблизительно намечены. Не имеет никакого смысла, по примеру Карла Дойтча, а за ним и многих других исследователей национализма, определять специальный тип восточноевропейского национализма. Национализм в Восточной Европе не был ни более этническим, ни более социал-консервативным *per definitionem*, ни более антидемократичным, ни что бы там ни было более, чем где-либо в другом месте Европы. И на него тем более распространяется то, что его интересы, также как и повсюду на Западе, в любых конstellациях переплетались со специфическими интересами крупных общественных групп, стремящихся к преодолению *Ancien Regime*. Обстоятельства, при которых такого рода интересы стали действенными в национально-политическом отношении в XIX столетии, весьма сильно варьируют. Особые стратегии и особые проекты национализма отличаются друг от друга буквально от страны к стране.

Позвольте мне, для иллюстрации широты вариаций, кратко коснуться двух примеров. Вначале, я затрону только что упомянутую польскую проблему. Этот случай был характерен прежде всего тем, что современная нация смогла продолжить своё существование на протяжении всего периода государственного небытия в виде политической программы, направленной против поделивших её держав, она постоянно и неослабно наличествовала как традиция, как идентичность и как социальный и политический проект на будущее. Это объяснялось, с одной стороны тем, что она могла опереться на опыт государственной традиции периода до 1795 года и тем самым имела в своём распоряжении непосредственное преемство господствующих элит и сознательных носителей этой концепции и этой национальной идентичности. Далее, это объяснялось тем, что уже на рубеже XVIII и XIX вв. здесь, в лице многочисленной польской шляхты, располагавшей и пользовавшейся вплоть до третьего раздела Польши гражданскими правами партиципации, сложился широкий, массовый слой носителей национального самосознания. Для того чтобы получить представление о размахе, следует сказать, что эта польская шляхта, действовавшая в конце XVIII века как объединение политических граждан, *citoyen tactifs*, представляла собой сообщество более многочисленное, чем сообщества движений избирателей систем раннего периода либерализма, существовавших на европейском Западе в первой половине XIX в. И, наконец, последняя причина заключалась в том, что существовала традиция движения за политическую и социальную модернизацию, которое, благодаря майской Конституции 1791 г., а также опираясь на опыт восстания Костюшко 1794 г., бесспорно могло претендовать на значительно большую прозападную ориентацию, чем режимы держав, поделивших Польшу. Эту традицию в любой момент можно было ввести в игру как политический проект и она

действительно вступала в действие в любой момент. Отсюда такой своеобразно противоречивый профиль этого национального движения. Высокая степень национальной мобилизации, мобилизуемость, а также всё большая степень политической радикальности национального движения, непосредственно примыкавшего к оппозиционному национальному движению Запада, вступали в контраст со скорее устаревшими слоями его носителей, длительное время происходившими в социальном отношении преимущественно из шляхты. Это объяснялось своеобразным прохождением фронтов в национальном конфликте. Как выглядел этот конфликт в Польше: С одной стороны, поделившие страну державы оказывали солидаризирующее воздействие на все общественные слои, от шляхты и духовенства и вплоть до крестьян, и с другой стороны, как бы не хватало вызовов, которые бы исходили от альтернативных концепций модернизации централизованного государства. Проще говоря: Вплоть до середины и конца столетия весьма существенную роль сохраняла за собой прежняя республика, республика до раздела. Это был социальный и политический проект, отличавшийся большей притягательностью чем сами государства, участвовавшие в разделе. Это, сплошь и рядом, придавало польскому движению особую динамику, но на этом движении висела ипотека незавершённых конфликтов модернизации, тех самых конфликтов модернизации, которыми затем, в XX веке, вынуждено было разрешать национальное государство.

В качестве второго примера мне хотелось бы привести Болгарию. И в этом случае мы, в принципе, имеем дело с исторической нацией, но нацией, отягчённой многочисленными осложнениями. Это были осложнения, которые в типологическом отношении, в конечном итоге приблизили Болгарию к числу так называемых малых и молодых наций. Объяснялось это тем, что государственная традиция имела идеологический пункт отсчёта разве что из перспективы XIX в. и представляла собой реальность всего лишь как идеология, она не обнаруживала преюльствия элит и не представляла собой проект государства Нового времени, к восстановлению которого можно было бы апеллировать, наподобие того, как это было в Польше. Кроме того, Болгария в XIX веке была всем чем угодно, но только не географической и этнической реальностью, поскольку процессы заселения с момента утраты средневековой имперской государственности Болгарии уже давно сгладили территориальную идентичность. И, наконец, в Болгарии, как почти повсюду в Юго-Восточной Европе, отрицательно сказался тот факт, что Османская империя не оказывала никакого конфессионального и этнического интеграционного давления, и что в результате этой толерантности *avant la lettre* законсервировалось непосредственное соседство крайне различных в культурном отношении групп. Почти нигде в Болгарии не были взаимозависимыми язык и социальный профиль, профессиональная и

конфессиональная принадлежность, административное построение и локальное соседство. Этническая идентичность не функционировала как признак другой важной дифференциации. Какая же логика вообще скрывалась, в таком случае, за национальным пробуждением, наступившем в политическом и в культурном отношении в XIX веке? Эта логика состояла прежде всего в формировании особой группы социальных и политических интересов, а именно болгарского православного духовенства и образованной, христиански настроенной буржуазии, которые больше не были в состоянии здраво и перспективно, сочетать свои собственные экономические социальные и культурные представления о будущем и свои претензии к будущему, с находившимся в их распоряжении османским государственным устройством. Этот конфликт был сформулирован затем как национальная противоположность и стал программой болгарского национального государства, которую, правда, удалось создать и распространить лишь при наличии значительной степени абстракции от этническо-культурных условий, но которая имела то большое преимущество, что могла опереться на национально ориентированную политику интервенции европейских великих держав против Османской империи, и тем самым получила поддержку извне, оказавшуюся решающей для политического успеха болгарского движения.

Все национальные движения, также и польское и западноевропейские, в большей или меньшей степени выдумали свою идентичность и её предположительные объективные основы уже в современный период образования наций - тем самым я повторяю здесь модный тезис Эрика Хобсбама. Кроме того, следует признать, что не только образование одной болгарской нации с неизбежностью сопровождалось открытием новых фронтов дискриминации и конфликтов. Точно также это касалось и отношений Польши к литовцам, Венгрии к хорватам и словакам, но вместе с тем это было характерно и для отношения почти всех остальных к формированию еврейской нации, в известной степени вставшей им поперёк дороги. Эпизодически формирование еврейской нации началось также и в Восточной Европе как реакция на вытеснение еврейских образовательных и посреднических групп из вновь зарождавшихся национальных обществ.

Таким образом, в конечном итоге, пожалуй, невозможно убедительно провести различие между обоснованными и всего лишь выдуманными национальными проектами. Все национальные требования легитимировались тем, что они выражали истинное положение интересов и реально описывали нерешённые конфликты. Кроме того: Сколь мало национальные движения в Восточной Европе XIX в. соответствовали национальной политической и социальной модели Запада, столь же мало они

поэтому заслуживают того, чтобы квалифицировать их как отсталые по своей природе. Отсталыми были не вновь формировавшиеся национальные общества сами по себе, а, скорее те, определявшиеся централизованными государствами, обстоятельства, в которых в XIX в. были подготовлены конфликты, с которыми пришлось столкнуться этим национальным движениям.

Мне незачем точно воспроизводить здесь вытекающее отсюда, всем нам известное развитие событий в XX в. Мне хотелось бы лишь прокомментировать его двумя, тремя замечаниями. Во-первых, тот факт, что первая попытка реконструкции национально организованной Восточной Европы, восстановления общеевропейской связи, оказалась неудачной, оказалось для восточной части континента значительно большей катастрофой, чем для Запада. При этом поражение Версальского межгосударственного порядка объяснялось вовсе не недостатками в его конструкции. "Справедливого" уравнивания различных претензий между Западом и Востоком, а также внутри Восточной Европы, такого справедливого решения, которое, задним числом, якобы было известно тем, кто оправдывал крушение, не могло быть *per definitionem*. Справедливых этнических решений никогда не бывает *per definitionem*. Стабильность могла бы установиться лишь в результате принятия принципа компромисса. Именно этого принятия не произошло со стороны старых ревизионистских правящих держав.

Во-вторых, катастрофа войны Германии, направленной на покорение Восточной Европы, не только отбросила процесс реконструкции назад, но и сделала его просто невозможным для целых поколений. Расистское деление нацистов на полноценный Запад Европы и неполноценный в расовом отношении Восток, а также вытекавшие из этого действия, привели к такому опустошительному разрушению субстанции, что на фоне этого коллективного опыта людей, практически должен был поблекнуть весь прошлый опыт порабощения и несвободы. Если вообще стоит вместе с Гансом Генрихом Нольте задаваться вопросом об истоках опыта тоталитаризма и о тоталитаристской активности, то у меня нет никаких сомнений в том, что немецкому нападению на Восточную Европу принадлежит функция ключевого события. Преступления советского государства в своей собственной сфере власти - это проблема. Но, с другой стороны, ведь и Советский Союз также не смог бы после 1945 года реставрировать Восточную Европу в виде восточного блока, если бы общий опыт Второй мировой войны не привёл бы к появлению новой, дополнительной солидарности этой, восстанавливавшейся Восточной Европы. Этот опыт соприкосновения с немцами был столь убийственным в буквальном смысле слова, что и сегодня у меня возникают свои проблемы с категорией примирения. Может быть стоило бы говорить о более скромной, но зато и более подходящей программе

нормализации, во всяком случае в той степени, в какой это может артикулировать немецкая сторона.

И, в третьих, мне кажется важным учесть, что процесс реконструкции, начавшийся в 1988/1989, а может быть уже в 1980/1981 гг., обременён невероятными требованиями. В Восточной Европе в данный момент речь идёт о преодолении невероятно длительного застоя модернизации, т.е. об одновременном преодолении собственно неодновременных преобразовательных проблем. Американский политолог Поль Кеннеди попытался однажды сформулировать это по отношению к Советскому Союзу с помощью такого меткого изречения: Французская революция - это, собственно, будущее Русской революции. Французская революция 1789 г. всё ещё остаётся будущим Русской революции 1917 г. Но мне кажется наивно верить в то, что эти процессы могут и должны протекать в сокращённом по времени воспроизведении всего западного опыта, наивным кажется мне и убеждение, что западная модель это обязательная и наиболее вероятная модель будущего Восточной Европы. По крайней мере вся историческая вероятность свидетельствует скорее против этого.

Герхард Альберт

Сложные отношения между Православием и Католицизмом

Мой подход к теме в строгом смысле слова не научен, а скорее всего представляет собой анализ собственного продолжительного опыта работы ответственным референтом в Секретариате Германской епископской конференции, а также заместителем исполнительного директора Renovabis.

Сама по себе эта тема столь многослойна и многообразна, что я вынужден был подумать насчёт методики, т.е. о том, как приблизиться к этому вопросу. Не случайно эта тема была поставлена в конце конференции, занимавшейся современными отношениями между так называемым Востоком и так называемым Западом на примере отдельных стран и национальных обществ и культур. Вопрос о взаимоотношениях между Православием и Католицизмом имеет ключевое значение для многочисленных проблем, с которыми мы постоянно сталкиваемся в этой связи как в принципиальном отношении, так и на практике. С другой стороны это такая тема, о которой можно было бы с одинаковым успехом говорить как три дня, так и полчаса.

Тема гласит "Сложные взаимоотношения между Католицизмом и Православием". Мне кажется, здесь уместно было бы уточнить формулирование темы. Говоря о Католицизме и Православии, мы имеем ввиду нечто иное, чем отношения между Католической Церковью и Православной Церковью. Это различие чрезвычайно важно. Католицизм охватывает, по распространённому определению этого понятия, все те формы проявления католического христианства, которые по своей природе исторически-контингентны, то есть они "не могут ни быть причислены к неизменной сущности Церкви, ни рассматриваться как её необходимое историческое выражение" (Карл Ранер). Иными словами, конкретнее, имеются ввиду те, окрашенные условиями той или иной этнической, национальной или иной специфической среды формы, которые сложились в отдельных странах в историческом контексте, при определённых политических и социальных условиях. То же самое, правда с ограничениями и отличиями, заслуживающими особого рассмотрения, можно было бы сказать и относительно понятия Православие, определив его как сумму форм выражения жизни отдельных исторических величин, отдельных обществ и отдельных наций, на которых запечатлелось православное предание.

Характеризация же отношений между Церквями - нечто совсем иное. Это - богословский вопрос. Он принадлежит к экклезиологии и к экуменическому богословию. Эти различия между упомянутыми двумя уровнями следует уяснить с самого начала.

Далее следует сделать ещё одно ограничение: Православия самого по себе не существует также как не существует и самого по себе Католицизма. По отношению к Православию это звучит убедительнее, потому что оно ещё больше чем Католицизм представляется в образе различных национальных форм выражения. Однако, особенно в контексте Средней и Восточной Европы, то же самое касается и самого по себе Католицизма. Достаточно лишь представить себе различные места, в которых в данный момент наблюдаются проблемы и натянутые отношения между Православием и Католицизмом.

Это, к примеру, Россия, где Римско-католическая Церковь всегда была религией иных наций, попавших под власть Российской империи в процессе экспансии Московской власти. В Белоруссии эти отношения сложились, в силу исторических причин, совсем по-иному. Здесь польское наследие послужило формирующим элементом Католицизма. В Румынии эти отношения описать ещё труднее, ибо здесь проблемы наслаиваются друг на друга, это, во-первых, проблемы между православной Церковью и Греко-католической униатской Церковью внутри самой румынской нации, и дополнительно, проблемы между румынами и другими, проживающими в Румынии национальностями, главным образом мадьярами. Это влечёт за собой натянутые отношения и внутри самой католической Церкви, что также должно быть упомянуто здесь ради полноты изложения. И совсем по-иному выглядит ситуация в регионе Юго-Восточной Европы, где отношения между католиками и православными можно было бы, разумеется весьма упрощённо, представить как противоположность между хорватами и сербами, в действительности же они значительно многослойнее.

Это многообразие форм выражения усложняет в рамках одного доклада необходимую концентрацию на отдельных примерах. Приводимые ниже примеры почерпнуты главным образом из российского региона, частично они взяты из украинского и белорусского контекста. Румынский контекст представляется мне слишком специфичным. Несмотря на имеющиеся многообразия и различия, существует общность в восприятии проблемы. И это, опять-таки, таит в себе опасность упрощения. Почти общеизвестным стал тот факт, что после падения во всей Европе железного занавеса и исчезновения этой разделяющей линии, опять обозначилась старая линия соприкосновения и разграничения культур латино-западного и православно-византийского мира в Европе. Всего лишь несколько лет тому назад этот вопрос почти не играл никакой роли при восприятии политической и общественной реальности этих стран (по крайней мере в западном восприятии). Между тем он стал использоваться, причём нередко в слишком упрощённой форме, в качестве критерия - у некоторых единственного - для объяснения напряжённых отношений и массивных конфликтов, возникших в последние годы в Средней и Восточной Европе. Если уж появляется

необходимость говорить об этой линии разграничения, то нам следует иметь в виду, что эта линия разделения вовсе не проходит столь резко, наоборот, в ней имеется большое число исторически весьма точно определяемых зон взаимного соприкосновения, переплетения, влияния а также, в положительном смысле, оплодотворения. Если возьмём Украину периода позднего XVI и раннего XVII вв., Семигорье в конце XVII века, а также иные исторические пространства, и вспомним о тех результатах, к которым привели эти соприкосновения, выдержавшие проверку временем вплоть до наших дней, то становится ясной комплексность этих отношений. Наличие униатских Церквей, сохранивших свой собственный восточный обряд и церковное право и вступивших в полное общение с епископом Рима, в свою очередь, служит знаком того, что эти исторические и культурные соприкосновения приносят свои плоды вплоть до сегодняшнего дня. Мне хотелось бы лишь предостеречь тех, кто видит в этом противоречие, линию разделения, скорее всего это зоны взаимного обогащения, которые, как кажется, вновь начинают приобретать чрезвычайно важное историческое значение.

Если мы захотим указать на главные поля напряжённости, придётся остановиться на двух главных вопросах, играющих роль прежде всего в отношениях между Московским Патриархатом и Католической Церковью. Эти вопросы православная сторона направила в виде упрёка в адрес Католической Церкви (как в адрес Рима, так и в адрес поместной Церкви). Во-первых, это упрёк в униатстве, а во-вторых - в прозелитизме.

Под униатством - эта умаляющая форма говорит сама за себя - подразумевается существование Церквей, которые по своей традиции и обряду принадлежат к восточным Церквам, но в различное время, при различных обстоятельствах и по различным побудительным причинам, подчинились епископу Рима и таким образом вступили в полное общение с католической Церковью. Это квалифицируется как разрыв с собственной Церковью, как схизма, не преодолённая до сегодняшнего дня, причём православная сторона придерживается этого взгляда вне зависимости от того, какими бы различными ни были конкретные исторические обстоятельства. Далее, под упрёк в униатстве подпадают все формы, направленные на восстановление и новое укрепление этих церквей, что стало возможным после провозглашения в 1989 году религиозных свобод в странах происхождения этих церквей.

Следующий упрёк - это упрёк в прозелитизме, т.е. в переманивании членов одной Церкви другой Церковью. Высказывая этот упрёк, православная сторона ссылается на присутствие Римско-католической Церкви и на якобы предпринимаемые ею действия в странах, сформировавшихся преимущественно под влиянием Православной Церкви и которые она считает принадлежащими к православной традиции. Этот упрёк стал высказываться особенно интенсивно начиная с 1991 года, после того,

как святой апостольский Престол назначил для римских католиков на территории Российской Федерации и в республиках Средней Азии епископов, не обладающих полным рангом епархиальных епископов, то есть не управляющих епархиями в полном церковно-правовом смысле, а являющихся апостолическими администраторами и осуществляющими юрисдикцию над католическими церквями лишь в определённой области. Речь идёт об апостолических администраторах для католиков в европейской части России (с резиденцией в Москве) и в Сибири (с резиденцией в Новосибирске). Хотя Рим, считаясь с Православной Церковью, учредил лишь временную форму юрисдикции, сам акт назначения католических епископов был воспринят многочисленными и влиятельными представителями Русской Православной Церкви как оскорбление. Последствия этого ощущаются и по сей день, что в значительной степени сказывается на отношениях между обеими Церквями.

За обоими этими упреками, показательно отражающими напряжённость отношений, скрываются вековые отчуждения между католической и православной Церквями в регионе Средне-Восточной и Восточной Европы. Доподлинно известно, что такого рода предубеждения и антипатии в любой момент можно вновь активизировать из популяризированного исторического предания как на интеллектуальном, так и на политическом уровне. Но к этому добавляется и новейший опыт периода коммунистического господства. В этом контексте следует прежде всего упомянуть пережитые Греко-католической Церковью, особенно в Украине и в Румынии, но также и в некоторых других странах тяжёлые несправедливости при возвращении в структуру и при насильственном присоединении к православной Церкви синодами 1946 и 1949 года, каноничность которых более чем сомнительна, с последовавшим за этим полным отчуждением имущества и передачей церковного владения в собственность православной Церкви, а также насильственным подавлением церковной жизни этих греко-католических церквей, давшим в эти годы многочисленных мучеников. Испытываемая всеми сторонами неуверенность перед лицом наступивших в 1989 году быстрых и для всех неожиданных изменений в Средней и Восточной Европе, актуализировавших нерешённые вопросы, касающиеся этих взаимоотношений, является ещё одним фактором, усиливающим напряжённость. Очевидна и неуверенность Московского Патриархата относительно места, занимаемого им в Православии, а также относительно его канонической территории после распада Советского Союза. Этот вопрос особенно массивно встаёт в некоторых странах, например в Украине, в которой Православие уже распалось на три различных юрисдикции, при этом главное направление раскола - между юрисдикцией, подчиняющейся Московскому Патриархату и теми, кто желает основать самостоятельный, Киевский Патриархат. Эти проблемы приобрели опасный характер также и в Эстонии, где между Московским Патриархатом и Константинопольским Патриархатом вспыхнул

потрясший православное христианство конфликт о подчинении здешней православной Церкви и о её церковно-правовой юрисдикции.

Одновременно трудно не заметить, что по мере роста открытости, устранения всех ранее существовавших политических преград и застоев, всё больше устремляет свой взор на Восток и польский Католицизм - я сознательно употребляю слово "Католицизм". Это касается областей, ранее принадлежавших к польскому государству, в которых Римско-католическая Церковь, несмотря на все пережитые ею притеснения, по-прежнему имеет польское лицо. Несколько конкретных каждодневных фактов, отражающих как положительные, так отрицательные стороны сложившейся ситуации, помогут внести ясность в эту проблематику:

Один епископ Римско-католической Церкви, проживающий на территории Российской Федерации, неоднократно пытался связаться по телефону со своим православным собратом по архипастырскому служению, резиденция которого находится в том же городе. И каждый раз, когда секретариат сообщал, что у телефона католическая курия, в резиденции православного епископа бросали трубку.

Другой пример: Есть один православный епископ, который старается поправить курс и изменить неудовлетворительные отношения, сложившиеся с католическим собратом при его предшественнике. С этой целью он, по мере возможности, демонстративно идёт навстречу этому католическому епископу, а католический епископ, в свою очередь, с радостью отвечает ему тем же. Это привело к тому, что на этого православного епископа стали оказывать давление находящиеся в его епархии так называемые "православные" группы, обвиняя его в том, что он будто бы предаёт Россию во власть католицизму или выступает за заключение новой унии православной Церкви с Римом.

Но есть и обратные примеры: Польские священники, члены ордена, которые проводят в определённых областях Украины отличную пастырскую и социальную работу, говорят как о чём-то само собой разумеющемся о том, что они занимаются "миссионерской деятельностью" в этом регионе Украины, в котором всегда проживало определённое количество католиков, но по традиции большинством являлись православные. Они идут туда с целью "миссии", как будто речь идёт об Африке или в Новой Гвинее. С радостью и с искренними намерениями они рассказывают о том, что при проводимой ими там постройке церкви им помогают и многие православные; зачастую они понимают это как ответ на вопрос об отношениях с Православной Церковью на местах. В качестве оправдания такой пастырской концепции часто упоминается недостаточное усердие православных священников в душепопечительской и пастырской работе, а также в работе с молодёжью. Им кажется, если речь идёт об обращении людей к вере, этот пробел должна заполнить Католическая Церковь.

Но следует вспомнить и некоторые радостные примеры, например из сферы народного благочестия. Мало известно, что в отдельных странах, в которых уже с давних пор присутствовали обе Церкви, в проявлениях народного благочестия простых людей уже издавна существовала ориентация на оба направления. Хорошим примером этого служит почитание православными святого Антония в Римско-католической церкви в Румынии. Как однажды констатировал архиепископ Бухарестский, наиболее посещаемыми богослужениями являются богослужения, совершаемые в его кафедральном соборе с молебнами в честь святого Антония. Там встречаются православные и католики, ибо в православной церкви отсутствует традиция почитания святого Антония из Падуи - он был западным святым -, но одновременно видимо существует глубокая потребность в особом почитании этого святого.

Таким же показательным примером утешительного развития может служить и то, что православные богословы преподают в единственной католической духовной семинарии в Российской Федерации, духовной семинарии Санкт Петербурга. Это, совершенно несенсационное явление демонстрирует, как далеко зашло сближение перед лицом общего вызова, по-новому построить богословие и Церковь. Можно было бы привести бесчисленные примеры доброго согласия между священниками на местах, которые, если сравнить их лишь по количеству, могли бы с легкостью уравновесить те сенсационные, весьма сомнительные примеры. В повседневной жизни вопрос о натянутых отношениях между Православием и Католицизмом не возникает. Но создаётся впечатление, и в этом собственно и состоит вся сложность, что их в любой момент можно активизировать, при этом довольно часто это делается далеко не церковными силами.

Как же реагируют на этот вызов церковные руководства? Что касается Католической Церкви, апостольского Престола и самого папы Иоанна Павла II-го, можно сказать однозначно: Служение по восстановлению единства между Католической и Православной Церквами является центральной темой понтификата папы Иоанна Павла II-го, тем самым он не только продолжил но и усилил диалог между Католической и Православной Церквами, который был продвинут благодаря Второму Ватиканскому собору. Как известно Второй Ватиканский собор употребил по отношению к Православной Церкви понятие "Церковь сестра". Это понятие стало центральным понятием в католическо-православной экумене, его следует привлекать также и для разрешения тех сложностей, которые могут возникать на церковном уровне и между Церквами. Ещё в 1991 году, до назначения обоих католических епископов в Россию, папа, под впечатлением возрождения как Греко-католической, так и Римско-католической Церкви, и учитывая появление вопросов, связанных с отношениями с Православием, направил епископам европейского континента послание "Об

отношениях между католиками и православными в новых условиях, сложившихся в Средней и Восточной Европе". В этом документе он называет нормализацию жизни католических Церквей византийского обряда, то есть так называемых униатов или Греко-католической Церкви, компенсацией акта тяжёлой несправедливости. С другой стороны, подробно освещаются открытые проблемы и напряжённые отношения между католиками и православными, в особенности в связи с вопросом о церковном имуществе и использовании мест совершения богослужений, что с 1989 года стало чрезвычайно актуальным в Украине. Дословно в послании говорится: "Братья, испытанные ранее одни и те же страдания и подвергавшиеся одним и тем же испытаниям" - т.е. государственному атеизму в коммунистический период - "не должны сегодня противостоять друг другу, наоборот, они должны вместе смотреть в будущее". Это тот лейтмотив, который постоянно повторяется в заявлениях папы и Рима, - упование на плоды экумены страдания, объединявшее в годы преследований гонимых членов различных Церквей. Отсюда большая надежда возлагается на то, что сегодня, при изменившихся обстоятельствах, этот опыт может стать плодотворной основой для нового общения Церквей, вплоть до восстановления желаемого единства. Однако, то же послание содержит и напоминание об особых задачах, возлагаемых на католические поместные церкви, т.е. на Церкви унии, при содействии единению христиан. Здесь явно проскальзывает предупреждающий тон и подтверждается цель, направленная на достижение полного общения в единой вере, в Таинствах и в Церковном управлении.

Кроме того, в 1991 году, в Риме проходила специальная ассамблея епископского синода по Европе, на которой впервые в полном составе присутствовали епископы из Восточной Европы. С учётом появления новых напряжённостей, на ассамблее было констатировано, что хотя между православными и католиками, по настоянию собора, и проводился диалог любви, следует всё же задаться вопросом, "насколько удовлетворителен был этот диалог, учитывая вновь возникшие в последнее время сложности". Это послужило ещё одним недвусмысленным предупреждением в адрес ответственных лиц из поместных Церквей осознать этот вызов.

Наиболее важным для практической работы, - хотя местами и спорным, - является подготовленный в Риме после наступления политических изменений документ, озаглавленный "Общие принципы и практические нормы для координации евангелизации и экуменической активности Католической Церкви в России и в других странах СНГ". Само его весьма тяжеловесное название демонстрирует, что в нём речь идёт о чрезвычайно разнородных практических проблемах и что здесь предпринимается попытка высказать рекомендации по поводу того, как можно справиться с этими проблемами.

В этом документе обращается внимание католических поместных Церквей в соответствующих странах на то, что до тех пор, пока отсутствует собственный поместный клир, они должны сотрудничать с иностранными епископскими конференциями и духовными орденами. Это касается направления туда священников, что и было в значительном объёме воплощено в жизнь.

Главная мысль документа содержится в высказывании: "Цель церковных структур Римско-католической Церкви в России заключается в удовлетворении потребностей католических объединений в этих регионах". Вместе с тем делается упор на то, что недопустимы любые формы переманивания, то есть прозелитизма, противопоказано и стремление к конкуренции с Православной Церковью. "При уважении свободы религии", надлежит тщательно проверять мотивы, движимые теми, кто желает присоединиться к Католической Церкви. Ибо полемика с Православием неоднократно вспыхивает из-за тех не очень многочисленных случаев, когда люди, - возможно и вышедшие из семей с православными корнями, но в двух или трёх поколениях не соприкасавшиеся с церковной жизнью и даже не крещёные, то есть совершенно отчуждённые от своей первоначальной Церкви, - каким-то образом соприкасаются с Католической Церковью и высказывают просьбу крестить их в ней. В данном случае римские институты предупреждают, что католические священники, сталкивающиеся с такими, желающими креститься лицами, должны напомнить им об их обязательствах по отношению к своей первоначальной, историко-культурной религиозной общине, то есть по отношению к Православной Церкви. Римские институты принципиально обращают внимание на то, что действия Католической Церкви в этих странах должны отличаться от обычной миссионерской деятельности в прямом смысле этого слова, то есть от первичной евангелизации. Поэтому не следует создавать никаких параллельных структур евангелизации. Таким образом, учитывается упрёк православной стороны, и вместе с тем, отдаётся предпочтение праву уже проживающих там католиков на собственное окормление. Поляки, проживающие в Казахстане или в Сибири, немцы, литовцы и другие народности, оказавшиеся в рассеянии в процессе многочисленных добровольных и менее добровольных перемещений населения по широким просторам России, имеют право на то, чтобы Католическая Церковь обращалась в первую очередь к ним с преподанием Таинств и душепопечением. Для выполнения этих задач необходимы структуры, епископское служение и приходы.

Далее следует повторное напоминание о том, что преподание Таинств должно, в силу возможности, осуществляться на языке соответствующих этнических меньшинств. В этом и таится противоречие, наблюдаемое на практике. Существует намерение не допускать ни германизации ни полонизации. Но православная сторона нередко интерпретирует это так, что пастырским и богослужебным языком для живущих, к

примеру, в Сибири или в Казахстане немцев, должен быть немецкий язык. Но это практически невозможно, учитывая продолжительную оторванность этих групп населения от своих культурных корней, а также упадок разговорного немецкого языка в этой среде. Это могло бы послужить причиной гибели или привести к полному застою пастырскую деятельность среди этих меньшинств. Поэтому Католическая Церковь вынуждена, - и на этот счёт у Католической Церкви не возникает никаких сомнений, - пользоваться русским языком. Но именно это вновь и вновь воспринимается православной стороной как оскорбление.

Документ Совместной международной комиссии по богословскому диалогу между Католической Церковью и Православной Церковью, принятый в 1993 году представляет собой ещё один важный документ. Задача комиссии состоит в ведении всемирного диалога между Католической и Православной Церквями.

Православная сторона угрожала прервать этот диалог, ведущийся начиная со 2-го Ватиканского Собора, если католическая сторона не сделает совместного заявления относительно своего отношения к вопросу униатской Церкви. В совместном, с трудом разработанном, и получившем название по месту встречи Баламане (Ливан) документе, были выработаны два принципа, на которые сейчас должен ссылаться диалог, дабы не получить крен в одну сторону и не оказаться под угрозой. С одной стороны, униатство не рассматривается ни как метод, ни как модель для вожделенного единства Церквей. Унии, типа Брестской 1596 года, правда были по достоинству оценены, по меньшей мере с католической стороны, как обусловленное временем средство для приближения к единству. Но унии не рассматриваются как перспективный метод.

И, во-вторых, было зафиксировано следующее: "Что касается католических Церквей на Востоке, ясно, что они, будучи частью католического сообщества, имеют право существовать и действовать в соответствии с духовными потребностями их верующих". Эта установка была принята православной стороной. Иными словами, высказывая принципиальные сомнения, к примеру, относительно права на существование в нынешних внешних формах Греко-католической Церкви в Украине, православная сторона не может ссылаться на заявленную волю представителей Православной Церкви, представленных в совместной католико-православной комиссии. И, наконец, с католической стороны было зафиксировано, что впредь должны быть исключены любые формы прозелитизма и любая воля к экспансии католиков во вред православной Церкви. Эти констатации, имеющие значительные практические последствия, были положены в основу важнейших экуменических документов 1995 г. и, прежде всего, Энциклики "Ut unum sint" и апостольского послания "Orientale Lumen", которые по достоинству оценивают богословское, духовное и культурное предание восточного христианства.

Возникает вопрос, имеется ли с православной стороны адекватный ответ на отличающуюся высокой степенью обязательности, впечатляющую Энциклику, вернее, может ли вообще быть дан такой ответ в настоящий момент? Этот вопрос весьма настоятельно встаёт перед каждым, кому близки вопросы экумены.

Можно ли представить себе, что в настоящий момент не может быть дано ответа ни на основополагающие вопросы церковного единства, ни на столь болезненные практические проблемы, о которых идёт речь, к примеру, в Энциклике "Ut unum sint"? Не следует упускать из виду тот простой факт, что в Православной Церкви не было Второго Ватиканского собора или иного, сравнимого с ним события, - кстати, ввиду весьма отличной структуры и быть не могло, - которое уже сейчас позволило бы православной стороне делать столь же обязательные заявления.

Не следует недооценивать, что в последнее время, в результате политического развития, соотношение сил значительно улучшилось в пользу Православной Церкви. Дело обстоит вовсе не так, будто польский Католицизм наносит концентрированные удары по православным позициям, как это кажется некоторым православным. За прошедшее время Православная Церковь далеко зашла в своих усилиях, направленных на занятие привилегированного положения. Правда, в Российской Федерации всё ещё нет нового Закона о религиях. Но все курсирующие проекты свидетельствуют о закреплении её привилегированного положения. Для ситуации Католической Церкви имеет совершенно конкретные последствия тот факт, что, к примеру, в европейской части Российской Федерации по-прежнему в распоряжении около 300.000 католиков имеется всего лишь 22 храма и столько же часовен. Возвращение, например, церковных зданий продвигается очень медленными темпами, как это недавно отметил апостолический администратор европейской части России архиепископ Кондрусевич.

В заключение мне хотелось бы добавить несколько личных замечаний относительно того, как христиане на Западе могут подходить к сложным отношениям между сестричными Церквями на Востоке.

На мой взгляд, христиане на Западе, после 1989 года, были буквально застигнуты врасплох и сбиты с толку внезапной вспышкой напряжённости, её размахом и сочетанием различных форм её проявления. Вызванная этим неуверенность относительно того, как мы на Западе должны обращаться с этим феноменом, продолжается и поныне. Пришлось поставить под сомнение имевшиеся представления о Православии, сложившиеся либо на основе богословских исследований и знаний, либо из широко распространённых клише. То же касается и нередко бытовавших ожиданий слишком быстрых конкретных шагов в направлении к полному единству. Учитывая имевшиеся в широких кругах церковной жизни в Германии своего рода общепринятые представления об экумене, эти события, да и

вообще новое появление Православия как экуменического партнёра, означали постановку под вопрос всей господствовавшей до сих пор экуменической парадигмы. Кроме того, доминирование исторических, культурных и политических факторов в вышеописанном перечне проблем, которые дополнительно к тому же ещё и многослойны, вызывает, на мой взгляд, неожиданные сложности для западного церковного наблюдателя. Ключ к пониманию событий можно найти лишь приложив большие усилия, это ведёт к тому, что многие теряют мужество. Но ведь именно Церкви на Востоке, - и об этом нельзя забывать, - католические и православные поместные церкви, с их епископами, священниками, богословами и, как говорят православные богословы, с плеромой (полнотой) верующего народа, и призваны после десятилетий насильственных деформаций их церковности и после столетий отчуждения, предпринимать подлинные шаги к примирению. Наши советы и наш опыт возможно и представляют собой ценность. Но наша роль при этом может быть лишь подсобной. Но для того, чтобы вообще быть в состоянии взять на себя такую роль, необходимо иметь мужество видеть имеющиеся конфликтные ситуации как таковые без прикрас, во всей их полноте и во всех формах проявления. Для этого необходимо, чтобы избежать опасности собственной инструментализации, предпринимать неуклонные усилия и не поддаваться постоянно появляющемуся искушению встать на сторону одной из конфликтующих сторон. Это может произойти лишь при наличии основательных усилий и солидных знаний исторических, культурных, этнических, социальных и политических условностей конфликтов. Без таких основательных усилий, которые, несомненно, будут напряжёнными, пользы от нас будет весьма мало. Существующие в этом направлении начинания, например, в виде программ наших церковных академий и общеобразовательных учреждений, на мой взгляд, ещё не достаточны.

И всё же нам не следует недооценивать даже казалось бы незначительный вклад в поддержание диалога между Церквями сёстрами на Востоке. Это касается всех партнёрских отношений, и в особенности тех, которые возникают в рамках материальной помощи. При этом всегда, даже в том случае, если на первом этапе это даже может привести к осложнению обмена с партнёром, необходимо свидетельствовать об экуменической плоскости нашего делания. Здесь много будет зависеть от того, удастся ли нам, в пределах тех отношений, которые мы строим через партнёрства, мероприятия по оказанию помощи и т.д., внести личный элемент, с тем чтобы вообще найти подход к другой Церкви. И, как всегда, когда речь идёт о духовных делах, важнейшей добродетелью в построении отношений с партнёрами является способность различения духов. Это касается не только отношений, к примеру, внутри собственной, в данном случае, Католической Церкви, но также, и в особенности, при построении партнёрских отношений с Православием. Тот, кто вначале продвигается

здесь с осторожностью, может столкнуться с непониманием со стороны тех, кому это покажется слишком медленным и кто будет засыпать его упреками в несбалансированности, потому что он, говоря словами святого Апостола Павла, дескать не стал сразу "вся всем". Но в долгосрочном отношении ему удастся найти более надёжных партнёров и добиться более устойчивой действенности своих усилий, направленных на примирение. Терпение и спокойствие также есть неотъемлемые добродетели при приближении к этой проблематике. Нельзя забывать, что от тамошних Церквей ожидаются невероятные успехи, которые они должны проделать в кратчайший период: это построение нового, исходным пунктом которого нередко является *tabula rasa* среди невероятных экономических трудностей; преодоление своего близкого и далёкого прошлого; и, наконец, новая духовная, богословская и не в последнюю очередь, экуменическая ориентация, являющаяся неременным условием для выживания Церкви в современном обществе, находящемся в процессе бурной трансформации. Это, поистине, сверхчеловеческая задача, и справиться с ней можно, - таково убеждение нашей веры, - лишь с Божией помощью и при содействии Духа Святого. Мы, на Западе, в первую очередь обязаны проявлять солидарность, а не страсть к критике и всезнайство, ну а будучи христианами, мы обязаны прежде всего молиться. И именно в этом - при всём нашем увлечении этой проблематикой, которая конечно же несколько смущает и вводит нас в заблуждение - мне кажется мы не совсем преуспели. Давайте же принесём свою молитву в качестве вклада в преодоление болезненной напряжённости, чтобы смогли получить развитие начинания, преисполненные упования на видимые успехи по пути к единству христиан, - дабы мир уверовал.

Б 2 Примеры из отдельных стран

Адам Кшеминьский

Польское самосознание между "Grande Nation de L'Est" и "Polski Kompleks"

Можно сказать, что наша сегодняшняя тема является как бы "вивисекцией" польского самосознания, анализом того, как видят себя сами поляки - между Grande Nation de l'Est и Polski kompleks. Нелёгкая это задача, сочетать в себе два различных течения мысли и поведения: с одной стороны - комплекс неполноценности нации, которую тормозили последние 200 лет, ставя под сомнения её право на суверенное существование, вплоть до ликвидации польской государственности и, с другой стороны, польская мания величия, проявляющаяся в том, что поляки не только ощущают себя субъектом европейской истории, но также считают, что они в значительной степени определяли ход её развития.

Оба понятия - "Grande Nation" и "Polski kompleks" - собственно иностранные слова. Одно - на французском языке, а другое, если слово "kompleks" связывать с "комплексом неполноценности" по Фрейду, по существу "немецкое" понятие, которое закрепилось из-за использования его в польской литературе, во многих романах (между прочим у Тадеуша Конвицкого), а также глубоко укоренилось в историко-философском мышлении. "Grande Nation", с другой стороны - разве поляки считали себя великой нацией, да или нет? Прежде чем я дам ответ на этот вопрос, мне хотелось бы представить три момента, в которых закреплено польское самопонимание и самосознание.

Первое - это тысячелетняя история. Существуют нации с более древней историей, но существуют также и более могущественные и более важные нации со значительно более короткой историей, и они вовсе не страдают нашими комплексами. Но, как бы то ни было, тысяча лет - это рамки, они частично опираются на историческую мифологию и демонстрируют широкий географический размах, протяжённостью от Тобольска в Сибири, куда в XIX веке ссылались поляки, и вплоть до Чикаго в Соединённых Штатах, куда они также в XIX и XX веках переселялись добровольно.

Второй момент - это восточно- и центральноевропейская государственность, которая, правда, никогда не могла, а может быть и не хотела стать великой европейской державой, но на протяжении столетий играла важную роль на востоке Европы. Даже после раздела Польши в XVIII столетии эта, формально не существовавшая Польша, выполняла европейские функции как своего рода очаг волнений или потенциальная возможность. "Постоянные потери приравниваются к отсутствию потерь", - так сказал Гюнтер Грас в своём романе "Жестяной барабан", и именно так выглядело государственное самосознание Польши в течение последних двухсот лет.

Третий момент - это культура, которая конечно же, определялась католицизмом, и была тесно, но не слишком тесно, связана с Западом. Принадлежность этой культуры к Западу - это польский миф. Конечно же католицизм, Рим, а также Возрождение в XVI столетии представляли собой сильное течение в Польше и польская шляхта охотно посещала итальянские университеты в XV и XVI веках. Вместе с тем, сарматизм, польская идеология XVII и XVIII вв., вовсе не был порождением Запада, а наоборот, ментально он дистанцировался от Запада.

Это был миф в себе, который основывался на представлении, будто эта польско-литовская уния - рай земной, и её вовсе незачем изменять, и таково было убеждение, что в своём барочном, католическом, мариинском варианте эта уния была почти совершенством, т.е. многокультурной и многоконфессиональной. Это самопонимание имело название сарматизм, и он представлял собой смесь католической барочной культуры с сильными восточными влияниями. Польской национальной одеждой шляхты была в то время турецкая национальная одежда, и польский король Ян Собеский вынужден был в 1683 г. в Вене приказать своим кавалеристам носить соломенные пояса, с тем чтобы они отличались от турок, против которых они воевали и чтобы "западники" не путали своих польских союзников с турецким противником. Если иметь это ввиду, то можно понять затруднительное и своеобразное положение сарматизма, определявшего самосознание польской шляхты, с её принадлежностью одновременно к Западу, ввиду латинских связей в области культуры и вместе с тем, из-за географического положения и ментального характера, тяготевшего к Востоку.

При самом широком распространении польско-литовская уния являлась громадной *Res publica* с выборным королём, вместе с тем ей были чужды какие-либо абсолютистские тенденции или тяготения. Любое абсолютистское искушение подавлялось в самом зачатке, тем более что король не только избирался, но был также обязан соблюдать Конституции, которые гарантировали польской нации право направлять оружие против короля, в случае, если он нарушал закон или стремился к созданию абсолютистской структуры.

За это пришлось горько расплатиться, когда в XVIII веке соседи создали более эффективные структуры - а именно просвещенческо-абсолютистские. Миф о наличии собственной государственности, которая была чрезвычайно демократичной, тем не менее продолжал существовать и дальше, хотя при этом "Demos" состоял, конечно же лишь из политической нации шляхты, которая в *Res publica* как никак составляла до 20% всего населения. Это дворянство, конечно же, считало себя великой нацией, независимо от того, было оно бедным или невероятно богатым. Причём, величие понималось вовсе не в этническом смысле, а представляло собой гордость само-

стоятельной политической культурой, которая развила своё собственное понимание о свободе и нисколько не обращала внимания на этническое происхождение.

Политическая нация была польскоязычной, но большинство польского дворянства было родом с Востока, в основном русины, т.е. сегодняшние украинцы, или белорусского, литовского или даже татарского происхождения, этому нередко соответствовала и его ментальность.

В этой казалось бы столь католической польско-литовской унии ни в коем случае не проживали главным образом католики. Наоборот, особенность этой польско-литовской унии и состояла в том, что дворянский слой в XVI столетии в своём большинстве был ещё православным. Наряду с этим существовала и большая группа протестантов кальвинистов и евреев, которые составляли своё собственное сословие и столь же мало принадлежали к польской нации как крестьяне, при этом не играло никакой роли, были ли они этническими поляками, русинами или белорусами. Все они лишь позднее, к концу XIX века, дополнительно вошли в польскую нацию.

Если учесть это историческое прошлое, то напрашивается вопрос, а существует ли вообще представление о национальном величии и если да, то какое представление возможно в такой ситуации. Если проанализировать произведения польской культуры, не ограничиваясь при этом лишь крупными национальными поэтами, а привлекая также и второ- и даже третьеразрядную литературу, то обнаруживается, что в ней очень часто встречаются понятия "великая нация", "великая литература" и "великая музыка". В качестве символических фигур постоянно упоминаются Шопэн, Мицкевич или Сенкевич. Но на чём же основывалось постоянно подчеркивавшееся величие? В польской литературе XIX века его можно иногда встретить, как выражение упрямства, как воображаемое величие, проявляющееся в такого рода высказываниях: Мы ещё существуем; у нас есть свои собственные ценности, несовместимые с ценностями тех держав, которые нас поделили; мы лучше; мы как Христос среди народов; польский характер может быть и не спасёт весь мир, но он определённо спасёт Европу, по принципу: "за нашу и вашу свободу". Это была главная черта польского мессианства, который укоренился не только из-за раздела Польши, из ощущения себя жертвой и из-за страдания, он появилась уже раньше в сарматизме ("Antemurale Christianitatis") и его можно обнаружить и по сей день в представлениях некоторых польских национал-католиков, которые ложно истолковывают призыв папы к "ревангелизации Европы" так, будто польский католицизм - это христианство *non plus ultra* для XXI столетия.

У некоторых опять вошёл в моду сарматизм, при этом им представляется некий польский рай, существовавший 400 лет тому назад, речь идёт о некоей просвещённой отчизне с деревенской идиллией и о государственности, которая, хотя и культивировала рыцарские добродетели, но была совершенно не организована в военном

отношении, не имела постоянного войска и не была способна на ведение завоевательных войн. Польско-литовская уния возникла, конечно же, не только в процессе "мирного заполнения" восточного и центрально-европейского вакуума, возникшего в результате разгрома Киевской Руси монголами в XIII веке, она стала итогом военных походов литовцев и поляков (причём, первые были вовсе не этническими литовцами, а белорусскими боярами, находившимися под господством литовцев). Таковы были главные предпосылки для возникновения Великой Польско-Литовской империи. Однако, использовавшееся как украшение, прозвище "Великий" получили вовсе не короли из рода Ягеллонов, основавшие эту империю в XV веке, а лишь Казимир Великий, который не был ни завоевателем в собственном смысле слова, ни прекрасным воином, а скорее всего менеджером, получившим деревянную, а оставившим каменную Польшу. Он был единственным "великим" королём. "Великим" в Польше стал в конце концов не крупный военачальник, - типа Пётра I-го в России или Фридриха II-го в Пруссии - а экономист, проще говоря, Бальцеревич XIV века. Это тоже примечательно. Поляки чувствовали себя рыцарской культурой, но вовсе не считали себя военизированным обществом или крупными завоевателями. Поляки также не сделали никаких географических открытий, они не расширили свою территорию, наподобие России - я имею ввиду Ермака, а также русских открывателей неизведанного Востока Сибири. Так называемое "дикое поле" на Днепре, на котором в XVII веке разыгрывались войны между поляками и казаками, не имеет ничего общего с романтикой упомянутых открытий. Также и научные открытия, несмотря на Коперника, которого мы более или менее делим с немцами, на протяжении многих столетий не подавали полякам никакого повода чувствовать себя великими. Даже если поляки сегодня и кичатся именем Коперника, несмотря на Коперника, несмотря на мадам Кюри-Шкодовскую, не скажешь, что поляков можно идентифицировать с крупными научными революциями. Открытие новых астрономических представлений о вселенной или нового закона физики пока что не стало частью традиционного польского самосознания.

Также и экономический прогресс не был в Польше таким решающим как в Англии, Голландии или Северной Германии. Разве что написание первой в Европе Конституции может послужить причиной для появления у поляков чувства, что именно они, первыми изобрели нечто современное и подходящее...

В лучшие времена польской истории, в XVI и XVII веках, когда появились характерные модели, типичной для польского самосознания была самодостаточность сельской жизни. В XVI веке, в прекрасной литературе периода Возрождения, к примеру у Кохановского, поэзия которого и поныне кажется нам написанной на чистом польском языке, который понятен без труда, так как в Польше, в противоположность к Германии, не произошло языкового перелома в XVII веке,

господствует представление, что люди живут в деревне, они здесь счастливы и им вовсе незачем передвигаться куда-либо в другое место. Этот образ великой, по-деревенски простой дворянской нации, пронизывает и впредь всю литературу вплоть до XIX и XX-го века. Даже после 1989 года сохранилось вовсе не такое уж слабое литературное течение, которое соединяет это деревенское самовосхваление старого образца с мессианством. Дескать, поляки - почвенники и поэтому они так последовательно боролись против коммунизма, Solidarnosz продолжила антирусские восстания - с сильным мариинским содержанием -, начавшиеся уже в середине XVIII века, поляки упорствовали против Сталина как никто иной, и они же, собственно, и указали путь к свободе... В такой самооценке слышится оправданная гордость, в которой есть больше чем просто намёк на высокомерие. И это тоже признак самоуверенного польского величия: якобы, крупный герой в борьбе за свободу и, вместе с тем, "величайшая жертва".

В их представлении о себе, как о величайшей жертве, у поляков, однако же, есть явно превосходящая их конкуренция, я имею ввиду евреев. Существует печальное соревнование между поляками и евреями, кто из них был большей жертвой в истории. Когда я несколько месяцев тому назад был модератором дискуссии, проводившейся на эту тему по радио, молодой польско-еврейский публицист Давид Варшавский, прекрасно проанализировавший и сформулировавший эту проблематику, сказал: "Да, так оно и есть, существует такое состязание. Однако лишь кто-то один может быть первой жертвой и занять место на вершине страданий, и это мы - евреи. Нет ничего, что могло бы сравниться с холокаустом. В том то и беда поляков, что они вторые. Второго, который оказался на этой вершине, как правило просто не замечают, на него как-бы не обращают внимание в средствах массовой информации, его не понимает мировая общественность. И вы вынуждены смириться с этим, мы, евреи, также вынуждены смириться с тем, что мы практически всё испортили другим - полякам, цыганам, русским. Но холокауст был именно чем-то единственным в своём роде в XX веке". Мне бы не хотелось редуцировать польско-еврейский комплекс лишь до этого одного компонента, но и он также играет свою роль: Кто самый великий? Кто величайшая жертва?

В немецкой литературе и публицистике - в особенности во второсортной или даже в третьесортной, которые иногда значительно более красноречивы чем тонкая и первостепенная литература, - иногда попадаются такие понятия как "польская мания величия", "польский шовинизм" и "невероятная самопереоценка". В качестве примера такой мании величия приводится иногда польская кавалерия, которая якобы выступила в сентябре 1939 года против немецких танков, ну а доказательством польского шовинизма должна служить тяга Польши выступать в качестве

региональной державы или же стремление подчинить польской гегемонии украинцев, белорусов, литовцев и т.д.

Поляки не любят, когда начинают говорить об этом, тем более, что в основе таких стереотипов нередко лежат более крупные недоразумения, но вместе с тем, они чувствуют, что всё же что-то в этом есть, т.е., что действительно есть нечто типа собственной переоценки, козыряния или бахвальства, посредством которых предпринимается попытка искусственно создать то, чего не удалось достичь. Эта склонность в польской культуре, публицистике и литературе последних двухсот лет вызвала сильную критическую реакцию также и у польской интеллигенции. Тем самым я во второй раз подхожу к польскому комплексу "Polski kompleks". В чём состоит этот комплекс?

С одной стороны, мы самые великие, самые прекрасные, самые лучшие, самые счастливые, собственно, Польша - это рай на земле. С другой стороны, мы самые плохие, самые уродливые, ни на что не способные, мы спекулянты, угонщики машин и уличные проститутки. Поляки, и в этом они похожи на немцев, придают большое значение наблюдению за тем, как их воспринимают за границей. "Гадкий немец", "гадкий поляк". Я с лёгкостью мог бы взять передовицу из "Шпигеля" и поместить её в "Политику", для этого мне пришлось бы лишь заменить слово "немецкий" словом "польский". Как нас воспринимают? Считают ли нас неприятными или же мы вырастаем на шкале симпатий своих соседей? Этот комплекс один и тот же у немцев и поляков, разница только в его причинах.

Польское чувство вины выглядит по-иному, чем немецкое. Немецкие чувства происходят из чувства ложной работоспособности, эдакой сверхэффективности зла. Польский комплекс, наоборот, происходит из чувства неэффективности, из-за постоянной несостоятельности в ходе последних двухсот лет. Для анализа этого комплекса важные импульсы исходят опять-таки из литературы. Чрезвычайно продуктивное течение самовысмеивания берёт своё начало вовсе не начиная с гротескной линии Витольда Гомбровича, Славомира Мроцека или Тадеуша Рожевича, которые после войны пользовались большим успехом у соседей, оно сложилось ещё в сильных критических течениях польской католической традиции XVII и XVIII столетий, в которых речь шла о резкой критике квиетизма, самодовольства, собственной переоценки, высокомерия, тупости и малообразованности, а также необразованности дворянства и клира.

Нашими просветителями - также как и в Германии, - часто были священники. Правда, в Германии это были протестантские пасторы и богословы, а у нас - католические ксендзы, но и там и здесь велась немилосердная критика собственных нравов. Это продолжалось также и в XIX веке. Те же романтики, которые возвышали всё польское и создали из этого польскую идеологию мессианства, были

немилосердными критиками польских нравов, польской отсталости, пассивности, лени и всех тех качеств, которые сегодня высмеивает Гаральд Шмидт. Всё это мы уже отмусолили в XIX веке, в нашей литературе, поэтому нам и не очень приходится по душе, когда Гаральд Шмидт как попугай повторяет это в своих ток-шоу. "Polski kompleks" - это всё-таки нечто большее.

Это чувство, что ты постоянно попадаешь в катастрофы, в которых ты сам виноват. Это комплекс из-за неправильного геополитического положения и Домоклова меча, который совместно занесли над нами наши милые соседи слева и справа. Безразлично, что бы ни делали поляки - всегда всё заканчивается одной и той же катастрофой. Этот комплекс можно наблюдать и по сей день. Я могу подкрепить это литературным мотивом, ссылкой на общеизвестную сцену из национальной драмы XIX столетия, написанной Адамом Мицкевичем. Важная, ключевая сцена в его "Поминках" - бал у сенатора. У этого русского наместника в Варшаве собирается вся польская камарилья - предатели, придворные, служащие наёмниками у оккупантов и польские коллаборационисты. Хотя это слово возникло в петэновской Франции, коллаборационизм - также очень польская проблема и служит обратной стороной повстанческого самопреображения.

Весьма интересно, что поляки, в отличие от немцев, не развили особой придворной культуры. Если бы Норберт Элиас стал анализировать польское общество с помощью своих категорий, то он оказался бы вероятно довольно озадаченным, ибо по отношению к Польше эти категории действуют лишь условно. Польские короли не были абсолютистскими самодержцами, полностью определявшими судьбу своих владений из Версаля, Гофбурга или из Царского Села. Собеский в Вильно, саксонские короли в королевском дворце - если они не находились в Дрездене (что они постоянно и делали) - и, наконец, последний король, Станислав Понятовский в Лациенки, хотя и обладали определённым излучением, но как правило оказывались в тени значительно более могущественных и богатых магнатов. В остальном же каждый дворянин был равен монарху и ему незачем было приспособливаться к придворной моде. Однако после раздела Польши в стране появились чужие наместники и чужие иерархические структуры, которым вынуждено было подчиняться польское общество, разделённое на три части. Эти структуры были, с одной стороны, реальными и эффективными, они признавались как таковые, но, с другой стороны, они были чужими и, соответственно, ненавистными. Они воплощали образ негативной новой культуры, служили воплощением всего плохого, предательства и самоотрицания. Это показал Мицкевич в своих "Поминках": Русский губернатор пирует со своими польскими придворными, в то время как на улице арестовывают и ссылают в Сибирь польских студентов. Эта драма в четырёх частях появилась в двадцатых-тридцатых годах XIX века, но мы можем обнаружить тот же образ в различных вариантах во многих

романах и театральных пьесах в XX веке, начиная от "Ненасытности", романа Станислава Виткевича, который до начала войны предвидел новый раздел Польши Гитлером и Сталиным и покончил жизнь самоубийством, вплоть до небольшого романа о будущем Рафаля Циемкевича, написанного в 1996 году. До этого автор был одержим фантастическими романами, сейчас его притягивает правое крыло политического спектра. Он описывает год 2010 или 2030 и тут происходит то же самое, что и в "Малом Апокалипсисе" Тадеуша Конвицкого, романе, написанном в конце семидесятых годов. Он был напечатан в подполье и все мы прочли его, будучи охваченны "Polski kompleks". Речь идёт о том, что Народная Польша Герека, вместе с её "антисоциалистическими силами", медленно поглощается Советским Союзом и постепенно советизируется, так что белый цвет на польском флаге становится всё тоньше и тоньше, а сам флаг - становится всё более красным, всё более советским. Оппозиция, Solidarnosz и подполье играют на "балу сенатора", русского наместника в образе советского посла, ту же самую роль, что и предатели в XIX веке. Этот роман, появившийся в 1978/1979 гг., стал культовой книгой первого периода Solidarnosz. И как мы видим, в 1996 г. Шемкевич опять подхватывает тот же самый мотив. В XXI веке Польша, хотя и становится членом Европейского Союза и НАТО, но Запад уже давно пребывает в состоянии распада; хотя Брюссель и платит какие-то деньги на "мероприятия по поддержанию мира" к востоку от Польши, но никто на Западе не хочет воевать. Единственные миротворческие войска, противостоящие вооружённым до зубов бандам на распавшейся российской территории, - это украинские Warlords. Но один из них замечает, что с Запада взять больше нечего и тайно присягает великому визирю в Багдаде, который вскоре расправляется с Западом. Иными словами, старый кошмар поляков не исчез и накануне принятия их в НАТО и в Европейский Союз. Мы стремимся попасть в НАТО и в Европейский Союз, одерживаем экономические успехи, но политические модели мышления у части польской общественности - или у одного из молодых писателей - звучат так: "Всё равно всё кончится также, как и 200 лет тому назад, новым разделом Польши и руссификацией этого опустившегося, предательского высшего слоя, который, опять-таки будет танцевать на балу у сенатора".

Откуда появились эти образы? Может быть это комплекс мнимой "Grande Nation", которая сама то знает, что она слаба, может быть даже и нежизнеспособна и легко поддаётся возможным переменам погоды? Или может быть это лишь отсутствие литературной фантазии поколения ныне тридцати- и сорокалетних, которые не способны выйти из польского культурного кода последних двухсот лет и сказать себе самим, что мы больше не те, какими мы были, что все наши культурные модели оказались ненужными после 1989 года, что мы больше не можем опираться на

старые сарматские, мессианские и другие образцы и должны изобрести себе совершенно новые? Во всяком случае, это одно из течений в сегодняшней Польше.

Другое течение - совершенно противоположно и выглядит приблизительно так: Всё, что мы представляли собой в течение 200 лет, вся эта традиция, ничего не означает для нас сегодня. Эта страна совершенно изменилась в результате перемещения на Запад. И хотя мы по-прежнему разговариваем по-польски, но у нас больше нет почти ничего общего с нашими предками, также мало общего у нас и с нашими соседями на Востоке, с украинцами, белорусами и литовцами. Один раз оторвавшись от родины, оказавшись выброшенным из окружения, можно правда ещё раз пережить то или иное чисто ностальгически, но эта линия польской истории подошла к концу. Сейчас мы принадлежим к Центральной и Западной Европе и должны заняться своими действительными соседями, т.е. немцами, поскольку мы являемся - волей неволей, но фактически - на одну треть наследниками германской истории в Силезии и в Померании. Это главный мотив польского самопонимания на будущее и, вместе с тем, сильное течение, распространённое среди молодых польских литераторов. В Гданьске, Вроцлаве и Шетцине молодые люди открывают для себя немецкую историю, как бы продолжая писать то, что писал Гюнтер Грас, занимаются комплексом изгнания немцев, завязывают дружбу с насильственно выселенными немцами, организуют совместные германо-польские краеведческие музеи, в которых почти семисотлетняя немецкая история учитывается также, как и пятидесятилетняя польская история, они настраиваются на новое соседство.

Это не означает, что мы имеем дело с отсутствием отношений с соседями на Востоке, с бывшими "внутренними соседями" поляков, а именно с украинцами, литовцами и белорусами. Отношения с ними находятся в фазе, которую я сравнил бы с германо-польским диалогом шестидесятых и семидесятых годов, правда, с обратными ролями. Сейчас поляки очень часто пытаются занять позиции, которые в рамках германо-польского диалога шестидесятых годов занимали немцы, такие как Гюнтер Грас, графиня Дёнгоф, Клаус фон Бисмарк и другие, которые приезжали в Польшу и разрушали страх поляков перед немцами, поскольку им казалось необходимым также и в интересах немецкого самосознания завязать новые контакты с польским соседом на Востоке.

А теперь модель германо-польского сбалансирования отношений переносится на польско-литовский, польско-украинский и также на польско-белорусский диалог (хотя положение с властями в Минске в настоящий момент крайне неблагоприятно). Важно открыть для себя соседей и вести диалог на уровне, который, именно на фоне германо-польского опыта, я называю "фазой прощания" со старой родиной, когда преемнику сознательно наследуется часть собственной истории и при этом говорится: "Хорошо, теперь это ваша часть, и вы - украинцы, белорусы, литовцы, - будете

чувствовать себя лучше, если вы не отмахнётесь от того, что было нашей общей историей, а если вы воспримете её и будете заботиться о ней впредь. Тогда можно только вырасти.”

Отсюда возникает своего рода тень бывшей *Res publica* и то единство и вековая привязанность, которые не были бесследно уничтожены, несмотря на национальные распри в XVII, XVIII и XIX веках. Следы старых ран, правда, ещё ощущаются, но ведь верхний слой той *Res publica*, то есть поместного дворянства и крупных помещиков, был полонизирован, так что со временем социальная напряжённость, именно там, где крестьяне были украинцами, белорусами и литовцами, также приобрели сильный национальный оттенок. Продуктивным и перспективным сегодня является разговор о культуре, о корнях и о том, что у нас общего, и что лишено любой политической задней мысли, тем более что современные поляки сейчас не так высокомерны, чтобы стремиться играть какую-либо гегемониальную роль, как это было в период между двумя войнами, когда иные ещё стремились к восстановлению *Res publica* и на пространстве между Балтийским, Адриатическим и Чёрным морем организовать нечто типа промежуточной Европы под польским знаком. В наши дни таких устремлений больше нет, и в этом, видимо, и состоит непосредственное выздоровление поляков, что в политике они освободились как от самопереоценки, так и от польского комплекса.

Порой это имеет весьма комичные последствия. Когда некоторые страны бывшего СЭВ, так называемые Вышеградские государства, то есть, Венгрия, Чехословакия и Польша захотели объединиться после 1989 года, очень быстро выяснилось, что - совсем по другому, чем раньше - невозможно было заметить никакой погони за ведущую роль в этом треугольнике. Скорее всего всё это напоминало игру в подкидного дурака, каждый подсовывал эту роль другому. И вдруг все обнаружили - за исключением может быть Валенсы, но зато политический класс обнаружил, - что эта ведущая роль должна принадлежать Гавелу, то есть чехам, поскольку у них самые лучшие позиции на Западе, наилучшие экономические перспективы, а также, потому что они располагают наилучшими демократическими традициями в период между двумя войнами. Но довольно быстро выяснилось, что чехи вовсе не горели желанием исполнять эту роль, тем более, что они даже не хотели сохранить федерацию с более слабым партнёром - Словакией. И что же произошло с этим вакуумом? Может быть его заполнили поляки? Как бы не так. Треугольник распался или вяло существовал дальше до тех пор, пока западные европейцы не подтолкнули нас к тому, чтобы мы вместе поставили что-либо на ноги, как бы детский сад перед принятием в Европейский Союз. Но мы не захотели идти ни в какой детский сад, каждый хотел на свой страх и риск попасть в этот рай Европейского Союза. Мы были скорее конкурентами, чем способными на организацию сообщества. Лишь только сейчас стало

развиваться некоторое подобие чувства общности и сознание того, что мы должны поддерживать друг друга без всякой опеки или гегемонии.

Но, всё же, постепенно Польшу иногда подталкивают к более активной роли, и постепенно она берёт её на себя. Лучшим примером служит роль посредника, которую Квашневский играет сейчас между Украиной и Литвой по отношению к Западной Европе. Эта инициатива исходила не от Польши, а от Украины, от президента Кучмы, а до этого уже от президента Кравчука. Это показывает, что старая польско-украинская раздражительность после появления Украины как самостоятельного государства в 1991 г. играет разве что региональную роль - в Пшемысле (с польской стороны) и во Львове (с украинской стороны), между тем как Киев и Варшава быстро идут навстречу друг другу. Также как и мы в 1989 году говорили, что наш путь в Европу проходит через Германию, также и украинцы говорят, что путь Украины на Запад - из-за одного только географического положения - проходит через Польшу. Валенса наблюдал за этим скорее с недоверием, поскольку он опасался, что это может оттеснить Польшу от Запада; Квашневский же, наоборот, подхватил это, ибо он заметил, что это было хорошо воспринято именно на Западе. Он многократно приглашал Кучму на конференции СЕФТА, а также на встречу президентов восточно- и центральноевропейских государств, это неформальная организация, более крупная чем Вышеградская группа. Выяснилось, что Польша очень хорошо может исполнять эту роль посредника.

Вторым примером является Литва. В Литве существовала напряжённость из-за польского меньшинства, а также из-за литовского комплекса по отношению к этому - по меньшей мере в численном отношении - сверхмощному соседу на Западе и бывшей опеки литовского политического класса в период польско-литовской унии. Поскольку польский язык стал языком литовского дворянства, в период литовского национального пробуждения в XIX веке появились упрёки, что Польша якобы "обезглавила" соседний народ, отобрав у него ведущий класс путём полонизации. Этот комплекс играл роль даже после 1990 года, хотя политики от Solidarnosz и оказали помощь при борьбе за литовскую независимость. В 1993-96 гг. эта напряжённость улеглась. Даже национально настроенные литовские политики стали поддерживать весьма добрые литовско-польские отношения.

И, наконец, ещё один пример, это Белорусия. Именно Квашневский в течение двух дней смог подготовить совместное заявление украинского и польского президента относительно опасности для демократии в Белорусии. Гавел присоединился к нему лишь двумя днями позже.

Как мы видим, географическая близость к Востоку опять-таки как бы предопределила Польшу к тому, чтобы иметь тонкое чутьё к событиям, развивающимся на Востоке. Я не решаюсь говорить о "нашем ближнем зарубежье", оставляя право

использования этого понятия за Ельциным, с его расплывчатыми неоимперскими мечтами. В Польше не принято думать в таких категориях. Наоборот, два года тому назад велась оживлённая дискуссия, где же находятся главные партнёры или главные контрагенты для новой Польши, на Востоке, в Москве или в Украине, в Белорусии или в Литве. На мой взгляд эта дискуссия не завершена и по сей день. Существует формула о параллельной политике по отношению к большому русскому соседу и к непосредственному соседу напротив. И тем не менее, в польской общественности вновь и вновь возникал упрёк в том, что польская внешняя политика якобы запустила непосредственных соседей - то есть Украину, Белорусию и Литву - в пользу отношений с Россией.

Но реальное развитие показывает, что при наличии твёрдого и однозначного евроатлантического выбора политика практически ведётся сама собой. В этой связи проблематичны в данный момент польско-русские отношения, ибо они определяются, если не обременяются, вознёй вокруг расширения НАТО на Восток.

Также и польско-украинские, польско-белорусские и польско-литовские отношения в значительной степени определяются проблематикой открытия евроатлантических структур на Восток. В политике в Центральной Европе и на Востоке мы сегодня вообще имеем дело с новым законом, по которому темп определяется более слабыми. Они настаивают, они формулируют свои желания, и могущественные приспособляются к ним. Также было и с нами. Вначале выбор в пользу НАТО сделала Вышеградская группа государств, американцы и западноевропейцы поначалу отнеслись к этому сдержанно, но решительность восточно- и центральноевропейцев диктовала темп. Наши партнёры на Западе реагировали на это - вначале робко, затем более решительно. То же самое происходит сейчас и с нашими партнёрами на Востоке, это проявляется в том, что они диктуют темп сближения с Польшей, служащей одним из плацдармов для их собственного сближения с Западом. Субстанция польско-украинских, польско-белорусских или польско-литовских отношений зависит не только от Варшавы; Польша всего лишь воспринимает и реагирует - иногда лучше, иногда хуже. Но это не фаза действительно активной политики и активного самопонимания; никто не думает в этих категориях. Правда, всегда находятся группировки или публицисты с правым уклоном, мыслящие в "неосарматских" категориях, но если посмотреть на их маргинальные размеры, то можно констатировать, что подобные соображения не представляют собой реальной политической силы.

Но, опять возникает вопрос, какую роль играет Россия в этом законе более слабого и в какой степени Россия также и сегодня задаёт темп польско-российским отношениям. Я думаю, мы сейчас находимся в странной и очень необычной ситуации, когда Польша, этот малый и долгое время не существовавший партнёр, пребывает в

такой фазе, когда она хотя и оказалась на стороне победителей, но до сих пор не только не справляется с этим, но более того, до неё самой это ещё не дошло.

Можно решиться высказать тезис, что Польша принадлежит к числу выигравших в этом страшном XX столетии. На первый взгляд, такое заявление удивляет большинство поляков, и произнеся этот тезис в Польше, можно поначалу услышать слова: Ты сошёл с ума, ведь мы проиграли больше всех, ведь мы жертвы. Весь слой польской интеллигенции был уничтожен и страна, как мешок с мукой, перемещена с Востока на Запад, поляки были лишены собственности и подвергались угнетению, затем их доконал сталинский коммунизм с его идиотской экономической реформой, а ты говоришь о каком-то выигрыше? В таком случае следует упомянуть только две даты, год 1901 и год 2001 - конечно, если мы за три года, которые остались до этой даты, не потерпим никакой катастрофы. В 1901 вообще не было никакой Польши и Станислав Выспанский показал в своей театральной пьесе "Свадьба", что разделённая на три части Польша совершенно не способна выжить в Европе. Через сто лет эта Польша станет признанным, самоуверенным и равноправным партнёром Европейского Союза и НАТО. Даже польская экономика, это немецкое понятие, которое нужно буквально смаковать, приобретает сегодня положительную окраску. Разве это не успех...

Однажды я написал, что мы, поляки - европейский Франкенштейн, которого вкривь и вкось сварганил какой-то бездарь, то ли врач, то ли профессор или волшебник. Левая рука пришта к правому плечу, голова - слишком маленькая по отношению к телу, всё не так, но функционирует. Этот довольно крепкий гомункул в состоянии продемонстрировать экономические успехи, что, учитывая польскую традицию, вовсе не само собой разумеется, ведь ещё в семидесятых и восьмидесятых годах страна была посмешищем из-за своей высокой задолженности. Если мы сегодня посмотрим на Албанию или Болгарию, это напомним нам Польшу десять лет тому назад. Сегодня это страна, в общем и целом неплохо функционирующая и в которой количество забастовок за последние годы драматически сократилось, и это несмотря на явно развитую культуру восстаний и забастовок и, несмотря на высокое социальное бремя из-за политических и экономических преобразований.

В принципе, Польша развивается спокойно. Успешное меньшинство общества, составляющее его треть, достаточно сильно для того, чтобы быть противовесом к абсолютно проигравшим, также составляющим примерно треть общества, и подать сравнительно обделённой части общества надежду на то, что в результате экономических и политических реформ дело продвинется вперёд. Со всем этим Польша ещё не умеет обращаться. Пока что вовсе не само собой разумеющимся является то, чтобы люди основывали чувство собственного достоинства на реальных успехах, и бывает легче в случае чего воскресить в памяти старые модели мышления,

катастрофы, разделы и тд., чем жить тем, что мы больше не являемся страной, желающей быть великой державой или считающей, что она должна желать этого, и что вскоре центр польского бытия будут разъедаться совершенно новыми вызовами: Долго мы больше не будем оставаться такими, какими мы были. Обо всём этом, однако, мало говорят. Польша идёт по течению, развивается и вкладывает свою энергию в экономическое строительство, хотя иногда её охватывает страх, что в конечном итоге ценой успеха может стать внутренняя опустошённость: "возможно мы станем похожи на немцев в семидесятых и восьмидесятых годах, будем довольно хорошо откормлены и успешны, но вместе с тем будем неуверенно задавать себе вопрос: а кто мы, собственно?" А кто же мы, собственно? На что мы способны? Это вечные вопросы, которые присутствуют сегодня как в немецкой, так и в польской публицистике. Немцы задаются вопросом: Мы опять стали кем-то? А позднее: Неужели нас лишат того, чем мы стали после войны? Неужели тучные годы позади, а сейчас перед нами тощие? Все эти вопросы со временем, когда Польша подойдёт к своим тучным временам, будут задаваться и там. Пока мы ещё не подошли к этому, но частично эти времена уже на горизонте, и не только как Фата Моргана. Все эти "немецкие" вопросы появятся, и вместе с ними возникнет и новый польский комплекс, а именно, что давно знакомая традиция, согласно которой мы всегда принадлежим к проигравшим и всегда являемся Underdog-ами, в будущем станет уже больше неприемлемой. Однако преодоление этого комплекса ещё далеко не должно привести к появлению новой заносчивой гордыни в виде недопустимой собственной переоценки как Grande Nation Востока. К счастью.

Мирослав Куштат

Чехия и её мощный сосед на Западе

Ещё несколько лет тому назад почти никто не предполагал, что после падения железного занавеса германо-чешская тема сможет приобрести такую большую релевантность, как с этим обстоит дело в действительности. Между тем, т.е. после подписания и одобрения парламентами обеих стран германо-чешского правительственного Заявления, мы переживаем счастливую фазу этой неудачной истории, сложившейся после поворота. Я оптимист, и надеюсь, что, как сказал в начале января этого года федеральный канцлер Коль, "надо надеяться, что германо-чешское Заявление станет промежуточным звеном на пути к достижению нового качества взаимоотношений". Жизнь покажет. У нас есть определённые шансы. Ну а как будут выглядеть, в конечном итоге, возможности, зависит не только от политиков, но также и от нас, рядовых граждан, от Церквей и различных структур гражданского общества в Федеративной Республике Германии и в Чехии. Это германо-чешское Заявление, как писала некоторое время тому назад Алена Вагнерова, не является победой политиков или результатом одних лишь политических переговоров. Это победа гражданских обществ обеих стран.

Наша конференция проходит под девизом "Примирение между Востоком и Западом?" - к счастью, под знаком вопроса, ибо это облегчает мою задачу по освещению главной темы на германо-чешском примере. Поставленный здесь знак вопроса оправдан и необходим. Примиряться, на мой взгляд, должны не "Восток" и "Запад", скорее в примирении друг с другом нуждаются существующие в Европе застарелые, до сих пор незалеченные враждебности, а также некоторые старые нездоровые отношения между соседями. Такие примеры можно найти не только на границе прохождения бывшего железного занавеса, но также и в Северной Ирландии, в Баскии, на Балканах или между Турцией и Грецией.

Сама постановка темы примирения между "Востоком" и "Западом" кажется свидетельствует о продолжающемся пребывании во власти мира идей, всё еще сохранившихся из периода холодной войны.

В одном из своих приветственных посланий в адрес экуменического собрания в Граце чешский президент Вацлав Хавель предостерегал от злоупотребления понятием примирения.

"Слово 'примирение' превратилось в течение прошедших лет в неотъемлемую составную часть словарного запаса, употребляемого часто и привычно. Иногда это происходит слишком часто и слишком привычно." (...) "Мысль о единой Европе тоже, между прочим, содержит в себе мысль о примирении, а путь в этом

направлении представляет собой процесс, имеющий для всех, ранее враждовавших наций, свою неповторимую динамику, свой неповторимый ход. Однако любое примирение, будь то между отдельными людьми или между нациями и государствами, имеет свою главную структуру, которую нельзя обойти стороной. Разумеется, оно предполагает выход из плена собственных предрассудков и стереотипов, попадание на своего рода неизвестную территорию, территорию, на которой примиряющийся доверяет себя доброй воле другой стороны, предполагая у неё наличие этой доброй воли. Отсюда примирение между людьми, нациями и государствами невозможно без восстановления принципиального доверия к другому. При этом прощение и "подведение черты" в процессе примирения между двумя нациями вовсе не означает - и не должно означать - захлопывание страниц учебников истории, скорее это "доверительный провод", которому мы вверяем всё необходимое, дабы больше никогда не впасть в искушение открыть ящик Пандоры со всеми бедствиями прошлого. В отношениях между нациями мы прежде всего должны быть готовы к поиску совместных интересов и к совместной работе над задачами завтрашнего дня." И ещё одно предложение, кажущееся мне особенно значительным: "За ошибки прошлого также приходится платить. Залеченные рубцы не исчезают бесследно. Они остаются напоминанием. И слава Богу, что это так."

Может быть Вацлав Хавель имел ввиду также и неудачи в германо-чешской совместной жизни в ходе столетнего периода конфликтного общения или же периоды симбиоза немцев и чехов. Правда, отягчённое следами прошлого, соседство находится сейчас на пути к постепенному оздоровлению. Совместное чешско-германское правительственное Заявление, несомненно, служит тому добрым доказательством. Но мне хотелось бы предостеречь в данном контексте от слишком безоговорочного оптимизма. Дело обстоит действительно так, как сказал Хавель, зажившие рубцы не исчезают совершенно бесследно. Они остаются напоминанием. Германия для нас чехов была и продолжает оставаться, по ходкому выражению, "нашим вдохновением и нашей болью".

Для большинства политических наблюдателей оказалось сюрпризом, что именно германо-чешские, соотв. германо-словацкие отношения стали после поворота издавать много смущающих сигналов. В начале мы не видели никаких проблем, ибо, в отличие от Польши у нас не было, к примеру, никаких пограничных проблем. И всё же, бремя совместной истории оказалось тяжелее, чем мы предполагали в первые месяцы в ходе эйфории после поворота. В этой связи мне хотелось бы упомянуть здесь лишь болезненный комплекс вопросов Второй мировой войны и, связанный с этим вопрос о судетских немцах. К этому добавилось то, что продолжавшаяся сорок лет изоляция, которая была интенсивней и продолжительней, чем, к примеру, в Польше, наложила на нас значительно более сильный отпечаток, чем мы ожидали.

Несмотря на эти соображения многие граждане в Чехии и Германии задавались вопросом: Разве мы действительно всё ещё не примирились друг с другом или может быть примирения требуют всего лишь политики или особые заинтересованные группы, которые нуждаются в нём, торжественно провозглашают его в мягких или громких тонах или злоупотребляют им? Прежде чем перейти к изложению своих исторических, соотв. актуальных политических соображений, мне хотелось бы привести несколько статистических данные. Речь идёт о результатах регулярного, касающегося этой темы опроса мнений в Германии, например, проведённых EMNID для иллюстрированного журнала "Шпигель" весной 1996 года, или же, с нашей стороны, о статистических данных Пражского института по исследованию общественного мнения (IWM). Сравнительный обзор мнений чешских граждан о германо-чешских отношениях, за период между февралём 1995 г. и ноябрём 1996 г., т.е. вплоть до опубликования германо-чешского правительственного Заявления, показал следующий результат:

Наиболее положительно германо-чешские отношения оценивались в начале 1995 г., когда эти отношения характеризовались более чем 68% опрошенных как "хорошие" или "скорее хорошие". Годом позже, в феврале 1996 г. процент положительной оценки упал почти на одну треть и составил 45%. В этом, на мой взгляд, нашло отражение заявление германского федерального министра Клауса Кинкеля относительно международноправовой релевантности - я умышленно не говорю действия - Потсдамских Соглашений. Честно говоря, это высказывание получило у нас невероятный отклик. Тем не менее, при последующих двух опросах в 1996 г. можно было констатировать новый подъём положительных высказываний. В августе 1996 г. свою положительную оценку уже высказало 50%, а в ноябре 1996 г. даже 58% опрошенных.

Одна треть всех опрошенных в Чешской Республике придерживалась мнения, что Чешская Республика до сих пор внесла значительно больший вклад в улучшение отношений. Интересно сравнить данные за сентябрь 1994 г. с данными за ноябрь 1996 г. И всегда получается одна треть, т.е. 33%. И, наоборот, лишь четверть опрошенных считают, что оба государства внесли одинаковый вклад в улучшение отношений. К числу этой четверти принадлежат прежде всего представители молодого поколения. Лишь два-пять процентов опрошенных считали, что большой вклад внесла Федеративная Республика Германия. Мнения чехов относительно германо-чешского Заявления 1996 г. три раза анализировались ещё до его опубликования. При этом выяснилось, что гражданки и граждане не придавали этой теме такое большое значение как политики. Более четверти не имели никакого мнения по этому вопросу или же не интересовались им. Почти одна треть считали, что Заявление вряд ли сможет повлиять на ход германо-чешских отношений. Более 30%

связывали с Заявлением положительные ожидания. В этой группе в ходе 1996 г. наблюдался темп прироста в 4%, то есть её численность возросла с 28% в феврале 1996 г. до 32% в ноябре 1996 г. Однако эта процентная ставка опять упала после опубликования Заявления на 5%. На мой взгляд, этот пример показывает, что чешская дипломатия в некоторых формулировках штого Заявления, касающихся главным образом послевоенной судьбы судетских немцев, достигла пределов возможного и приемлемого. Этому мнению, кстати придерживаются также и многие менцы и большинство немецких политиков. Вопрос о судетских немцах является при опросах в Чехии невралгическим пунктом, ничего иного, собственно, и не следует ожидать.

По отношению к решающим проблемам отношений в ходе опросов отражается большая открытость, зачастую даже оптимизм. В ноябре 1996 г. 63% опрошенных считали возможным примирение ввиду будущей кооперации. Результаты проведённых опросов показывают сплошь и рядом более положительное, соотв. более оптимистическое отношение в Чешской Республике среди молодого поколения. Правда, результаты, полученные при опросе много пережившего поколения - катастрофичные. Положительная тенденция стабилизируется лишь в том случае, если чешские, соотв. также и немецкие ожидания от германо-чешского Заявления, смогут быть хотя бы приблизительно выполнены.

Опрос отражает диссонанс дискуссий о германо-чешском Заявлении.

Мне хотелось бы сделать ещё несколько замечаний относительно предистории и к содержанию германо-чешского Заявления. Возникает вопрос, зачем понадобилось германо-чешское Заявление, и специально правительственное Заявление. Ведь существует международно-правовой Договор о добрососедстве и сотрудничестве, подписанный в 1992 г. Этот Договор содержит в себе также и форму рецепции Пражского договора 1973 г., представлявшего собой важную часть системы договоров восточной политики Брандта/Бара 70-х годов. Пражский Договор был неоднозначно воспринят и расширен за счёт глав, затрагивающих нормальное совместное проживание между двумя демократическими, суверенными государствами. Договор 1992 г. разумеется не мог решить всех вопросов, в особенности же нерешёнными остались совершенно различные чешские и германские правовые позиции относительно открытых вопросов собственности. Переписка между министрами иностранных дел Геншером и Диемстбиром содержит простое предложение: "Данный договор не занимается имущественными вопросами". Это предложение может быть интерпретировано *pro futuro* двояко: 1. Правительства обоих государств полны решимости не поднимать этот вопрос. 2. Его можно прочесть и в том же направлении, как это нашло выражение в резолюции германского бундестага, принятой в конце мая 1992 г., что между Чешской Республикой и Германией по-прежнему открытыми остаются открытые имущественные вопросы и они должны

стать предметом дальнейших переговоров. Если сравнить этот Договор с германо-польским договором, то обнаруживается, что *de facto* речь идёт о двух идентичных договорах. Но всё же есть одно важное отличие. Польское общество в своём большинстве довольно двусторонним Договором с Германией и германо-польское сотрудничество проходит почти без осложнений. На основании этого Договора в Польше возникли дополнительные инициативы и учреждения, вносящие значительный вклад в примирение между Польшей и Германией, как, например, Фонд германо-польского примирения по возмещению лицам, пострадавшим при нацизме, Германо-польская молодёжная организация и т.д. Не всё функционирует гладко в этих учреждениях. Но это шаг в правильном направлении.

Что касается германо-чехословацкого Договора, то и после разделения чехословацкой федерации, не последовало никаких конкретных шагов такого рода. Не было принято никакого возмещения лицам, пострадавшим при нацизме. А вопрос о судетских немцах стал с течением времени невралгическим пунктом во взаимоотношениях. Германо-чешские отношения после разделения Федерации вызвали политические технические процессы в связи с необходимостью регулирования отдельных проблем, например удалось добиться заключения с Германией Договора о возвращении лиц и Договора о границах. По различным, зачастую терминологическим причинам, этот процесс был весьма продолжителен.

Лишь начиная с цикла выступлений по поводу германо-чешских отношений видных германских и чешских политиков был, на мой взгляд, открыт путь в этом направлении. Этот цикл был открыт 17 февраля 1995 г. исторической речью Вацлава Хавеля. Одним из важнейших требований этой речи было следующее: "Необходимо закончить период извинений и предъявления счетов и начать период деловых дебатов о них". За этим девизом скрывалось соображение, что по различным причинам мы всё ещё не подошли к анализу проблем прошлого и настоящего. А ещё через несколько месяцев министр иностранных дел Циленец и президент Хавель параллельно выступили с идеей, по меньшей мере назвать и, по возможности, также решить всё ещё открытые вопросы в правительственном или парламентском Заявлении. Переговоры насчёт Заявления начались в августе 1995 года. В январе 1997 года, после сложного процесса, в ходе которого чётко выявилось различие в восприятии проблем, Заявление, наконец-то было подписано.

Итак, Декларация, Заявление, увидело свет и оба парламента ратифицировали его.

В чём же состоит значение этого Заявления?

Прежде всего, оно содержится в исторической части документа. 2-й и 3-й абзацы Заявления содержат ретроспективу исторических осложнений между Германией и Чехией. В Заявлении Германия берёт на себя полную ответственность за развитие, приведшее в 1938 г. к оккупации национал-социалистической Германией. В этой

части она чтит память чешских жертв национал-социализма. Вместе с тем, эти параграфы устанавливают причинно-следственную связь с печальными событиями послевоенного времени, т.е. с изгнанием и с насильственным переселением судетских немцев. В следующем пункте чешская сторона высказывает сожаление по поводу лишения гражданства чехословацких граждан немецкой национальности в результате декретов Бенеша. Одновременно она высказывает сожаление по поводу того, что в результате определённой интерпретации Закона № 215, изданного в 1946 г. была допущена амнистия совершённых по отношению к немцам преступлений. Я специально употребил слово "интерпретация", поскольку этот Закон, по своему построению не был законом об амнистии преступлений, совершённых по отношению к судетским немцам. Он распространялся на период с 1938 по 28 октября 1945 года. Такие, аналогичные законы об амнистии имеются в Италии, Франции, даже в Австрийской республике.

Германо-чешское Заявление осуждает не этот Закон, а послевоенную практику и упавшую правовую культуру обновлённого чехословацкого государства. Деяния были наказуемы согласно чехословацким законам, но практически не было ни одного государственного обвинителя (прокурора), который позволил бы открытие процесса и подал бы соответствующее заявление. Это то, что касается исторической части германо-чешского Заявления.

В следующем абзаце (4), который, кстати сказать, рассматривается в дипломатических кругах как "крупнейший успех" чешской дипломатии, оба правительства признают, что обе стороны сохраняют обязательства по отношению к своему правовому порядку и заявляют свою готовность с уважением относиться к наличию у каждой из сторон своих собственных правовых взглядов. Этот пассаж имеет большое значение в особенности в связи с упомянутым вопросом собственности.

Таковы основные пункты германо-чешского Заявления. Теперь же остаётся то запаса, заполнить это Заявления, и тем самым, вновь возникшее политическое пространство. Одна из статей этого Заявления предусматривает основание германо-чешского фонда будущего. При этом большая часть средств этого фонда должна пойти на возмещение чехам, пострадавшим при нацизме. Федеральное правительство заявило о готовности внести в фонд 140 миллионов нем.марок, при этом около 105 миллионов нем. марок предназначены для выплаты жертвам национал-социализма. Платежи должны осуществляться не в форме подушной выплаты, а в рамках определённых проектов.

Для конкретного воплощения деятельности фонда ещё потребуются заключение двусторонних соглашений, в которых должны быть уточнены отдельные детали.

В этом месте мне хотелось бы совершить некоторое отступление и сказать несколько слов о возмещении чешским жертвам национал-социализма. Ситуация в настоящий

момент довольно печальна. Причём, не в материальном, а в моральном отношении. После разделения Федерации, несмотря на обещание федерального канцлера, возмещения не получил ни один представитель выживших чешских жертв нацизма. Решения в виде специального фонда по польскому образцу добиться не удалось. Возможно здесь сыграло свою роль давление, оказанное со стороны землячества судетских немцев. Оно настаивало на взаимосвязи между возмещением жертвам нацизма и возмещением судетским немцам. Официально такая связь никогда не была сформулирована федеральным правительством. Но отсутствие возмещения вызывает подозрение, что *de facto* эта взаимосвязь существует и существовала. В 1994 г. чешское правительство решилось предпринять рискованное, действительно мужественное одностороннее возмещение в форме подушных платежей отдельным жертвам. Заключённый, проведший, к примеру, четыре года в концлагере, получил в рамках такого возмещения приблизительно 100.000 крон.

Моральная проблема состоит в том, что чешские жертвы нацизма получили эти деньги не от немецкого, а от чешского правительства. С одной стороны, федеральное правительство воздаёт должное жертвам нацизма во 2-ом параграфе Заявления, а с другой стороны, оно не готово сейчас, как и ранее осуществлять подушные платежи или же акцептировать какое-либо решение этого вопроса в виде создания специального фонда. Это не материальная проблема, а проблема заключается в том, что жертвы получили эти деньги от чешского правительства, т.е. они лично не почувствовали ответственности германского государства, соотв. правопреемника третьего рейха, Федеративной Республики Германии за свою историю. Эта проблема до сих пор не решена, также и после Декларации.

Два фонда для особо тяжелых случаев, о которых шла речь в январе/феврале 1997 г. в германском бундестаге, не могут решить этот вопрос.

Вернёмся к Заявлению. Заявление предполагает учреждение германо-чешского дискуссионного форума. Этот инструмент со временем хорошо оправдал себя в германо-польских отношениях. Этот, учреждённый как обязывающий форум, имеет право, направлять рекомендации обоим правительствам. Предусмотрено, что этот форум будет поделён на многие секции, причём важное место будут занимать также вопросы прошлого. Ожидается, что также и организации судетских немцев будут играть важную роль в этом германо-чешском дискуссионном форуме. Весь процесс взаимного сближения в рамках дискуссий вокруг Договора 1992 г. и германо-чешского Заявления от 1996 г., должен быть завершён двумя важными выступлениями глав государств.

Каждый человек - обладатель целительного слова. Я надеюсь на целительное слово, которое будет произнесено в чешской и германской политике. Пока что мы вынуждены были ждать этого.

Марина Павлова–Сильванская

Россия и Запад

Прежде чем перейти к непосредственной теме своего выступления, мне хотелось бы сделать краткое замечание по поводу двух понятий, лежащих в основе тематики этой конференции. Первое понятие - "примирение". У меня есть определённые сомнения по поводу слишком общего употребления этого понятия. Если мы хотим избежать выхолащивания этого понятия, следует вначале выяснить, кто же, собственно, должен или вынужден примиряться, и с кем?

Я считаю, что в смысле отношений русских и немцев, это примирение уже совершилось. Произошло это каким то образом, трудно поддающимся определению. Свою роль сыграл при этом целый ряд различных факторов. Само собой разумеется, что политики много сделали для этого. Мир изменился, тем самым изменились и общие условия наших взаимоотношений. Германское общество пережило глубокий процесс преобразований. В России особенно высоко ценится германский вклад в процесс осмысления прошлого. Мне известно, что в Германии это нередко оценивается более критично. Может быть вблизи многое видится более точно, но что касается германо-русских отношений можно констатировать, что до недавнего времени практически не было никаких трений, и почти никаких проблем.

Второе понятие, по которому мне хотелось бы сделать несколько замечаний, это "история". Иногда я удивляюсь, что только не кроется под казалось бы столь мирным покровом настоящего.

Возьмём, к примеру, польско-русские отношения. Долгое время казалось, что у русского населения нет никаких исторически обусловленных антипатий по отношению к Польше. Но в один прекрасный день, в 1994 году произошло по сути незначительное происшествие на одном из вокзалов в Варшаве, в ходе которого русские туристы были оскорблены и даже избиты полицией. В течение нескольких дней это вызвало такую волну ксенофобии против Польши, что можно было только удивляться. В последнее время такого рода тенденции возникают также и в отношениях между Россией и Германией. Это показала, не в последнюю очередь, дискуссия вокруг так называемого трофейного искусства. Политики начинают использовать эту проблематику в своей игре с тем, чтобы найти свой профиль и нажить на этом капитал и можно наблюдать, как вдруг опять нагнетается казалось бы давно уже преодолённая напряженность.

Но я вовсе не считаю, что мы должны придерживаться той же точки зрения, что и в последние 50 лет, сводившейся к изживанию исторического опыта и исторических травм путём забвения и замалчивания. Я вовсе не считаю, что следует

ограничиваться обсуждением псевдоактуальных вопросов. В отношениях же России и Польши взаимопонимание вообще невозможно без истории.

Русский тоталитаризм до такой степени разрушил историческую память народа, что когда средний русский ведёт историческую дискуссию со средним поляком или же со средним немцем - с немцем менее, с поляком более -, то создаётся впечатление, что они говорят о разных историях, о разных странах. Различие этих перспектив нередко пугает.

Ниже я попытаюсь говорить об актуальной ситуации, но при этом, как уже было сказано выше, мне не обойтись без истории, это было бы, на мой взгляд, даже контрапродуктивно.

Поставленный в начале доклада вопрос о том, кто с кем должен примиряться, уместен и ещё по одной причине. Почти невозможно говорить о единой России. Россия - это, в определённом смысле, абстракция. Для описания ситуации в России недостаточно одного лишь указания на раздробленность и поляризацию общества. Россия - это громадный и многообразный феномен. Говоря о примирении между "Востоком" и "Западом", мы должны отдавать себе отчёт, что этот многообразный феномен Россия очень мало знаком с Западом, который, в свою очередь, также представляет собой высокую степень абстракции. В одном из последних опросов общественного мнения, анализировавшем наше отношение к Западу, было установлено, что даже в группе "ориентирующихся на Запад демократов" лишь 22% опрошенных один раз побывали на Западе. В среднем по стране эта цифра составила приблизительно 15-17%. Правда туризм растёт, а вместе с ним и возможность познакомиться с абстрактным "Западом", однако нередко путешествуют одни и те же люди, так что феномен туризма ограничивается лишь определёнными общественными группами. Есть миллионы людей, которые никогда не покидали своего города или своей деревни и совершенно не знакомы с этим миром. Западный мир предстаёт перед ними, со всей своей амбивалентностью, в первую очередь через средства массовой информации, и, в первую очередь, через телевидение. А для средств массовой информации характерны, с одной стороны, клише и китч, но, с другой стороны, они представляют собой как бы окно в мир. На мой взгляд не следует слишком высокомерно относиться к этому китчу, а лучше употребить все средства для того, чтобы показать людям, что в действительности представляет собой этот неизвестный мир и каков этот абстрактный мир на самом деле.

В середине 80-х годов в Советском Союзе постепенно получило распространение сознание, что мир тесен и и что, пожалуй, следует кооперировать с Западом, продемонстрировавшем свою эффективность. Сегодня Запад служит примером большей части русского общества что касается потребления. Согласно опросу общественного мнения 59% населения хотели бы достичь западного уровня

потребления (у демократов - 59% и даже у бывших коммунистов и социалистов - 23%). 53% населения хотели бы жить так, как живут на Западе, среди западников этого хотят даже 63%, среди коммунистов и социалистов - 24%. 49% населения хотели бы, чтобы их дети получили образование на Западе, среди ориентирующихся на Запад - 62%, среди коммунистов - 21%. Как было сказано выше, эти данные касаются потребления и образа жизни. Примечательно, что на вопрос, "следует ли прекратить считать Запад нашим врагом?" положительно ответили всего лишь 19% населения. Также и среди демократов лишь 30% опрошенных ответили на этот вопрос - "да". В группе, назвавшей себя при опросе христианами (представители христианской православной церкви и симпатизирующие ей) 28% пожелали себе больше не считать Запад врагом. Среди коммунистов это желание высказали всего лишь 9%. Лишь 10% населения готовы принять западную помощь, немногим более - среди западников, и 14% - среди христиан. Большая часть населения придерживается мнения, что желаемого благосостояния необходимо добиться своими средствами, а не с помощью Запада. Нужно только быть прилежным, много работать и много учиться. Одна четвёртая часть общества готова пойти на построение экономики, открытой для кооперации с Западом; среди западников к этому готов 41%, среди христиан - 30%, а среди коммунистов - 8%.

Почти половина общества, т.е. 43% не видят никакой опасности извне. Более 21% считают, что опасность исходит от НАТО. Но 12% населения считает, что опасность исходит от бывших советских республик. Это весьма интересно потому, что таким образом выясняется, что здесь речь идёт вовсе не о антизападной, по своей сути, позиции. В ходе опросов вырисовывается картина дифференцированного общества, о котором нельзя сказать, что оно настроено явно антизападно. Большая часть населения убеждена в необходимости изменений. Открытым остаётся лишь главный вопрос, как и с помощью каких средств следует осуществлять эти изменения.

Многие наши ученые сейчас учатся на Западе и под впечатлением полученных знаний они переносят на наше общество новые и нередко чуждые проекты. При этом выясняется, что адаптация этих концепций нередко оказывается весьма проблематичной, как это показал пример требований Международного Валютного Фонда.

Само собой создаётся впечатление, что в некритичном перенятии многими нашими учёными западных концепций находят отражение старые формы ментальности. Многие учёные, прошедшие через марксистскую теоретическую подготовку, чувствуют острую потребность в закрытом мире, в мире, который поддаётся полному пояснению и в котором нет места сюрпризам и новому. В этот контекст вписываются также и представления западной модернизации. Согласно этим представлениям, когда то, в период Средневековья, сформировалась матрица европейского развития. Эта матрица имеет тенденцию к распространению. При наплыве первой волны этого

распространения был дан толчок к развитию в Скандинавии, в США, в Канаде и в Австралии. Первая волна этого распространения породила Запад. Для второй волны была характерна модернизация, или подпадание под определённое западное влияние Японии и Южной Кореи. А сейчас мы являемся свидетелями притока следующей волны, охватывающей индустриальные государства Латинской Америки и Турцию.

Исходя из русской перспективы важен вывод, вытекающий из наблюдения за этими моделями развития, и он заключается в том, что есть страны, в которых процесс модернизации не привёл ни к какому успеху, а наоборот, ведёт к непрерывным кризисам и конфликтам, сопровождающим и соотв. вкрадывающимся в эту модернизацию.

К числу таких стран принадлежит, по преобладающему мнению нашего общества, и Россия. Не в последнюю очередь такой опыт с модернизацией повинен в возникновении своего рода русского комплекса неполноценности. "Почему это удаётся другим? Чехам удаётся, полякам удаётся, а у нас опять повторяется провал!"

Когда сегодня читаешь литературу, появившуюся на рубеже этого столетия, иногда просто испытываешь испуг от того, как повторяется эта проблематика. Кажется, что мы как бы попали в заколдованный круг.

Как нам измениться? На этот вопрос невозможно дать ответ без понимания собственной идентичности. Россия живёт в постоянном соревновании с США, с Западом, с Европой и т.д. Но какая роль уготована нам в этом состязании? Как чемпион или как великая держава? Как чемпион, который устал и должен был бы сделать перерыв? Часто можно прочесть у политиков, ответственных за безопасность России: "Нам нужен перерыв на пять лет!" Всё время от нас ожидают, что мы быстро соберёмся с силами, что наконец наступит рост и затем мы вновь станем великой державой. Но "перерыв" всё больше и больше затягивается. Наступает замешательство, высказываются предположения, что наша страна вовсе не чемпион; или может быть больной чемпион, но чемпион так болен, что он никогда не выздоровеет. Растут страхи.

Почему путь русского самосознания столь тренист и тяжёлый?

За нашими плечами 70 лет изоляции, вернее самоизоляции. Но ведь вместе с тем это были семь десятилетий страшного самодовольства. Мы не имели истинных представлений о внешнем мире и были убеждены, что мы сами и есть вершина развития человечества. Большой поворот наступил при Горбачёве. Это было начало длительного учебного процесса. Я сказала учебного процесса, поскольку тот путь, который предложил тогда Горбачёв, представлял собой выбор, а может быть даже жизненную философию, но глядя из нынешней ретроспективы он кажется довольно топорным. Его модель была равносильна возрождению ленинских идей, золотой эры ленинизма, в сочетании с подъёмом производительности. Для осуществления этой модели требовались благоприятные внешнеполитические условия, на достижение которых,

соответственно, и были направлены его действия. Но в конечном итоге выяснилось, что эта модель не была достаточно хорошо продумана и поэтому не продвинулась дальше нескольких положительных начинаний.

Горбачов пользовался определёнными закодированными сигналами, как к примеру, "европейский дом". "Под общей крышей не будет пожара, мы будем лучше жить в этом доме". Это была привлекательная картина, к которой Запад отнёсся скорее скептически. Но этот образ и тем самым само решение очень быстро превратились в пустой звук. В России этот сигнал был понят очень быстро. Соединение с Европой через общее христианство, без различия конфессий - для общества это звучало убедительно. Однако это представление было так сильно упрощено, что его невозможно было использовать в качестве инструмента для конкретной практической работы.

Одновременно с гласностью разразилась важная дискуссия об истории России и о повторяющемся заколдованном круге модернизации. Был осознан факт, что русское общество всегда было двухэтажным обществом. Большинство нашего населения - как сказал один из наших философов - осталось ещё в Московии, т.е. на первом этаже русской истории. На верхнем этаже обитали в основном ориентировавшиеся на Запад элиты. Но и сами эти элиты были разобщены из-за постоянных споров между славянофилами и западниками. В кратчайший период из моря забвения на поверхность всплыла Атланта русской философии, русского политического мышления начала XX, конца XIX вв. Тем самым на передний план вышло многое, что скрывалось в ящике Пандорры и что к тому времени считалось уже преодолённым. Начались невероятные прения о культуре и политике. В самом начале такого рода дискуссии выглядели совершенно невинно, казалось, что это были просто споры о чисто литературных ценностях. "Кто лучше: немец Шольц, описанный в знаменитом романе Гончарова "Обломов", или ленивый, но добродушный Обломов?"

Поэтому эти дискуссии и вытекавшие из них политические возможности вначале не воспринимались серьёзно политиками. Так продолжалось до 1992 года. К этому моменту западники уже имели довольно широко разработанную либеральную доктрину. Правда, здесь следует добавить одно ограничение, а именно то, что на мой взгляд политики либерального лагеря ещё обладали слишком слепым доверием к западному пути развития. Мнение, что нам следует только скопировать западное развитие, было очень распространённым среди них. В начале 1989 либеральный кабинет Гайдара попытался воплотить эту доктрину в экономику и в политику. Но очень скоро выяснилось, что проблемы были значительно комплекснее, чем предполагалось. Производство упало до такой степени, как не мог себе предположить никто в мире. Даже в прошлом году - по прошествии столь многих лет после начале реформ, постоянно предсказывавших подъем, - у нас всё ещё на 6% упал валовой

социальный продукт. На фоне этого разочарования очень быстро могла быть подготовлена почва для других политических возможностей. Мы стали свидетелями возрождения геополитики. Образовался так называемый патриотический лагерь из националистских групп и национальных организаций, к которому перебежали важные политические силы общества, такие как номенклатура, военные, но также и обнищавшие элементы общества. Такого рода мышление постепенно шаг за шагом превратилось в важную политическую силу. В этот контекст следует отнести также и победу Жириновского на парламентских выборах 1993 года, на которую Запад прореагировал замешательством и озабоченностью.

Заключая стратегическое партнёрство с США, либералы предприняли радикальный поворот также и во внешней политике. Уже тогда Бжежинский, один из опытейших мужей американской внешней политики, высказал опасение, не выяснится ли, что партнёрство было заключено слишком рано. После победы на выборах Жириновского сложилось впечатление, что эта его оценка оправдалась.

Мне кажется, что на этом фоне следует понимать и решение о расширении НАТО. Запад чувствовал себя неуверенно в связи с развитием в России и испытывал необходимость, подготовиться к приходу к власти антизападных сил. К этому добавилось и то, что Ельцин, который с некоторого времени утратил политическую и идеологическую однозначность, явно приблизился к националистическим представлениям об особом русском пути. В 1995 году коммунисты добились очень хорошего результата во время парламентских выборов, что ещё более содействовало изменению направления Ельциным.

Затем подошли президентские выборы. Ещё зимой казалось однозначным, что Ельцин их проиграет. Он казался слабым и проигравшим. Даже после первого тура голосования не было уверенности в его победе. Только с помощью поддержки Лебеда он, наконец то смог победить. Затем он заболел, что дополнительно подтвердило состояние общей неуверенности.

В этот момент, на мой взгляд, была предпринята ещё одна роковая реакция Запада, я имею в виду речь клинтон в Детройте, в которой он объявил, что во время предстоящей встречи в Мадриде должны быть названы страны, которые будут приняты в НАТО.

Опиравшийся на наивное восхищение Западом односторонний прозападный процесс развития резко переменялся в проект самостоятельного развития, что будет весьма проблематично, если он впадёт в другую крайность. Правда, у нас нет ни холодного мира, ни прямой конфронтации, но мы удаляемся друг от друга.

Я не считаю это дистанцирование катастрофой. В определённой степени она мне кажется скорее необходимой.

Для того чтобы обращаться друг с другом, исходя из реальностей, следует знать, где кто стоит. Ясность должна придти на смену иллюзиям. Тем самым я вовсе не призываю к конфронтации, а лишь учитываю то обстоятельство, что необходимая основа кооперации состоит в том, что обе стороны должны иметь ясное представление о своих интересах и идентичности. Запад должен "учитывать" тяжёлый и из-за своей вселяющей неуверенность глубины часто трудно постижимый для людей с Запада процесс нахождения идентичности в России и осознать свою собственную ответственность и своё амбивалентное влияние на этот процесс.

Б 3 Опыт при осуществлении проекта

Марек Фриштацкий

Размышления об опыте работы Международного центра встреч молодёжи в Освенциме

Мне хотелось бы сконцентрироваться в своём докладе на конкретной инициативе по примирению, на истории создания и опыте работы Международного центра встреч молодёжи в Освенциме.

Какое значение имело понятие "примирение" в истории этого Дома и этой инициативы?

Если говорить о примирении в таком контексте, - ибо в различные периоды времени это понятие имело различное эмоциональное значение -, то следует начинать с того момента, когда этого Дома ещё не было.

В шестидесятые годы в Польше, в Освенциме появились первые группы организации "Знак искупления/Служба мира"(ASF). Это немецкая организация. Она была основана в 1958 году и поставила перед собой цель преодоления причин и последствий национал-социализма в Германии и в других странах, которых это коснулось через Германию. В настоящее время организация "Знак искупления/Служба мира" направляет по 150 человек, которые добровольно, по 18 месяцев участвуют в различных проектах за границей, например, в Израиле, Польше, России, Франции.

Основной упор такого рода деятельности в Польше с самого начала делался на работу в памятных мемориалах, иными словами, это было связано с немецкой историей. В 1967 году первая группа организации "Знак искупления/Служба мира" прибыла в Освенцим.

Историческими рамками начала этой работы были Обращение польских епископов, направленное к своим братьям по архипастырскому служению в Германии в 1965 году, в котором были произнесены знаменитые слова "Мы прощаем и просим прощения" и коленопреклонение германского федерального канцлера Брандта в 1970 г. перед памятником борцам Варшавского гетто.

Это новое начало характеризовалось мужественной решимостью критически взглянуть на собственную историю и вступить в контакт с польским обществом.

Группы, прибывшие в Освенцим, приняли участие в восстановительных работах на территории мемориала. Эта работа была воспринята в Польше с большим вниманием, она приобрела большое значение для германо-польских отношений.

Представьте себе: После окончания войны прошло около 25 лет, т.е. ещё было живо военное поколение и эти люди рассказывали о своих страшных переживаниях. Польша находилась в состоянии постоянного страха перед Германией, страха, который, не в последнюю очередь подкреплялся коммунистической пропагандой.

Существовали опасения, что немцы не захотят смириться с потерей своих восточных областей. И, согласно пропаганде, один только Советский Союз мог гарантировать, что Польша сможет сохранить свои новые границы, возникшие в 1945 году. Для большинства поляков, охваченных коллективным психозом, немцы были вечным врагом.

Именно в такой ситуации молодые немцы приехали в Освенцим. Польское общество вынуждено было с удивлением принять к сведению, что есть и другие немцы. Ведь приехала молодёжь, т.е. люди, которые уже сами лично не пережили Вторую мировую войну. Тем не менее, они стремились к установлению нормальных отношений с Польшей и хотели сделать знак доброй воли, знак примирения, примирения в буквальном смысле этого слова. Они хотели получить прощение у поляков.

В этой работе партнёром организации "Знак искупления/Служба мира" стали в то время клубы католической интеллигенции, в рамках которых и возникла тогда фантастическая идея, построить в Освенциме. С учётом тогдашней политической реальности, казалось, что эта идея никогда не сможет быть воплощена в жизнь.

Политический климат изменился после принятия Варшавских Договоров 1970 г. Были (вновь) установлены дипломатические отношения между Федеративной Республикой Германией и Польшей. С различными оговорками была признана граница по Одру и Нейссе. В таком климате, послужившем толчком для многих инициатив, организация "Знак искупления/Служба мира" и приняла решение построить рядом с Освенцимом Центр для встречи немецкой и польской молодёжи. Но эйфория 1970 г. быстро прошла.

Политическое развитие в Польше, заключающееся в переходе власти от Гомулки к Гереку, затрудняло реализацию этого проекта.

В последующие годы организации "Знак искупления/Служба мира" продолжила работу своих групп на территории мемориала. Одновременно предпринимались поиски путей, как бы всё-таки добиться открытия центра встреч. Организация "Знак искупления/Служба мира" решила продолжить подготовку проекта с партнёром, акцептировавшимся польским государством. В рамках политического компромисса коммунистические власти относились к клубам католической молодёжи (ККК) с терпимостью, но они ни в коей мере не акцептировали их.

В итоге официальным партнёром стал Союз борцов за свободу и демократию (ZBoWiD), это был союз комбатантов, в его рядах были организованы также многие бывшие узники концентрационных лагерей. Проблема, вытекавшая из выбора этого партнёра, состояла в том, что этим союзом руководила мощная фракция коммунистической партии, которая в 1968 г. приняла массивное участие в антисемитской травле

в Польше, внося тем самым важный вклад в "изгнание" из Польши в 1968 году последних 30.000 польских евреев.

И всё же, в политических условиях расколота Европы, при желании построить этот Дом, что без государственной поддержки было неосуществимо, требовалась определённая степень политического прагматизма, поэтому организация "Знак искупления/Служба мира" (Запад) и пошла на этот проблематичный компромисс. Из рядов восточной половины организации "Знак искупления", а также со стороны польских партнёров по клубу католической молодёжи (KIK), которых можно было причислить к оппозиции, это решение оценивалось крайне критически. Некоторые поговаривали о том, что организация "Знак искупления/Служба мира" утратила свою моральную безупречность.

В последующие годы контакты между организацией "Знак искупления/Служба мира" (Запад) и клубами католической молодёжи всё больше сходили на нет. И наоборот, восточная же часть организации "Знак искупления"(ASZ) продолжала эти контакты.

Из-за близости к представителям режима, установленной организацией "Знак искупления/Служба мира" со своим партнёром Союзом борцов за свободу и демократию, было на длительное время разрушено доверие оппозиционных кругов к этой организации. Напрашивался вопрос, каковы же, собственно, цели организации "Знак искупления/Служба мира"?

У некоторых складывалось впечатление, будто немцы приезжают в Освенцим не для того, чтобы устанавливать контакты с поляками и тем самым работать над достижением примирения между народами, а скорее затем, чтобы путём странного самокопания заниматься преодолением собственной истории.

Наряду со столь высоким символическим значением, которое, при всех критических замечаниях, вся эта работа над мемориалом имела для германо-польских отношений, примечательным является наблюдавшийся в восьмидесятые годы феномен, что немецкая молодёжь, отправляясь в Освенцим, думает в первую очередь об истории "Холокауста"(уничтожения еврейского народа). Мученичество же поляков - это слово, очень охотно употребляется в Польше, - остаётся при этом в тени "Холокауста". Таким образом встреча с мемориалом становится сюрпризом для приезжающих немцев. Они приезжают с мыслями о евреях, в действительности же они вынужденно сталкиваются с польской историей.

Мемориал был задуман, и на протяжении многих лет существовал как символ национального мученичества поляков. Большинство жертв считались поляками, о евреях почти не говорилось. Освенцим служил инструментом для национальных целей.

Эту инструментализацию можно обнаружить также и в памятнике в Биркенау, на котором изображён крест. Этот крест служит символом ордена Грундвальда, одной из высочайших наград в Польше. Этим орденом были коллективно награждены все жертвы Освенцима за их "антифашистскую борьбу".

Такая интерпретация более чем проблематична, многие подвергают её справедливой критике. Вероятно только в польском контексте речь идёт о мученичестве, т.е. жертве за идею в духе суверенной и независимой Польши, за идею борьбы против фашизма.

Замешательство, вызванное из-за "разочарованных" ожиданий молодёжи, нередко оказывалось как бы интеллектуальным "запрограммированным местом излома", отсюда вытекали захватывающие вопросы и дискуссии. В конечном итоге такого рода дискуссии, в особенности благодаря встречам с бывшими узниками, скорее содействовали, чем препятствовали "терапевтическому" характеру поездки в Освенцим. В результате молодые немцы узнали о Польше и о польской истории во время Второй мировой войны значительно больше, чем они ожидали. И наоборот, польская сторона в ходе таких встреч могла убедиться, что есть и такие немцы, которые далеко не настроены ревизионистски или реваншистски.

Но проблема польской интерпретации Освенцима, с характерным для неё сужением её до собственной национальной перспективы, не смогла быть решена и в ходе этих бесед.

Но вернёмся к истории Центра для встречи молодёжи. В 1980 возникло движение "Солидарность". В процессе всеохватывающей общественной открытости в Польше, организации "Знак искупления/Служба мира" удалось в 1981 году заложить первый камень для строительства своего Дома. Но после объявления военного положения, произошедшего 13 декабря 1981 года, планы по реализации проекта были опять-таки отодвинуты в далёкое будущее.

В эти годы, начиная с 1980 и в 1981-83 гг. в польском сознании произошёл психологический перелом в смысле отношения к немцам. Он был вызван спонтанной солидарностью западногерманского общества с Польшей после провозглашения военного положения, выразившейся, не в последнюю очередь, в массивной каритативной помощи.

Наконец, в 1986 г. организация "Знак искупления/Служба мира", кооперируя с официальными представителями польской стороны, смогла создать Центр встречи молодёжи.

Дом, построенный в описанных политических условиях, оказался в специфическом состоянии напряжённости. Напрашивался вопрос, в состоянии ли этот Дом при таких условиях вообще служить реальным вкладом в процесс примирения между поляками

и немцами. Я хочу пояснить эту проблематику. Всё капиталовложение обошлось в четыре миллиона нем.марок. Весь материал, - а строительство велось из готовых частей из-за опасения, что при длительном строительстве могут опять возникнуть помехи, - был доставлен в Освенцим из Германии. Был действительно построен скромный дом. Он похож на молодёжную турбазу в Германии. Но по польским меркам это был по тем временам действительно роскошный объект, он резко отличался от скверного окружения Освенцима. Это привело к тому, что в городе этот Дом стали называть немецким домом.

Польскому населению казалось, что доступ в этот дом им закрыт. Во время открытия Центра встреч молодёжи, на котором кстати присутствовали Ганс-Йоахим Фогель, Рита Сюзсмут, тогдашний зам. премьер-министра Польши Мячеслав Раковский, нынешний президент и тогдашний министр по делам молодёжи Александ Квашневский, было, конечно же, сказано много слов о примирении.

Одновременно во многих польских средствах массовой информации, в особенности в печати, появились также и критические комментарии. "Что, собственно, надо немцам в этом святом для поляков месте? Они построили себе уютную гостиницу и хотят только спровоцировать поляков!" Ввиду сильной регламентации официального примирения, Дому открывались весьма ограниченные возможности для внесения своего вклада в примирение между поляками и немцами.

Руководство Домом оказалось в руках номенклатуры. Эта регламентация ощущалась на всех уровнях, вплоть до уборщиц. Рабочие места в доме были весьма привлекательны, поэтому устроиться сюда удалось главным образом жёнам полицейских. В Доме постоянно присутствовал кто-нибудь из службы безопасности.

При наличии таких предпосылок реальные встречи между молодыми немцами и молодыми поляками, - т.е. встречи, в ходе которых можно было бы обсудить действительно животрепещущие вопросы, - чрезвычайно усложнились. Не каждый мог войти в Дом, встретиться с немцами и "примириться".

Так получилось, что многие поляки - также и те, кто мог войти, - рассматривали Дом скорее как символ Запада, чем как символ примирения.

А те встречи, которые всё-таки могли состояться, - при всех проблемах никто не склонен был недооценивать разрушительную силу, исходившую от молодёжных движений, - с польской стороны поддерживались прежде всего благодаря возможности установить контакт с немцами и также вдохнуть немного западного воздуха. О примирении говорилось мало. Может быть это объяснялось и тем, что многие молодые поляки больше не видели необходимости в этом. В первую очередь их привлекли немецкое благосостояние и немецкая демократия.

На такой основе Центр встречи молодёжи просуществовал до 1989 г. До 1989 г. в этом Доме побывали почти 700 групп, они оставались здесь в среднем по шесть - семь

дней. Программа была конечно же посвящена прежде всего мемориалу, но были предусмотрены также и встречи со школьниками, которые проходили в уже описанных рамках.

Когда в 1989 году пришёл конец коммунизму в Восточной Европе и пала стена, многим полякам показалось, что одновременно наступил окончательный конец и Второй мировой войны. Ситуация была непонятной. С одной стороны Польша - то есть нация, которая сама долгое время была разделена, - должна была как-то признать чаяния воссоединившейся Германии. Но, с другой стороны, появилась мысль, "а что теперь будет с нами?" и с германо-польской границей.

Эта неуверенность была распространена значительно больше, чем можно было себе представить по прошествии почти пятидесяти лет после войны. На этом, конечно, сказались как польская травма, так и коммунистическая пропаганда.

В 1990 г. я начал свою работу в Центра встреч молодёжи. Тогда нам казалось, что вместе с окончанием "холодной войны" была исчерпана и эта тема, следовательно, в будущем немецкие группы вообще больше не будут или будут меньше приезжать в Освенцим для того, чтобы заниматься этой темой. Мы быстро обнаружили, что ошиблись. Группы приезжали по-прежнему. Значит, нам хватало работы. Но понятие примирение быстро утратило свою актуальность также и для немецкой молодёжи. Некоторые учителя приезжали со своими учениками с такими представлениями: "Мы поедem в Польшу, мы встретимся с поляками и помиримся". Для этих учителей, предположительно принадлежавших к поколению 68-го года, осмысление истории Германии явилось в конце 60-х годов невероятным переломом в их биографии. Теперь они приезжали в Освенцим со своими учениками и ожидали от них ту же реакцию, которая была у них самих. Но у этих молодых людей третьего поколения подход к этой тематике был весьма различный. Для них война была чем-то, с чем они были знакомы по учебникам и о чём они узнали в школе. Вместе с тем и молодые поляки постепенно утратили всякий интерес к тому, чтобы их постоянно идентифицировали с жертвами.

Старые клише, - дескать, друг против друга встанут, с одной стороны - потомки преступников, а с другой стороны - потомки жертв, и вот они помирятся друг с другом, - начали потихоньку разрушаться. С польской стороны росло понимание того, что необходимо выйти из этой узкой, несколько самоуверенной перспективы видения своей собственной истории.

Осознанию этого содействовал также и тот очевидный факт, что единственный путь в Европу идёт через Германию.

Когда молодые люди из Польши приходили в Центр встречи молодёжи, они всё больше стали искать встреч с немцами. Если можно так выразиться, встреча, как парадигма, пришла на смену примирению.

Соответственно всё больше изменялось и содержание бесед, приобретая характер совместного размышления о собственной ответственности в мире. Освенцим служил при этом исходным пунктом для глубоких гуманистических размышлений. Нам пришлось, приспособиваясь к этому, развить новую концепцию нашей работы, в которой на смену принципу "немцы причинили это полякам", пришёл подход "один человек причинил это другому человеку". А это предполагает, что не одни только немцы, а каждый, проходящий в Освенцим, должен поставить перед собой вопрос, а не мог бы и он сам оказаться в роли преступника. Такая перспектива представляла собой важное изменение для поляков. Ибо и мы поляки, также должны быть готовы ответить на этот вопрос в контексте реальной политической ситуации, прежде всего в Польше и в Германии, но также и во всей Европе.

После перелома 1989/90 гг. и вытекавшей отсюда открытостью по отношению к новым вопросам, в Польше появилась ранее неведомая готовность заняться польско-еврейскими отношениями. Эта проблематика замалчивалась почти пятьдесят лет, она не играла почти никакой роли также и в германо-польских дискуссиях.

В 1990 г. Польша установила дипломатические отношения с Израилем. Представители израильской молодёжи приехала в Польшу. В общем и целом больше евреев стало посещать мемориал. Не заставили себя ждать и первые конфликты. Самый известный конфликт в этой связи возник вокруг монастыря кармелиток в Освенциме, еврейская сторона выступила против размещения здесь кармелиток, упрекая их в попытке христианизации Освенцима. Что касается польско-еврейского, но также и польско-еврейско-немецкого диалога, мы по-прежнему стоим в начале наших усилий. Это собеседование усложняется наличием различных проблем в этих трёх группах. В германо-еврейских отношениях тем временем многое уже выяснено. Польско-еврейские же отношения, находящиеся, с одной стороны, в тени Холокоста и тем самым в тени германо-еврейской проблематики, и, с другой стороны, имеющие совсем иную структуру, в большей своей части всё ещё не выяснены.

Начиная с 1989 г. это табу стало затрагиваться всё настоятельнее. Как многократно показали польско-израильские встречи, особенно большие эмоции в Польше вызывает высказываемый с еврейской стороны упрёк, будто поляки сотрудничали с немцами при Холокосте.

Чрезвычайно сложно взаимосвязанно представить эти различные уровни и различные фазы примирения. Грубо говоря, молодые немцы ищут в Освенциме прежде всего аргументы против собственного национализма. И, наоборот, молодые израильтяне, приезжающие в Освенцим, ищут прежде всего аргументы в пользу собственного национализма. Молодые израильтяне приезжают в Освенцим не для того, чтобы по-новому увидеть Холокост, у них в школах изучению Холокоста посвящён специальный предмет. Они приезжают в Освенцим для того, чтобы укрепить

собственную израильскую идентичность, то есть для того, чтобы увидеть это место и совершить националистический акт, со знамёнами и всем остальным, что сюда входит. При этом присутствует очень много эмоций и очень мало логики. У немцев это выглядит совсем по-иному. Когда какая-нибудь немецкая группа приезжает в Освенцим, проводится много дискуссий. Молодые люди пытаются понять, как стало возможным то что произошло и что надо делать, чтобы всё это никогда не повторилось. У молодых израильтян совсем иной подход к мемориалу. Они, - я понимаю, что это обобщение, - хотят пережить встречу с этим местом в первую очередь эмоционально. Нет почти никакой базы для достижения взаимопонимания между этими обеими группами. В германо-еврейско-польском треугольнике проблемы взаимопонимания предстают в превосходной степени. И это огромный вызов, в ходе совместной дискуссии суметь извлечь урок из различных перспектив. Плоды, которые мы с оправданной надеждой рассчитываем получить при этом, заслуживают этих необходимых усилий.

Манда Присинг

Право на надежду. Помощь беженцам в Сербии. Сообщение о собственном опыте.

Община Сомбор в Воеводине насчитывает около ста тысяч жителей. В 1991/92 гг. из Хорватии и из Боснии к нам прибыло 10 000 насильственно изгнанных со своей родины, главным образом сербов. В августе 1995 за ними последовало ещё 13 000 человек, прибывших из вновь отвоёванной Хорватией Краины. Мы вынуждены были решать вопрос: Как может община Сомбор справиться с этим переселением, со всеми вытекающими отсюда проблемами? Как может этнически смешанная община Сомбор принять травмированных войной беженцев, не разрушая при этом нашу мирную совместную жизнь, для спасения которой мы приложили столько усилий?

Этот вопрос становится особенно настоятельным ввиду того, что у нас тяжело больное общество. Управлявшиеся в централизованном порядке из Белграда крупные предприятия уже годами больше не работают. Сельское хозяйство медленно умирает. Отношения владения не ясны. Царит крайняя нехватка капитала. Неформальная торговля, между прочим с Венгрией и Румынией, решает вопрос лишь для немногих. Правда, через Международный Красный Крест и распределяется помощь для преодоления самой тяжкой нужды, но на длительный период невозможно справиться с проблемой беженцев с помощью таких краткосрочных действий.

Сердца и рассудок людей отравлены военной пропагандой и ненавистью. Люди обречены на бездействие, страдание и бедствие. Безнравственность и наркомания распространяются в особенности среди молодёжи.

Беженцы вначале селились у родственников и знакомых, с ними делились, как могли.

Преодоление проблемы беженцев осложняется тем, что на работу в муниципальную администрацию назначают извне, люди устраиваются на такие платные должности, между тем как обходят людей из Сомбора, общины этнически смешанной уже с давних пор.

Примером положительного обращения с беженцами может служить Баки Моностор, деревня, расположенная в 15 километрах от Сомбора, на северо-западе Воеводины. Из 4000 жителей - 80% хорваты. С августа 1995 г. сюда прибыло 230 человек в основном сербского происхождения, изгнанных из отвоёванной Хорватией Краины. Они живут в 47 старых и довольно таки запущенных домах. Соседи временно предоставили им эти дома и помогли обставить их самым необходимым.

Эти 230 человек в течение нескольких часов были выгнаны вместе с 200.000 своих товарищей по несчастью с одной лишь котомкой, в полуразбитых машинах, на тракторных прицепах или пешком; старые и молодые, потерянные и в полном замешательстве - все они оказались на небезопасной дороге. Их путь лежал из Боснии в Сербию иногда по хорватской территории, на улицах люди забрасывали их камнями. Также и в Боснии их было не легче. Там люди, большей частью сами беженцы, нередко закрывали магазины, требовали от 5 до 10 марок за буханку хлеба, 10 марок за литр молока для детей, 10 марок за один литр бензина. В Сербии они днями, неделями пришлось искать крышу над головой. Некоторых полиция депортировала в Косово. Наконец то большая часть из них смогла поселиться в Воеводине и в Сербии у родственников и знакомых. Только 10% пришлось разместить в лагерях беженцев. Так эти 230 человек оказались в Баки Моногоре.

Первая семья оказалась там в августе. Хорватам, проживавшим в Баки Моногоре пригрозили выселением и мы опасались, что из страха, они враждебно встретят беженцев. Но к нашей радости мы с удивлением увидели, что это было не так. Первый пустой дом, в котором поселились беженцы, принадлежал одной хорватке. Вместе с соседями она помогла с обеспечением электроэнергией, водой, покрасить дом, раздобыть кровать, подушки, плиту, хлеб и одежду. Затем появилась вторая семья, третья, затем пятая и сороковая. И для всех у соседей нашлись чашка кофе, поддержка и сочувствие. Так осталось и до сих пор, по прошествии двух зим. Люди, которые у Адриатического моря вообще не знали, что такое снег, между тем пережили у нас уже две очень суровых зимы. Они отмечали католическое и православное Рождество и Новый год. Если они, из-за непривычного климата, не уверены, что и когда можно сеять, соседи помогают им словом и делом.

Это похоже на чудо, что после пятилетнего отравления пропагандой так называемые "столетние враги" живут рядом в одной деревне как соседи, их опыт полностью противоречит тому, что пишут в газетах и передают по телевидению.

28 августа 1995 мы посетили первые семьи беженцев. Они только что переехали в пустые дома, нашли самое необходимое для своего дома, познакомились с деревней и соседями. К этому времени они уже знали, что некоторые жители деревни боялись, что им придётся оставлять свои дома.

В общем несчастье они распознали друг в друге людей, подали друг другу руки и поддержали друг друга. Они заключили мир. До 29 декабря 1995 г. я с моим мужем посетила каждую семью в её доме. При этом мы познакомились с их тревогами, нуждами, страхами, а также потребностями. Благодаря материальной, а также

моральной поддержке наших друзей из-за границы и дома, мы смогли раздобыть самое необходимое для семей.

Средства гигиены, бельё, семена для садов, свежее молоко для маленьких детей, большие котлы для белья, посуду, ножи и вилки, печные трубы, одеяла, ковры и т.д. Мы смогли отремонтировать все печи, утюги, стиральные и швейные машины. На Новый год каждый получил свой личный пакет.

Когда мы шли к беженцам, чтобы лично познакомиться с ними, мы хотели начать с ними добрые, соседские отношения, пригласить их на беседу, выпить с ними кофе, дать им различную информацию, предложить помощь в установлении контактов с другими людьми, учреждениями, с их родственниками и друзьями, которые живут в Хорватии. Нам хотелось просто услышать, в чём они нуждаются. Из этих первых встреч выросла содержательная работа.

Между тем мы смогли найти в деревне помещение, в котором мы каждый вторник и четверг с 16 до 19 часов собираем беженцев и местных жителей.

Мы выпили там много кофе и сотни раз выслушали военные истории беженцев, а также историю их исхода. Это ужасные истории, полные боли и эмоций. Единственное, что мы могли предложить им, это выслушать их и посочувствовать им, мы пытаемся облегчить им путь в настоящее. 1990 год больше не повторится. Всё по-другому! Существует один лишь сегодняшний и, вероятно, завтрашний день. С тем, чтобы дать им представление о сегодняшнем дне и вселить им надежды на завтрашний день, мы достаём им газеты и журналы из Сербии и Хорватии, информируем их о новых предписаниях законов в обеих странах и обсуждаем всё это. Наша цель состоит в том, чтобы в один прекрасный день они взяли свою жизнь в свои руки. В настоящий момент они не могут ничего решать. Они просто пассивная часть населения, выселенная, без каких-либо прав, предоставленные всяким манипуляциям. У них нет никакого гражданства, нет собственности, нет работы и нет никаких гарантий.

Но они сейчас здесь, и мы стараемся, чтобы настоящая бедность приобрела какое-то качество, мы хотим сегодня предложить им лучшие возможности. Мы хотим придать новое качество воспоминаниям о их друзьях, о малых и больших радостях, которые мы переживаем вместе с ними.

Все они живут в тяжёлых материальных условиях. Ни у кого из них нет постоянного места работы. Они лишь поденщики на сезонных работах в поле или в лесу. За свой труд они получают малую плату, выплачиваемую лишь через несколько месяцев. За счёт гуманитарной помощи, которую они получают на месяц, они могут прожить

лишь до четырёх дней. Всё это невероя... Мы, местные жители, стараемся поддерживать их и вселить им мужество.

Мы стараемся найти какие-либо рабочие проекты. Мы достаём шерсть для вязания, садовые инструменты, семена овощей и цветов. В прошлом мы смогли достать одежду, всё необходимое для младенцев, медикаменты и подарки, мы организовали приём у психиатров и у врачей в деревне. Беженцы получали медикаменты бесплатно.

Здесь можно упомянуть лишь часть наших многообразных дел. Мы посещали вместе театральные представления и читали стихи. С детьми мы праздновали дни рождения. Мы организовывали мастерские об общении без насилия. Дети интегрировались в различных лагерях (лагеря мира), молодёжь смогла участвовать в деревенских соревнованиях. Для активных и заинтересованных взрослых мы проводили встречи различных миротворческих групп, посещали семинары и организации, которые занимаются такими проблемами. 40 человек из числа беженцев прошли обучение по работе на компьютерах. Сейчас мы готовим курсы английского языка. Два раза к нам приезжал гость из Хорватии, занимающийся защитой прав человека, хорошо разбирающийся в ситуации в "их стране", который смог дать ответ на их насущные вопросы. Для главным образом сербских беженцев предложения по сотрудничеству по возвращению в хорватию имеет особенно большое значение. Возвращение на родину, получение гражданства, возврат собственности, а также совместное проживание со старыми соседями - об этом, собственно, и тоскуют многие из них.

Но для всего этого необходимо соответствующее РЕШЕНИЕ. Оно означает взять на себя ответственность, набраться терпения и готовности, быть готовым взять на себя неприятности и во многом отношении изменить свой настрой. И всё таки, до сих пор уже подано 24 заявления на возвращение в Краину. Наши сотрудники передали эти анкеты компетентным органам в Хорватии. Теперь нам остаётся лишь ждать ответа. Всё это продолжительный, тяжёлый и изнуряющий труд. Из дня в день сил становится меньше, материальная помощь сокращается. Между тем уже больше нет средств на поддержание нашей работы. Апатия среди беженцев растёт, кажется что нет никакой перспективы для решения их проблем.

При всех этих трудностях нам хочется по крайней мере подать беженцам руку помощи и по мере возможностей поддержать их в кризисном положении.

Мы хотим тем самым засвидетельствовать возможность добрых межчеловечных отношений между беженцами и местными жителями и, в случае необходимости, оказывать помощь как посредники в спорах и недоразумениях.

На территории нашей общины не было войны, но, тем не менее, война не закончилась. Всё ещё неопределённо.

В настоящий момент в Хорватии подготавливается мирная интеграция находящегося под защитой ООН, хорватского района Дуная вокруг Вуковара. Этот регион расположен лишь в нескольких километрах от Баки Моностора. Неясно, сколько сербов смогут и пожелают остаться там. Гонимые страхом и неуверенностью, они приходят к нам. Они ищут дома, чтобы купить их и поселиться в них. При этом речь идёт главным образом о домах, в которых сейчас живут беженцы. Местные жители, которым эти дома принадлежат, страшно обеднели за последние годы и им нужны деньги. Кроме того, они опасаются, что у них и так и так отберут эти дома, если приток беженцев возрастёт. Если же они продадут дома, то они разочаруют живущих там сейчас беженцев, с которыми они находятся в добрых отношениях. Они стоят перед дилеммой. Они боятся, что вспыхнет новая агрессивная волна, которая сметёт их самих. Этот страх очень велик и, учитывая ситуацию в Вуковаре, оправдан.

Никто не планирует ничего на будущее. Просто никто не знает, что он может планировать.

Во всей этой сумятице мы хотели бы всей своей работой в Сомборе выразить лишь одно: Если мы останемся людьми, мы станем христианами. Давайте оставаться вместе. Протянем же друг другу руки.

Венямин В. Иофе

“Мемориал” в политической истории России

1. “Мемориал” и проблема жертв политических репрессий

Общество “Мемориал” было создано в 1988 году и официально зарегистрировано в 1989. У истоков общества стояли молодые люди, которые хотели инициировать перемены в советском обществе и стимулировать их необходимость обращением к памяти о терроре и репрессиях, сопровождавших всю историю СССР. Первоначально общество сложилось вокруг идеи создания памятников жертвам политических репрессий и помощи выжившим узникам ГУЛАГа. Со временем в связи с достаточно успешной работой общества (а “Мемориал” сегодня остается чуть ли не единственной сохранившейся организацией, из созданных в тот период), произошел естественный процесс смещения акцентов. Подавляющее большинство в обществе стали составлять сами бывшие узники со своими специфическими социальными проблемами, которые действительно надо было решать безотлагательно.

После того, как в стране разразился экономический кризис, эти проблемы стали приоритетными, но, к счастью, первоначальный импульс, заданный основателями общества, все-таки не был утерян, и “Мемориал” сегодня - это независимая общественная организация, занимающая активную позицию по большому ряду актуальных вопросов (о чеченской войне, о законодательстве реанимирующем полицейское государство и др.). Внепартийный характер “Мемориала” определен тем, что он объединяет людей различных политических взглядов (за исключением сторонников политического насилия), поскольку все они были жертвами репрессий. Это ограничивает возможности политического действия, но позволяет обществу ориентироваться на нравственный подход к событиям политической жизни. Все проблемы, которыми приходится заниматься “Мемориалу”, были не привнесенными извне, а обнаружались естественным образом в ходе его развития, так что это в полном смысле *grass root organization* или, говоря по-русски, почвенная организация, причем намного более почвенная, чем те национал-патриотические ассоциации, которые себя таковыми считают. (Повидимому и на Западе нет организаций такого рода и с таким кругом задач).

Социальная работа “Мемориала”

Сегодня позиция российской власти в отношении жертв политических репрессий такова.

В соответствии с Законом о реабилитации от 18.10.1991 и постановлениями правительства на его основе предусмотрена компенсация реабилитированным из расчета 18 DM за каждый месяц проведенный в заключении, компенсация за утраченное в результате репрессии имущество (если есть возможность эту утрату доказать), но не более 1000 DM (2400 DM в случае утраты собственного дома, если этот дом не национализирован) и предоставление ряда социальных льгот по оплате жилья, проезда на общественном транспорте, некоторая прибавка к пенсии (около 10DM в месяц).

В большинстве своем бывшие узники ГУЛАГа сегодня старые, больные и бедные люди. Всю жизнь из-за своей политической судимости они находились на социальном дне, сегодня по этой же причине у них плохое здоровье и маленькие пенсии. Для многих из них чрезвычайно важна проблема достойных похорон, на которые у них нет денег. Всем этим по мере своих сил занимается “Мемориал”. Из крайне скудных своих средств (какая-либо государственная или муниципальная помощь обществу отсутствует) в течение 1996 года удалось 123 раза оказать прямую материальную помощь членам общества, приобрести по индивидуальным заказам лекарств на 3900 DM. В рамках программы психологической реабилитации около 300 человекам были сделаны подарки к юбилеям, организовано бесплатное посещение театров и филармонии для 1200 человек. Проводятся встречи постоянного клуба пожилых людей (“Четверги на Измайловском”).

Правозащитная работа “Мемориала”

Правозащитная комиссия “Мемориала” оказывает помощь членам “Мемориала” в решении их юридических проблем, в частности связанных с проблемами реабилитации, получения компенсации за утраченное имущество, жилищными проблемами, она же участвует в правозащитной деятельности за пределами общества. Представители комиссии помогают людям, попавшим в судебную мясорубку, занимаются проблемами ужасающего состояния петербургских тюрем и, разумеется, включаются каждый раз, когда в действиях репрессивных органов усматриваются политические мотивы (дело Никитина и др.).

Историко-архивная работа

Историко-архивная комиссия общества ведет поиск мест массовых захоронений, организует экспедиции по зонам ГУЛАГа, выставки, конференции, собирает музейные фонды, архив и библиотеку “Мемориала”, издает “Вестник Мемориала”, ведет картотеку репрессированных, оказывает помощь независимым исследователям по истории политических репрессий и оказывает помощь в издании их работ. С этой целью при “Мемориале” создан и существует Научно-информационный центр, который осуществляет лицензированную издательскую деятельность и готовит к печати “Вестник”.

Однако, “Мемориал” не ограничивает своих задач только социальными, юридическими и мемориальными проблемами жертв политических репрессий. “Мемориал” был создан хотя и во имя прошлого, но ради будущего, ради тех, кому предстоит жить в новом тысячелетии. Свою главную задачу мы видим в том, чтобы из прошлого были извлечены какие-то уроки, необходимые для вхождения страны в мир, каким он стал после ГУЛАГа, Освенцима и Хиросимы.

2. Политические репрессии. Поиски смысла.

Политические репрессии были основным инструментом построения тоталитарного государства в СССР. Если попытаться выявить какую-то систему в централизованной политике проведения репрессий в СССР, то можно заметить два основных направления: репрессии в отношении социальных структур с целью их подчинения и полной интеграции в состав тоталитарного государственного устройства и репрессии в отношении отдельных личностно- (или по крайней мере независимо) ориентированных индивидуумов.

Процесс интеграции отдельных социальных страт в структуру тоталитарного государства с помощью террора зависел от степени структурированности данной социальной группы. Для технической интеллигенции ситуация выглядела следующим образом. В 1928 году из 47 тысяч дипломированных инженеров страны членами ВКП(б) было 138 человек, а среди директоров основных предприятий центрального района дипломированных специалистов было всего 7%.

После Шахтинского процесса и процесса Промпартии в 1930 году в партию вступило 3,500 инженеров, а к 1937 году в ВКП(б) состояло уже 47,000 инженеров, однако в целом инженерный корпус, как малоструктурированная социальная общность, пострадал менее, чем другие социальные слои.

В отношении таких жестко структурированных и замкнутых социальных групп, как церковь или армия, репрессии были особенно жестоки.

Так по армии процесс репрессий в 1937-38 годах выразился в следующих цифрах. Всего из 899 высших офицеров РККА репрессировано 643 (71 %), погибло из них 583 (65 %), при этом все они были членами ВКП(б). Партийные органы подверглись в ходе “большого террора”⁸ репрессиям в не меньшей степени (так было арестовано 110 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, т.е. 80%). После этого разгрома роль ЦК ВКП(б) стала декоративной, а реальное управление страной было сосредоточено в руках аппарата Секретариата ЦК.

Для церкви цифры были еще более впечатляющими. К 1941 году было репрессировано по делам связанным с церковью около 350,000 человек (из них 140.000 священнослужителей), погибло в результате репрессий 300 архиереев (оставалось на свободе около 30).

Репрессии в отношении социальных структур могут быть интерпретированы в терминах превентивного подавления возможного соперничества и создания альтернативных центров влияния и власти.

Об этом свидетельствует тактика подавления, которая сводилась к поддержке разрушающих данную структуру идеологий (в случае армии - создание института комиссаров, разрушающее единоначалие, для церкви - поддержка обновленчества, разрушающего сложившуюся иерархию), а после установления полного контроля - к отказу от поддержки разрушающих идеологий и возврат к исходным каноническим формам (в армии - уничтожение института комиссаров, и воссоздание офицерства, в церкви - ликвидация обновленчества и воссоздание патриаршества).

В результате репрессий все социальные институты общества были включены в состав тоталитарной государственной структуры, управляемой из единого центра и не предусматривающей каких-либо посторонних центров влияния. Последней социальной стратой, включенной в систему государственного контроля, был преступный мир. После 1948 года (когда политические заключенные были переведены из общих лагерей в особлаги) в результате, так называемой, “сучьей войны” сотрудничество уголовного мира с администрацией было признано допустимым. Разумеется, включение “социально близкого” преступного мира в систему государственных отношений открыло дорогу криминализации государства.

---

⁸ Под “большим террором” подразумевается период массовых преследований, начавшийся в 1937 году.

Репрессии в отношении человека, как личности, явились по видимому самой сутью репрессивной системы советской власти, объявившей безусловный и абсолютный примат государства по отношению к отдельному человеку, а борьбу с “буржуазным индивидуализмом” - в качестве основного своего приоритета. Эту борьбу государства с человеком трудно проследить с помощью цифр, однако можно видеть, что репрессии в отношении интеллигенции (в глазах власти - носительницы личностного начала), сразу же после победы советской власти стали расти, опережая общую динамику репрессий. Уже в 1918 году, вводя институт заложничества, советская власть для показательных расстрелов предпочитала отбирать офицерство и интеллигенцию. Так продолжалось и дальше, и если в 1935 году было арестовано 5.000 человек с высшим образованием, а в 1939 году 22.000 человек, то в 1941 году, при стабилизации общего количества заключенных “контрреволюционеров” число арестованных с высшим образованием выросло до 31.000 человек в год.

3. “Мемориал” и проблемы реабилитации

После 1954 года в стране количество репрессий по политическим мотивам сократилось (хотя они не прекращались никогда), и началась реабилитация жертв политических репрессий предшествующего периода. В течение 1954-1961 года было реабилитировано 737,182 человека, затем этот процесс был приостановлен и возобновился в больших масштабах только в 1988 году, причем за 1988-1989 годы было реабилитировано еще 844.740 человек.

В настоящее время реабилитации продолжают, хотя в последние годы их число сократилось. В то время как в начале прокуратура сама проявляла инициативу и осуществляла массовые реабилитации, в настоящий момент репрессированные или их родственники должны сами подавать заявление на реабилитацию. Процесс реабилитации стал носить формальный характер. В противоположность этому, в течение 1954-61 годов дела пересматривались по существу обвинения. При этом сегодня имеет место установка ответственных учреждений рассматривать все осуждения по политическим делам, как акты необоснованных репрессий лояльных советских граждан (за исключением случаев государственной измены, когда следует отказ в реабилитации). При этом обстоятельства реального сопротивления или противостояния советскому режиму не принимаются в расчет. (Поэт Н.С. Гумилев участвовал после Октябрьской революции в заговоре против советской власти. Поскольку он знаменит, он, как незаконно осужденный, был реабилитирован в 1989 году. Вместе с тем осужденному по аналогичному делу в 1967 году И.В. Огурцову и по сей день отказывается в реабилитации, обосновывая это тем, что дескать он

участвовал в “заговоре с целью захвата власти”. Причина этого сводится к проблеме легитимности советской власти. Конституционный суд в 1992 году, осудив многочисленные преступления советского режима, оставил вопрос о его легитимности открытым, а правительство, объявив Российскую Федерацию полноправным наследником Советского Союза, признало его законность и поставило тем самым под сомнение правомерность сопротивления коммунистическому режиму во все периоды его существования. Тем самым реабилитация участников даже ненасильственного сопротивления, осужденных за деятельность направленную к политическому изменению государственного строя в СССР оказалась лишена должной правовой основы. Этим людей реабилитируют, исходя из того, что сегодня закон не предусматривает уголовного преследования за подобные действия. Но это же означает, что первоначальное осуждение этих людей, не оспаривается, и что оно было оправданным и законным.

Официально декларируемая позиция карательных органов сегодня заключается в том, что в прошлом они действовали строго в рамках закона своего времени (они охотно допускают, что закон был плох), а теперь закон изменился, и они соблюдают все так же строго новый, хороший закон. И никаких претензий к ним нет и быть не может. Именно они и являются настоящими правозащитниками. Это позиция ложна по двум основаниям. Во-первых, имея в виду изначальную нелегитимность советской власти в стране (что связано с разгоном Учредительного Собрания в 1918 году и отсутствием свободных выборов во всю последующую эпоху) законность ее указов достаточно сомнительна, а оппозиционная деятельность оправдана, или по крайней мере правомерна. Для всех участников сопротивления принципиально важным является реабилитация по мотивам оправдания, а не по мотивам изменения законодательства (это та причина, по которой многие участники сопротивления и по сей день отказываются обращаться к существующей власти с просьбой о реабилитации - они хотят быть оправданы). Имея в виду материальные последствия акта реабилитации, в интересах этих людей “Мемориал” зачастую обращается с заявлением о реабилитации от своего имени (закон это разрешает), но принципиально это не меняет существа проблемы.

Во-вторых, каким бы ни было неправомерным и произвольным советское законодательство, в письменной форме оно никогда не требовало ни самооговоров подсудимых, ни фальсификации дел (это все шло по нормам устного и телефонного права). Более того, закон требовал от следователей представления доказательств вины (тут большей частью обходились собственным признанием обвиняемого), а также доказательств нанесенного стране политического ущерба (объективной

стороны преступления), что они преодолевали с помощью нарочитой двойственности понятий “антисоветская деятельность”, смешивавшего понятия страны (Советского Союза) и политического режима (советской власти). Любая деятельность, направленная против режима (советской власти), интерпретировалась, как деятельность наносящая ущерб государству (Советскому Союзу). И, наконец, даже советский закон требовал от следствия и суда установления преступного умысла (субъективной стороны преступления). Вот этого не делали никогда. Любое, сколько-нибудь критическое утверждение, которое не совпадало с взглядами компартии, именовалось “клеветническим”, причем следствие и суд почти никогда не опускалось до доказательств ложности такого утверждения и абсолютно никогда до доказательства того, что эта ложность была известна говорящему (что и составляет понятие клеветы).

Аналогичные проблемы возникают при решении вопроса о канонизации новомучеников Русской православной церкви. Декларация митрополита Сергия 1927 года о лояльности церкви к советской власти признается сегодня церковью юридически валидным документом, и, поэтому, если позиция церкви в отношении страстотерпцев, т.е. невинных жертв режима, не представляет сложностей, то отношение к священнослужителям, принимавшим участие даже в пассивном сопротивлении советской власти (непоминающие, иосифляне, катакомбники), остается сдержанным.

Принципиальное различие между коммунистическим режимом в СССР и национал-социалистическим режимом в Германии заключается в том, что, в соответствии с действующими юридическими документами, национал-социалистический режим был преступен, и сопротивление ему было оправдано, а коммунистический режим, хотя и совершивший множество преступлений против своих граждан, признан легитимным, а сопротивление ему, тем самым, - противоправным.

Российское правительство, заявившее себя полноправным наследником советской власти, объявило 1997 год, год 80-летия октябрьского переворота (и, заметим, 60-летия “большого террора”) годом “согласия и примирения”. “Мемориал” заявил, что необходимым условием такого согласия должно быть признание советского периода истории гражданской войной государства с собственным народом, признание ненасильственного противостояния коммунистическому тоталитарному режиму правомерным и сделать это законодательно и публично. Разумеется, жертвы этой односторонней гражданской войны должны быть признаны ее ветеранами со всеми подобающими последствиями.

4. Итоги

Сегодняшние политические события в России происходят на фоне больших циклических процессов русской истории, что полностью меняет понимание наблюдаемой картины. Со времен Макса Вебера известно, что политический либерализм и промышленная революция соотносятся с духом Реформации. Россия не пережила Реформации, как не пережила и Возрождения. В XV веке она прошла через эпоху Предвозрождения, не реализовавшуюся в российском Ренессансе, а в конце XIX - начале XX века она вступила в первую фазу духовных реформ. Религиозная философия разрабатывала проблемы христианской концепции личности, земство⁹ пыталось реализовать местное самоуправление, а столыпинские реформы взрывали крестьянскую общину и утверждали частное землевладение (что прямо связано с проблемой религиозной ответственности человека). Внутри Православной церкви назревали требования обновления и перемен. Но затем последовали известные события, и сегодня мы можем подвести итоги прошедшему восьмидесятилетию. Если говорить коротко, все эти начинания не свершились.

Февральская и октябрьская революции 1917 года в России черпали свой псевдо-религиозный смысл из несостоявшегося по их вине религиозного и церковного реформирования. Это завело развитие российской государственности в тупик. В настоящий момент идёт лишь вялая дискуссия об обновлении православия.

Внезапное прекращение усилий по духовному реформированию привело к остановке эволюционных процессов в обществе. На этом фоне жалобы на неуспешный ход российских реформ кажутся неадекватными. Подобные жалобы были бы оправданы лишь в случае поступательного и непрерывного развития российского общества.

Западный мир шел в противоположном направлении, усиливался суверенитет человека по отношению к государству, развивались новые формы экономических и политических связей (и политического доминирования) преодолевающие абсолютность государственных границ. Мировая тенденция увеличения степени независимости человека от государства, нашла свое выражение сначала в Декларации о правах человека 1948 года, а затем была зафиксирована Заключительным актом в Хельсинки в 1975 году, ограничившим государственный суверенитет в пользу личности. Опыт Освенцима, ГУЛАГа и Хиросимы мир воспринял как доказательство исчерпанности идеи государственного абсолютизма и необходимости защиты человека от всевластия государства.

---

⁹ "Земством" называются учреждения по самоуправлению в деревне, возникшие в России в конце XIX века.

В России же начало сбываться предсказание старца Филофея о Москве, как о Третьем Риме. На наших глазах Третий Рим сходит с исторической арены, как до него сошли Первый и Второй, а Четвертому, повидимому, действительно не быть, так как время территориальных империй прошло. Распад империи - это еще один исторический фактор, который меняет весь смысл политической жизни России, и делает малопригодным мировой опыт развития стабильных национальных государств. Сегодня перед нами стоит проблема судьбы постсоветского сообщества. Повидимому нас ждет или превращение страны в пространство, которое Тацит называл "зоной взаимного ужаса между германцами и сарматами" или судьба Священной Римской империи германской нации, на достаточно длительный исторический срок распавшейся на конгломерат "субъектов конфедерации" с разной исторической и политической судьбой.

Именно эти обстоятельства и порождают сильнейшее взаимонепонимание между Россией и Западом. Российские авторы говорят об особых путях России и о неприменимости западных мерок и систем западных ценностей к реалиям сегодняшней российской жизни. И они правы. Западные авторы и авторы, ориентированные на западные модели, говорят о том, что никаких особенных путей не бывает, а есть только различные стадии одной и той же магистральной линии развития, и применение опробованных мировым опытом моделей и рецептов ведет к успешному движению в русле этого развития. И они тоже правы. Дело только в том, что рецепты успешного развития не работают в условиях регресса и распада государства, и весь диалог между Россией и Западом должен строиться с учетом этого обстоятельства.

Б 4 Отчёт о процессе разработки темы

Йорг Люер

Отчёт о процессе разработки темы.

Опыт и результаты конференции "Примирение между Востоком и Западом?"

Сближение с обществами Средней и Восточной Европы".

Цель нашей конференции состояла в том, чтобы в рамках дискурсивного самоэксперимента, на конкретном тематическом примере, привлечшем наше внимание не в последнюю очередь в связи со II-й Европейской Экуменической Ассамблеей, опробировать форму и содержание наших теоретических выкладок, касающихся комплекса вопросов примирения. При этом с самого начала нам было ясно, что не может быть и речи о полном освещении этой комплексной тематики. Скорее всего мы стремились к тому, чтобы вскрыть главные структуры, разработать совместные вопросы и таким образом получить необходимые сведения об уровне нашего осмысления. В соответствии с этим мы и хотим, в первую очередь, сформулировать свой опыт и подвести предварительные итоги нашей конференции.

При подведении итогов конференции, анализе докладов и хода их обсуждения, сразу же, автоматически напрашивается впечатление разнообразного "гула голосов". Нередко можно было наблюдать недоумение из-за непредвиденных докладов, вносящих странную ирритацию. Некоторым докладчикам явно удалось, например, путём ярко выраженной исторической аргументации, внести продуктивную неуверенность в наши отшлифованные дискурсивные структуры, нередко уже заранее позволявшие с лёгкостью предвидеть последовательность аргументов и контраргументов.

Ирритации влекут за собой расслабление структур, а в результате, исходя из этого, во многих отношениях возникает вопрос о внутренней взаимосвязи затронутого аспекта. Существует ли эта внутренняя взаимосвязь феноменов вообще, если да, то в чём она состоит и можно ли надлежащим образом охватить и изобразить её, говоря о примирении?

После более внимательного вслушивания в упомянутый выше "гул голосов", выяснилось, что существует общая тема "Примирение", но в ней есть вариации, так как эта тема была составлена на различный лад и в различных тональностях, а также содержит в себе различные контрапунктические комментарии.

В каждом случае собственное представление о теме и составляет часть общей проблемы, не в последнюю очередь, ввиду своей несхожести с иными интерпретациями. Неглубокие представления о гармонии, которые лежат в основе также и феномена "клише о примирении",¹⁰ не позволяют ни охватить более глубокую структуру диссонансов, ни изобразить и, в перспективе, преодолеть их посредством обсуждения вопроса о примирении, так как при этом проявляется стремление поскорее найти общее и приуменьшается серьёзность имеющихся диссонансов. Некоторые докладчики пошли ещё дальше, поставив под сомнение само понятие примирение, как гармонизирующее уж по самой своей структуре.¹¹ В результате возник вопрос, а не затушёвываает ли разговор о примирении глубину реально существующих непримиримостей, внушая возможность слишком быстрого выхода из положения? Может быть значительно уместнее было бы использование таких понятий как "нормализация" или "процесс общественного просвещения"? Персональное понятие примирение предполагает выяснение вопроса "Кто с кем?" Возможно ли в таком смысле вообще примирение между народами?

В процессе обсуждения этого вопроса выяснилось, что расхождения имеются не столько на уровне практической работы по примирению, как скорее в различных семантических и культурных плоскостях понятия примирение, с их соответствующей коннотацией. Относительной чуждостью на уровне выработки политической концепции в общих докладах, зачитанных представителями отдельных стран, противостояла удивительная близость и удивительно спонтанное понимание на уровне конкретных проектов, как, например, "Мемориал" или работа с беженцами в Сомборе/в Сербии. Кстати сказать, эта чуждость ощутимо возрастала по мере увеличения географического расстояния - доклады из Сербии и Белорусии звучали как голоса из разных миров, в то время как доклады о положении в Польше и Чехии были весьма похожи друг на друга по своей аргументации и резюме. Этой семантической и культурной проблематике следует придать особо большое значение, учитывая, что все участники придерживались единого мнения относительно необходимости согласования дискурсов различных обществ, т.е. приведения в соответствие друг с другом каждого отдельного высказывания, и потребности вступления в диалог друг с другом, и тем самым, в процесс взаимного преобразования.

Участники из Средней и Восточной Европы продемонстрировали особенно ярко выраженное сознание необходимости предоставления в распоряжение собственных дискурсов для расширения опыта "других". Это убеждение нашло выражение, не в

---

¹⁰ См. доклады А.Кшеминьского и М.Фриштацкого

¹¹ См. доклады А.Кшеминьского и М.Мюллера

последнюю очередь, в готовности докладчиков и участников пойти на конференцию. То, что организаторы конференции, подбирая темы и докладчиков, отказались от "явно" церковной направленности, выдвинув на передний план стремление, совместно с другими "людьми доброй воли", сформулировать и пояснить "знамения времени",¹² было чрезвычайно положительно расценено участниками как из церковного так и не церковного контекста.

Исходя из постановки вопроса "Примирение между Востоком и Западом?" обсуждалась пригодность понятийной пары Восток-Запад для формулирования конфликтов, существующих в Европе. При этом выяснилось, что это противопоставление таит в себе слишком большую опасность рассмотрения актуальных конфликтов как продолжения конфронтации между блоками в годы холодной войны, соотношения сил, сложившегося начиная с XII-го столетия и даже как результат культурного антагонизма между православным и латинским христианством. Все эти элементы разумеется имеют своё влияние и оно должно быть подвергнуто тщательному изучению в каждом конкретном случае. Упомянутое понятийное преувеличение следует также считать составной частью восточного и западного самосознания и тем самым, несомненно, также и составной частью конфликтной ситуации. Опасность стилизации конфликта в более или менее неизбежную конфронтацию, как это в настоящий момент происходит в тезисах Самуила Хантингтона,¹³ структурно кроется в любом сформулированном понятии. Однако при столь широкой типологизации, эта опасность содержится в особой степени. В данном контексте следует отметить столь весьма показательный факт, что русские участники обращались с понятиями "Восток" и "Запад" довольно непринуждённо, в то время как участники из Средней Европы высказывали решительные оговорки.

В ходе дискуссии выяснилось, что конфликты средне- и восточноевропейских обществ между собой, соотв. внутренние конфликты, как например польско-еврейский, белорусско-русский или германо-чешские взаимоотношения, не могут быть достаточно охвачены в фокусе "Восток-Запад". Вместе с тем, для истолковывания опыта европейского разделения начиная с 1945 г., как и специфических проблем трансформации, перед которыми стоят в настоящий момент средне- и восточноевропейские общества, рассмотрение в фокусе Восток-Запад по-прежнему имеет центральное значение.

---

¹² Срвн. *Gaudium et spes*

¹³ S.P.Huntington, *Der Kampf der Kulturen. The crash of civilisations. Die Neugestaltung der Weltpolitik im 21. Jahrhundert.* München/Wien 1996

В качестве ключевой проблемы, играющей центральную роль во всех процессах примирения, был определён вопрос гарантии, закрепления, соотв. трансформации общественных, коллективных идентичностей.

В процессе глубокой трансформации социо-экономических условий, люди и общества, ввиду явных потрясений общих условий жизни, попадают под невероятное давление в поисках ориентации и нового назначения в социальном и историческом пространстве.

Так, повсюду можно наблюдать процессы общественного самообретения, которые в динамическом соотношении представлений о себе самих и о других оказывают существенное влияние на взаимоотношения различных обществ друг с другом. При этом существенное значение принадлежит обсуждению вопроса о непреодоленном историческом опыте и о перенесённых травмах. Удачный ход этой дискуссии, необходимый для предотвращения возникновения общественных аутизмов, предполагает диалог и, соответственно, встречу с противоположной стороной.

Эти процессы также поддаются описанию как примирение с прошлым в смысле принятия этого прошлого во всей его полноте и в смысле принятия процесса трансформации социо-экономических условий как развития собственной перспективы на будущее, - и то, и другое тесно взаимосвязано друг с другом.

Такое примирение, которое, как было замечено на конференции, демонстрирует большую схожесть с процессом Просвещения, расположено в своего рода временном горизонте коллективного "субъекта". Нации и этносы могут растягивать процессы своего развития и примирения на десятилетия, может быть даже на столетия.

В такой перспективе не получает ответа настоятельный вопрос ещё живущих жертв, не располагающих таким горизонтом, таким продолжительным временным пространством, в силу своей биографии. Для них такой "процесс Просвещения" обычно мало утешителен.

Память об умерших как правило менее проблематична, чем дискуссия с выжившими, хотя и она, как было продемонстрировано на польском и русском примерах,¹⁴ может быть довольно щекотливой.

---

¹⁴ См. доклады М.Фриштацкого и В.Иофе

Обязательным в процессе примирения является анализ болезненного опыта выживших жертв и общественное признание их страданий (между прочим путём реабилитации и соответствующего великодушного возмещения понесённого ущерба).

Изоляция выживших/жертв, которые в обществе большинства, стремящегося к нормальности, нередко воспринимаются как нарушители их своего плана, лишает общественное развитие его гуманного потенциала, поскольку оно переступает через слабых и пострадавших, как не имеющих функций в собственной проекции. Таким образом устраняется ирритирующее содержание опыта страданий, служащее необходимым коррективом.

В этом отношении вопрос о примирении выступает во всей его динамике. Речь идёт не только о смягчении всевозможных конфликтов. Скорее всего от этого зависит возможность гуманного развития вообще.

**Приложение: Программа конференции
                      Список авторов**

ПРОГРАММА

17 марта 1997 г.

- 18.30 Приветствие
 19.00 Ужин
 закл. Введение в крупные социо-культурные регионы Средней и
 Восточной Европы
Докладчик: Михаэль Г.Мюллер, Галле

18 марта 1997 г.

- 9.00 Польское самосознание между "Grande Nation de L'Est" и
 "Polski Komplex"
Докладчик: Адам Кшеминьский, Варшава
- 10.30 Перерыв, кофе
- 11.00 Сообщение о работе Международного центра
 встреч молодёжи в Освенциме
Докладчик: Марек Фриштацкий, Краков
- 12.30 Перерыв на обед
- 14.00 Россия и Запад
Докладчик: Марина Павлова-Сильванская, Москва
- 15.30 Перерыв, кофе
- 16.00 Смена перспектив в Белорусии
Докладчик: Станислав Шушкевич, Минск
- 19.00 Ужин
- 20.00 Сообщение о работе общества "Мемориал"
 в Санкт Петербурге и Москве
Докладчик: Вениамин В. Иофе, Санкт Петербург

19 марта 1997 г.

- 9.00 Чехия и её мощный сосед на Западе
Докладчик: Мирослав Кунштат, Прага
- 10.30 Перерыв, кофе
- 11.00 Сообщение о работе фонда Больцано
Докладчик: Ярослав Шабата, Брюнн
- 12.30 Обед
- 14.00 Сербские картины жизни.
Воспоминания. Опыт. Попытки примирения.
Докладчик: Александр Тисма, Новый Сад
- 15.30 Перерыв, кофе
- 16.00 Сообщение о работе с беженцами в Сомборе/Сербия.
Докладчик: Манда Присинг, Сомбор
- 19.00 Ужин
- 20.00 Возможность для личных контактов

20 марта 1997 г.

- 9.00 Сложные взаимоотношения между православием и католицизмом
Докладчик: Герхард Альберт, Фрайзинг
- 10.30 Перерыв, кофе
- 11.00 Заключительное заседание
Подведение итогов и попытка предварительного резюме.
- 12.30 Обед

Список авторов

Герхард Альберт, Фрайзинг

Прелат Дитер Гранде, Эрфурт

Вениамин Викторович Иофе, Санкт Петербург

Мирослав Кунштат, Прага

Адам Кшеминьский, Варшава

Йорг Люер, Бонн

Михаэль Г. Мюллер, Галле

Марина Павлова-Сильванская, Москва

Манда Присинг, Сомбор

Марек Фриштацкий, Краков

ARB 65/93

Allgemeine Wehrpflicht - ethisch noch vertretbar? Sozial-ethische Kriterien zur Beurteilung der Allgemeinen Wehrpflicht. Mit Anlage: Sozial-ethische Aspekte zur Wehrgerechtigkeit. Vorgelegt von der Arbeitsgruppe "Dienste für den Frieden" der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1995. (3. Auflage). 29 Seiten. 2,-- DM ISBN 3-928214-33-0

ARB 66/94

Der Konflikt im ehemaligen Jugoslawien. Vorgeschichte, Ausbruch und Verlauf. Nichtmilitärische und militärische Interventionsmöglichkeiten aus ethischer und politikwissenschaftlicher Sicht. Herausgegeben von der Arbeitsgruppe "Sicherheitspolitik" der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1994. (3. Auflage). 100 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-41-1

ARB 69/94

Bewahrung der Grundlagen des Lebens - Eine Aufgabe für die Kirchen. Ein Beitrag zur aktuellen Diskussion. Vorgelegt von der Arbeitsgruppe "Bewahrung der Lebensgrundlagen" der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1995. (2. Auflage). 82 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-55-1

ARB 70/95

Zukunft gesellschaftlicher Dienste. Teil I: Empfehlungen und Materialien zur Diskussion um eine allgemeine Dienstpflicht. Vorgelegt von der Arbeitsgruppe "Dienste für den Frieden" der Deutschen Kommission Justitia et Pax. Redaktion und Zusammenstellung der Dokumentation: Josef König.
1995. 192 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-62-4

ARB 71/96

Karl Osner, Organisationsprozesse armer Frauen. Auswertungsbericht vom Juli 1993 zum Exposure- und Dialogprogramm der Deutschen Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) mit der Self Employed Women's Association (SEWA) über Organisationsprozesse armer Frauen vom 22. bis 29.11.1992 in Ahmedabad (Gujarat), Indien. Entwicklung hat ein Gesicht bekommen. Bd. 3.
1996. 114 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-74-8

ARB 71/95e

Participatory organizational processes of poor women. Evaluatory Report of the Exposure and Dialogue Programme organized by GTZ and SEWA in Ahmedabad, India, November 22 to 29, 1992. Development has got a Face. Volume 3.
1995. 94 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-67-5

ARB 72

Udo Marquardt, Bedrohung Islam? Christen und Muslime in der Bundesrepublik Deutschland.
1996. 112 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-73-X

ARB 73

Versöhnung suchen - Leben gewinnen. Texte und Materialien zu den Ökumenischen Versammlungen in Erfurt und Graz. Eine Handreichung der Projektgruppe Versöhnung der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1996. 75 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-78-0

ARB 74

Wolfgang Schneider-Barthold, Karl Osner, Sehen, begreifen, verarbeiten, anwenden. Handlungsorientierte Fortbildung durch Exposure- und Dialogprogramme. Reihe: Entwicklung hat ein Gesicht bekommen. Band 4.
1996. 90 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-76-4

ARB 75

Karl Osner, Claudia Warning, Lernen von Paniben. Mitarbeiterfortbildung durch Exposure- und Dialogprogramme. Reihe: Entwicklung hat ein Gesicht bekommen. Band 6.
1996. VI + 140 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-77-2

ARB 76

Claudia Warning, Karl Osner, Armutsbekämpfung in Ghana. Aufbau von Kooperationsbeziehungen zur selbsthilfeorientierten Armutsbekämpfung. Reihe: Entwicklung hat ein Gesicht bekommen. Band 5.
1996. VII + 125 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-76-4

ARB 77

Udo Marquardt, Miteinander leben. Christen und Muslime in der Bundesrepublik Deutschland.
1996. 168 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-82-9

Gerechtigkeit und Frieden - Arbeitspapier

ARB 79

Peter Schulte-Holtey, *Minen wissen nicht, wann Frieden ist. Bericht und Dokumente zum Engagement des Bundesdeutschen Initiativkreises für das Verbot von Landminen.*
1996. 148 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-84-5

ARB 80e

Annette Krauß, Karl Osner, *Case Study on „Empowerment“: The SEWA-Approach. Series: Development has Got a Face, Volume 7.*
1997. 64 Pages. 6,-- DM ISBN 3-928214-92-6

ARB 81

Claudia Warning, *Staatliche Entwicklungszusammenarbeit zur beteiligungsorientierten Armutsbekämpfung - wie kann sie aufgebaut werden? Das Beispiel des Programms zur Verbesserung von Wassereinzugsgebieten in Maharashtra / Indien. Reihe: Entwicklung hat ein Gesicht bekommen, Band 8.*
1997. VI + 86 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-94-2

ARB 82

Johannes Mehlitz, *Strukturen für nachhaltige Armutsbekämpfung. Zwei Beispiele aus der Entwicklungszusammenarbeit mit Indien. Reihe: Entwicklung hat ein Gesicht bekommen, Band 12.*
1997. 143 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-95-0

ARB 83

Versöhnung - Gabe Gottes und Quelle neuen Lebens. Texte und Materialien zur Zweiten Europäischen Ökumenischen Versammlung in Graz 1997. Eine Handreichung der Projektgruppe Versöhnung der Deutschen Kommission Justitia et Pax. Teil 1.
1997. 26 Seiten. 2,-- DM ISBN 3-928214-96-9

ARB 84

Wehrdienst oder Kriegsdienstverweigerung? Ethische Überlegungen zur aktuellen Entwicklung bezüglich der Gründe und Motive junger Männer für die Kriegsdienstverweigerung. Vorgelegt von der Ständigen Arbeitsgruppe „Dienste für den Frieden“ der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1997. 28 Seiten. 2,-- DM ISBN 3-932535-04-9

ARB 85

Vergewaltigt - Verschwunden - Versöhnt. Versöhnung mit dem Leben angesichts von Menschenrechtsverletzungen an Frauen in Friedens- und Kriegszeiten. Eine Handreichung der Projektgruppe Frauen und Menschenrechte der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1998. 50 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-932535-06-5

ARB 86

Versöhnung zwischen Ost und West? Möglichkeiten und Bedingungen christlichen Versöhnungshandelns. Eine Handreichung der Projektgruppe „Versöhnung“ der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1997. 130 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-932535-07-3

ARB 86e

Reconciliation between East and West?.
1998. 146 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-932535-15-4

ARB 86f

Réconciliation entre l'Ouest et l'Est?.
1998. 150 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-932535-16-2

ARB 86r

Versöhnung zwischen Ost und West? Russischsprachige Ausgabe von ARB 86
1998. 133 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-932535-17-0

ARB 87

Erfahrungen aus dem Konflikt im ehemaligen Jugoslawien, Teil I: Analysen und Empfehlungen. Vorgelegt von der Projektgruppe Gerechter Frieden der Deutschen Kommission Justitia et Pax.
1997. (2. Auflage) 80 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-932535-08-1

Porto/Verpackung bis 2 Exemplare 1,50 DM, ab 3 Exemplare 3,-- DM. Bei Bestellung bitte Verrechnungsscheck oder Betrag in Briefmarken mitsenden.

Bestellung an

Justitia et Pax, Adenauerallee 134, D-53113 Bonn
Telefon (0228) 103-217   Telefax (0228) 103-318

Verzeichnis der Publikationen

Gerechtigkeit und Frieden - *Dokumentation*

DOK 31/91

Entwicklung hat ein Gesicht bekommen. Lebensberichte von dreizehn Frauen in Bangladesh zur People's Economy. Interpretation von Lebensberichten. Autoren: Gudrun Kochendörfer-Lucius und Karl Osner. 1991. (3. Auflage 1995) 100 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-12-8

DOK 31/91e

Development Has Got a Face. 1991 8,-- DM ISBN 3-928214-16-0

DOK 32/91

Der ferne Nächste. Partnerschaften von Diözesen und Pfarrgemeinden mit Ländern der Dritten Welt - Erfahrungen, Chancen, Aufgaben. Herausgegeben von Harry Neyer. 1991. 58 Seiten. 5,-- DM ISBN 3-928214-14-4

DOK 33/92

Die Todesstrafe. Bestandsaufnahme und Bewertung aus kirchlicher Sicht. Von Michael Sierck. 1992. IV + 156 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-11-X

DOK 35/92

Blick zurück nach vorn. Erklärungen zu 500 Jahre Lateinamerika aus der katholischen Kirche im deutschsprachigen Raum. Herausgegeben und eingeleitet von Peter Rottländer. 1992. 102 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-34-9

DOK 36/92

Guatemala: Auf dem Weg zum Frieden. Dokumente zum Friedensprozeß und zum Inhalt der Friedensverhandlungen. Herausgegeben von Gudrun Molkenkin. 1992. 91 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-35-7

DOK 37/94

Peru: Düstere Zukunft? Entwicklungen seit dem Staatsstreich vom 5.4.1992. Hg. von Gabriela M. Sierck. 1994. 74 Seiten. 6,-- DM ISBN 3-928214-49-7

DOK 38/94

Militär als Friedensstifter? Friedensethische Überlegungen zur außenpolitischen Neuorientierung Deutschlands. Dokumentation einer gemeinsamen Studienkonferenz der Deutschen Kommission Justitia et Pax und der Thomas-Morus-Akademie Bensberg. Herausgegeben von Thomas Hoppe und Harry Neyer. 1994. 150 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-928214-60-8

DOK 39

Shramshakti - Die Arbeitskraft der Frauen. Bericht der indischen Nationalen Kommission für selbständige Frauen und Frauen im informellen Sektor. Herausgegeben von SEWA - Self Employes Women's Association. 1997. XLII und 257 Seiten. 12,-- DM ISBN 3-928214-90-X

DOK 40

Erfahrungen aus dem Konflikt im ehemaligen Jugoslawien. Teil II: Dokumentation eines Workshops. Durchgeführt von der Projektgruppe Gerechter Frieden der Deutschen Kommission Justitia et Pax. Herausgegeben von Thomas Hoppe und Jörg Lürer. 1997. 135 Seiten. 8,-- DM ISBN 3-932535-05-7

Porto/Verpackung bis 2 Exemplare 1,50 DM, ab 3 Exemplare 3,-- DM. Bei Bestellung bitte Verrechnungsscheck oder Betrag in Briefmarken mitsenden.

Bestellung an

Justitia et Pax, Adenauerallee 134, D-53113 Bonn
Telefon (0228) 103-217   Telefax (0228) 103-318